

"Из бездны — к небесам"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Барбара Картленд

Из бездны — к небесам

От автора

Эта повесть о любви и ненависти, о страдании и счастье начинается с рассказа о том, как во время розыгрыша приза дерби две лошади приходят к финишу «голова в голову». Действительно, в истории этих самых знаменитых в мире скачек дважды имел место подобный случай.

В 1828 году Кадленд, жеребец герцога Ратленда, подошел к призовому столбу одновременно с Полковником, владельцем которого был почтенный Эдуард Петр. Скачки были повторены в тот же день после полудня, и голубую ленту получил Кадленд.

Но одно из самых примечательных в истории дерби событий произошло в 1884 году. Князь Баттиани пребывал в состоянии крайнего возбуждения, поскольку надеялся, что его Молодец, сын любимого жеребца князя, Проказника, выиграет 2000 гиней во время весенних скачек в Ньюмаркете. Однако напряжение оказалось столь велико, что на пороге столовой Жокей-клуба князь был сражен смертельным сердечным приступом.

Его смерть, несомненно, изменила весь ход скачек, поскольку, в соответствии с теми правилами, что действовали тогда, жеребец князя, Сен-Симон, был отстранен от участия в дерби. Сен-Симон был лучшей скаковой лошадью, какую когда-либо имел князь, и лучшим производителем, какого только знали английские скачки. Несомненно, именно он должен был выиграть дерби-1884 года.

В его отсутствие скачки закончились вничью: Харвистер сэра Джона Уиллоуби и Сен-Гатьен мистера Джона Хаммонда пересекли линию финиша одновременно. Стюарды предложили владельцам выбор: повторить скачки или разделить приз. Последнее предложение было единодушно принято.

Глава первая

1831 год

Ожидание было долгим: как всегда при розыгрыше больших призов, один фальстарт 1 следовал за другим.

Маркиз Олчестер, глядя в бинокль на лошадей, готовых к скачке, нетерпеливо вздохнул.

— Волнуетесь, Линден? — спросил Перегрин Уоллингхем.

— Нет, я уверен в успехе, — ответил маркиз.

Его друг рассмеялся:

— Точно так же сказал и Бранскомб.

Лицо маркиза помрачнело.

Он прекрасно понимал, что жеребец графа Бранскомба, Порох, — опасный соперник Честолюбца, который принадлежал самому маркизу, но, как он только что сказал Уоллингхему,

маркиз был совершенно уверен в победе своей лошади:

В день дерби 2 всегда собиралось намного больше народу, чем на любых других скачках.

Розыгрыш приза дерби был событием, которого с нетерпением ждали все — и спортсмены, и любители. И хотя этот день не был официальным выходным, вряд ли хоть один работодатель в Англии удивился бы, обнаружив в это утро, что его работники исчезли, если, конечно, у них была хоть какая-нибудь возможность добраться до Эпсому.

— Наконец-то!

Чей-то возглас, подхваченный многотысячной толпой, взлетел над скаковым кругом, когда флаг стартера наконец опустился, и скачка началась. Лошади должны были пройти Таттенхемский поворот и выйти на финишную прямую непосредственно перед трибунами. Это был звездный миг для воров-карманников, ибо все, кто находился на трибунах, изо всех сил вытягивали шеи, не обращая внимания ни на что, кроме лошадей.

Но уже через три минуты этот миг минует. Утвержденный результат скачки передадут голубиной почтой, в тот же вечер он станет известен всем. Голуби на своих крыльях доставят записки с именем победителя в редакции газет и букмекерские конторы по всей стране.

Толпа на трибунах гудела, не умолкая ни на минуту, обсуждая все, что происходило на скаковой дорожке.

В ложе Жокей-клуба, откуда самые именитые владельцы лошадей наблюдали за выступлением своих скакунов и где шумное выражение чувств считалось дурным тоном, царила тишина, но напряжение было таково, что воздух, казалось, сгустился и застыл.

Перегрин Уоллингхем был уверен, что причиной этого напряжения отчасти была вражда между графом Бранскомбом и маркизом Олчестером. Эти двое были давними соперниками. Уоллингхем, старый и самый близкий друг маркиза, недолюбливал графа не меньше, чем сам Олчестер.

Одной из причин этого была высокомерная уверенность графа Бранскомба в том, что он не только самый замечательный спортсмен в Англии, но и персону столь важную, что выше него стоит разве что король. Герцогов, маркизов и уж тем более других графов он и за людей не считал, полагая, что происхождение и древний титул ставят его несравненно выше их всех, и только благодаря какому-то несправедливому повороту судьбы он не является претендентом на престол.

Но особенно раздражало всех, и особенно маркиза Олчестера, что заявления графа были отчасти справедливы.

Он действительно был весьма известен исключительной удачливостью в спортивном мире.

Невозможно было оспаривать, что за последние два года лошади Бранскомба выиграли множество призов в классических скачках. Впрочем, не меньше призов досталось и маркизу Олчестеру.

Оба джентльмена были отличными стрелками и известными боксерами-любителями, и оба так прославились своим красноречием на заседаниях палаты лордов, что другие члены палаты стремились послушать их выступления. Особенно когда Олчестер и Бранскомб отстаивали противоположные мнения.

Но если маркиз Олчестер был весьма популярен среди современников, то о графе этого сказать было никак нельзя.

И несмотря на то что оба они держались весьма высокомерно, именно о графе за спиной говорили, что он совершенно невыносим.

Но вот лошади прошли Таттенхемский поворот и вылетели на финишную прямую.

Как всегда на больших ипподромах, пока лошади не приблизились к трибунам, было невозможно определить, какая из них ведет скачку.

Но как только они показались на последнем отрезке дистанции, толпа зашумела и возгласы «Порох! Порох!» потонули в море голосов, выкрикивавших: «Честолюбец!»

Лошади приблизились к трибуне, и Перегрин Уоллингхем пробормотал:

— Мой Бог, похоже, они окажутся у призового столба одновременно!

Он понял, что маркиз Олчестер подумал о том же, потому что тот внезапно весь напрягся, хотя и не произнес ни слова.

И в ту же минуту граф, который стоял по другую сторону от Уоллингхема, пробормотал раздраженно:

— Ну, давай же, давай, черт тебя поberi!

Крики толпы становились все громче, и, когда лошади приблизились еще немного, Перегрин Уоллингхем убедился, что лидеры скачки идут голова в голову.

Предсказать, какая из лошадей первой минует призовой столб, казалось абсолютно невозможным.

Оба жокея подняли хлысты, но лошади, уверенные, что способны обогнать соперника, и сами напряглись каждым мускулом в решительном стремлении вырваться вперед.

Вот они миновали призовой столб, и над толпой пронесся вздох безмерного удивления. Второй раз за пятьдесят лет розыгрыша приза дерби лидеры закончили скачку в мертвом гите — пересекли линию финиша одновременно.

— Полагаю, хоть ноздрю, но выиграл я! — напористо проговорил граф, отводя бинокль от глаз.

Маркиз, не отвечая, отвернулся и вышел из ложи вместе с другом. Они быстро, насколько позволяла толпа, которая бурлила у подножия трибун, направились к воротам, через которые выводили закончивших скачку лошадей.

— Никогда не видел ничего подобного! — воскликнул Перегрин, шагая рядом с маркизом.

— Ни за что не поверю, что один из них был хотя бы на дюйм впереди другого! — отозвался тот. — Что бы там ни утверждал Бранскомб...

— Вы совершенно правы, — согласился Уоллингхем. — И все же какая жалость, что вы не выиграли! Весь последний месяц Бранскомб хвастался, что его лошадь — бесспорный фаворит, и я был уверен, что это сократит ставки на Пороха.

Маркиз пристально посмотрел на своего друга.

— Надеюсь, вы тайком не ставили на него?

— Конечно, нет. Я поставил бы на Честолюбца даже свою рубашку, но, к сожалению, у меня их не так уж много осталось.

вернуться

1

Фальстарт — не правильный старт, ситуация, когда один или несколько участников начинают движение раньше сигнала стартера.

вернуться

2

Дерби — самые престижные скачки в Англии. Проводятся с 1780 года раз в год на ипподроме в Эпсоме. Названы по имени учредителя, 12-го графа Дерби. Лошадь-победитель получает голубую ленту.

Олчестер рассмеялся:

— Вам следовало бы переключиться на лошадей. В итоге они обходятся дешевле, чем куртизанки.

— Я уверился в этом давным-давно, — согласился Перегрин. — Но эта маленькая танцовщица из Ковент-Гардена, словно магнит, вытягивает деньги из моего кармана быстрее, чем я успеваю их туда класть!

В голосе Уоллингхема звучало раскаяние, но маркиз его уже не слушал. Он наблюдал за своим Честолюбцем, который рысью возвращался с дистанции, и видел, что его жокей яростно спорит с жокеем Пороха.

Только когда беспорядочный шум толпы, которая неистовствовала за ограждением, уже не давал жокеям слышать друг друга, они наконец сосредоточились на торжественности момента и по расчищенной от публики дорожке направили лошадей к весовой.

Оставив Уоллингхема снаружи, маркиз шагнул в паддок 3. Едва его жокей спешился, маркиз спросил:

— Что произошло, Беннет?

— Он оттолкнул меня, когда мы вышли на прямую после Таттенхемского поворота, милорд. Я бы легко с ним справился, если бы не это!

Маркиз нахмурился.

— Это действительно так? — спросил он. — Вы уверены в том, что только что сказали?

— Для жокея он вел себя хуже некуда, милорд, это совершенная правда!

— Я вам верю, — сказал маркиз, — но сомневаюсь, что мы сможем что-нибудь изменить. Идите взвешиваться.

Держа под мышкой седло, Беннет направился к весам, где его уже ждали стюарды 4, и в этот момент мимо прошел, ухмыляясь, жокей графа.

Он пробормотал так тихо, что его мог слышать только Беннет:

— Фискалишь? Легче тебе от этого не станет.

Когда Беннет начал выступать на лошадях маркиза, тот запретил ему спорить или ссориться с другими жокеями в присутствии стюардов. Независимо от того, на чьей стороне была правда, подобный спор отражался на репутации обоих спорщиков, поэтому и на этот раз Беннет промолчал, плотно сжав губы.

И только вернувшись к маркизу, жокей сказал:

— Я достану этого Джейка Смита, чего бы мне это ни стоило! Всем известно, что он играет не по правилам, поэтому никто и не хотел иметь с ним дела, пока его не нанял его светлость!

Маркиз нахмурился:

— Это действительно так?

— Это всем известно, милорд. Джейк Смит получил разрешение снова участвовать в скачках всего три месяца тому назад.

Несколько мгновений маркиз хранил молчание. Затем он поздравил жокея и, пообещав ему обычное вознаграждение, которое, если лошадь выигрывала скачку, бывало весьма и весьма щедрым, поспешил вернуться к Перегрину Уоллингхему, чтобы пересказать ему все, что узнал от жокея.

— Мне приходилось слышать, что Смит не слишком честен, еще до того, как его взял на работу Бранскомб, — ответил Уоллингхем, — но он ни разу не выступал на лошади, на которую мне хотелось бы поставить. Я постараюсь разузнать о нем все, что смогу.

— Сделайте это, пожалуйста, — кивнул маркиз. — А теперь, если только вы не хотите остаться на следующую скачку, нам стоит поспешить с возвращением в Лондон.

Когда туда двинется вся эта толпа, путешествие станет весьма и весьма затруднительным, так что чем быстрее мы выберемся отсюда, тем лучше.

— Я уже готов, — ответил Перегрин.

— К тому же, — продолжал маркиз, — я не хочу возвращаться в ложу и слушать, как Бранскомб утверждает — а он, конечно, это делает, — что он единственный победитель.

— Официально объявлено, что это был мертвый гит, — заметил Уоллингхем. — Поэтому вы поровну разделите призовой фонд — 2800 фунтов.

— Это не мешает ему утверждать, что я не заслуживаю приза, — мрачно ответил маркиз. —

Боже мой, как я не выношу этого человека!

Уоллингхем рассмеялся.

— Это трудно не заметить, но я допускаю, что его тщеславие и надменность уже сидят в печенках у всех, кроме его величества!

Маркиз ничего не ответил. Он слишком хорошо знал, что новый король, Вильгельм IV, был введен в заблуждение графом Бранскомбом, который не уставал превозносить свои исключительные достоинства. И небезуспешно: король находил его прекрасным советником.

Бранскомб, надо отдать ему должное, сумел использовать те возможности, которые обычно открываются при смене монарха, и в конце концов стал несомненным фаворитом Вильгельма, так что любой честный придворный мог с горечью сказать:

— Мне всегда казалось, что одного монарха достаточно, но, когда их вдруг оказывается двое, мое положение становится совершенно невыносимым!

Доверчивый, добродушный и глуповатый король был очень озабочен тем, чтобы произвести впечатление на своих подданных. С помощью своей жены, маленькой немочки, безвкусно одетой и скучной, он совершенно изменил те нравы, которые царили при дворе его брата, Георга IV.

Аморальные истории и распутство придворных перестали питать скандальные слухи, которые разносились прежде по всей стране. Но, к несчастью, ушло и веселье, как с грустью констатировали те, кто окружал короля в Виндзорском замке и в Букингемском дворце.

Княгиня Левина, жена русского посла, жаловалась маркизу, что английский королевский двор стал невыносимо тоскливым и скучным.

— Там невозможно даже поговорить, — сетовала она. — По вечерам мы все сидим за круглым столом. Король дремлет, королева вышивает, все оживленно беседуют — но никогда о политике.

Маркиз рассмеялся. Он знал, что княгиню, живую, остроумную, порой несдержанную на язык, подобная обстановка, действительно, могла заставить страдать. Оставалось лишь надеяться, что графу Бранскомбу в конце концов наскучит то место, которого он для себя добился.

Сам маркиз, беседуя с королем с глазу на глаз, пришел к выводу, что монарх, хотя и несколько склонен повторяться, — вполне интересный собеседник, когда речь заходит о том, в чем он разбирается.

Но во многих случаях Олчестер был готов согласиться с герцогом Веллингтоном, который однажды, как обычно, грубовато заявил:

— Мой господин воистину слишком глуп! Когда он собирается произнести застольную речь, я поворачиваюсь к нему тем ухом, которое почти оглохло, чтобы не подвергаться искушению его прервать!

Маркиз энергично прокладывал путь через толпу «жучков», цыган, мошенников и воров.

Здесь были карлики, клоуны, акробаты, негры-музыканты и промышлявшие на скачках «жучки». И все они вносили свою лепту в суматоху, которая царила у трибун.

Маркиз и его спутник постарались побыстрее пробраться сквозь толпу к своему фаэтону, и, когда лошади выбрались на лондонскую дорогу, Перегрин Уоллингхем сказал:

— Полагаю, королю, который не слишком разбирается в скачках, будет приятно, что лошадь Бранскомба пришла первой, даже если он и вынужден был разделить свою славу с вами.

— Несомненно, король поверит, что Бранскомб должен был выиграть, если бы только Честолюбец, по чистой случайности, разумеется, не миновал призовой столб одновременно с Порохом.

В голосе маркиза звучала горечь, и Уоллингхем почувствовал, что мысль об этом заставляет его страдать.

На самом деле, думал Перегрин, это было потрясающее зрелище, тем более удивительное, что лишь немногие из завсегдатаев ипподрома могли бы ожидать подобный исход. Но, поскольку Уоллингхем искренне любил маркиза, он сказал примиряюще:

— Ну, Линден, мы-то с вами знаем, что его победа не была честной, но если мы станем говорить об этом, ничего хорошего не произойдет.

— Конечно, нет, — согласился маркиз, — но я сделаю все, что от меня зависит, чтобы этот проклятый жокей получил по заслугам. Я готов поспорить на любую сумму, что Бранскомб знал, что делает, когда нанимал этого человека.

— Конечно, знал! — с жаром ответил Перегрин. — Он собирался побить вас любой ценой, не важно, честно или бесчестно!

— Меня это не удивляет, — заметил маркиз. — Бранскомб был таким еще в ту пору, когда учился в Итоне. Он всегда должен был быть первым и, если вы помните, мы уже тогда шли ноздря в ноздю во многих отношениях.

вернуться

3

Паддок — огороженная площадка на ипподромах для проводки лошадей перед стартом.

вернуться

4

Стюарды — распорядители на скачках, назначаемые Жокей-клубом из числа особенно уважаемых людей, задача которых следить за соблюдением правил.

Перегрин засмеялся. Соперничество между этими двумя мальчишками было неизменной темой для обсуждения в школе, и остальные ученики делились на партии, одна из которых поддерживала маркиза, а другая — графа. То же самое продолжалось, когда они оба поступили в Оксфорд.

Сам Уоллингхем недолюбливал Бранскомба за то, что, несмотря на все свои успехи в спорте, тот не был честным игроком.

Он был готов на все, лишь бы оказаться победителем.

Некоторые мальчики и юноши с необычайной проникательностью чувствуют тайные пороки друг в друге, и Перегрин был абсолютно уверен, что и Бранскомба мучает что-то, о чем не подозревают другие.

Хотя и маркиз не был лишен недостатков, по мнению его друзей, он был истинным джентльменом, не способным на обман или бесчестный поступок.

— О чем вы думаете? — спросил Олчестер, когда самое худшее столпотворение осталось позади и лошади смогли двигаться быстрее.

— О вас, как всегда...

— Я тронут, — с сарказмом в голосе откликнулся маркиз. — Но почему?

— Я сравнил вас с Бранскомбом, и сравнение оказалось не в его пользу.

— Итак, я должен хорошо все обдумать. Не стоит загадывать наперед, что произойдет сегодня за обедом.

Праздничный обед в честь розыгрыша дерби, который давали стюарды от имени Жокей-клуба, был важным событием, во время которого каждый победитель получал заслуженные им почести и поздравления, поскольку обед устраивался в его честь.

Перегрин знал, насколько утомительно для маркиза будет делать вид, что он радуется обществу Бранскомба и подавлять в себе желание рассказать всем, что шансы их лошадей сравнялись лишь благодаря жульничеству жокея, нанятого графом.

— Будем надеяться, что нам не придется задержаться там надолго, — сказал Перегрин, стараясь поддержать друга. — Недавно из Франции в «Дом свиданий» прибыли несколько весьма привлекательных тонких штучек. Возможно, вам покажется интересным с ними познакомиться, как только нам удастся улизнуть.

Поскольку маркиз ничего не ответил, Перегрин вспомнил, что его друг считает посещение подобных мест пустой тратой времени, и добавил поспешно:

— Впрочем, вы, вероятно, предпочтете встретиться с леди Изобел.

В его голосе прозвучала нотка сомнения, как будто он только что понял, что в последнее время маркиз встречается с леди Изобел Сидли не так часто, как можно было бы ожидать.

Это казалось тем более удивительным, что леди Изобел, признанная первая красавица столичного светского общества, была безумно влюблена в маркиза, что не являлось секретом для лондонского высшего света.

Перегрин Уоллингхем часто думал, что леди Изобел родилась слишком поздно: ее пылкость и неосторожность вызвали бы всеобщее восхищение лет пятнадцать назад, во времена Регентства. Перегрин любил хорошеньких женщин и вовсе не желал видеть их недотрогами или жеманницами.

К несчастью, леди Изобел так и не научилась обуздывать свои чувства, и ее безрассудная страсть к маркизу, которую она даже не пыталась скрыть, шокировала королеву.

Последовала долгая пауза. Затем, не спуская глаз с лошадей, маркиз произнес:

— Нет, я не собираюсь встречаться с Изобел. Сказать по правде, она меня больше не интересует.

Уоллингхем обернулся и с недоверием посмотрел на друга.

Он полагал, что маркизу, возможно, стоило бы убедить Изобел вести себя не столь вызывающе или пореже появляться вместе с ней в свете, но окончательный их разрыв казался Перегрину совершенно невозможным.

— Вы уверены? — спросил он.

Олчестер кивнул:

— Мне стало скучно.

На это Уоллингхему ответить было нечего, и они снова замолчали.

Перегрин думал о том, что это похоже на его друга: безжалостно порвать, хотя большинство мужчин на его месте сочли бы, что подобное решение трудно осуществить.

Но маркиз был человеком прямым. Если кто-то начинал казаться ему скучным, он немедленно прекращал эти отношения, будь то любовное приключение или дружба.

— А Изобел об этом знает? — наконец спросил Уоллингхем.

— Я еще не говорил с ней, но сделаю это при первом же удобном случае. Думаю, она поняла намек: мы не встречались уже больше недели.

Перегрин припомнил, что видел грума в ливрее цветов Сидли в доме маркиза не далее, как сегодня утром. Он принес письмо, в котором, вероятно, леди Изобел достаточно красноречиво высказывала все, что не смогла сказать маркизу лично.

Наступило время рассказать Олчестеру о том, что беспокоило Уоллингхема с самого утра:

— Линден, вы готовы услышать известие, которое наверняка вызовет ваше раздражение?

Тон, которым это было сказано, встревожил маркиза куда больше самих слов, и он пристально посмотрел на друга.

— Это касается Изобел?

— Нет, не имеет к ней никакого отношения, — быстро ответил Уоллингхем. — Есть одно дело, о котором, мне кажется, я давно должен был вам рассказать, но не было подходящего случая.

— И он настал именно сейчас?

— Полагаю, данный момент не хуже любого другого, — уныло ответил Перегрин. — Кстати, я вспомнил, что в прежние времена короли рубили головы гонцам, принесшим дурную весть.

Маркиз засмеялся.

— И вы опасаетесь, что то же произойдет с вами?

— Во всяком случае, сейчас у вас в руках вожжи! — заметил Уоллингхем.

Олчестер снова засмеялся:

— Я не собираюсь вас бить, что бы вы мне ни рассказали. Но вы возбудили мое любопытство. Я теряюсь в догадках, о чем пойдет разговор.

— Это касается Бранскомба.

Маркиз застонал:

— А я-то старался забыть о нем! Хотя бы до тех пор, пока снова не увижу его чопорную физиономию на сегодняшнем обеде.

— Если верить его словам, ее величество восторгается им сверх всякой меры и считает, что он выглядит как джентльмен.

— Спаси нас Бог! — воскликнул маркиз. — По счастливой случайности Бранскомб считает себя не джентльменом, а аристократом. Это доставляет ему большее удовлетворение и позволяет еще больше раздуться от сознания собственной важности!

— Как жаль, что мы не можем ему об этом сказать, — рассмеялся Перегрин.

— Что же такого вы собираетесь рассказать мне я нем, чего я еще не знаю?

— Я бы очень удивился, если б вам об этом сообщили, — заметил Перегрин. — Вам известно, как королева озабочена тем, чтобы все представленные ко двору были «соединены священными узами брака»?

— Княгиня Левина передавала мне слова королевы: «Мы хотим, чтобы все эти люди, которые так близки к королю, были бы столь же счастливы, как мы с моим дорогим супругом».

Маркиз так похоже изобразил королеву, даже голос его зазвучал слабо и сентиментально, что Перегрин торопливо проговорил:

— Осторожнее, Линден, как бы ее величество не поставила вас перед алтарем, прежде чем вы опомнитесь!

— Уверю вас, она не сделает ничего подобного! — возразил маркиз. — Я не колеблясь заявляю, что женюсь не раньше, чем сам этого захочу, даже если за неповиновение королевскому указу меня отправят в Тауэр!

— В этом я не сомневаюсь, — улыбнулся Перегрин. — Но Бранскомб сказал королеве, что это прекрасная идея, и даже уже сообщил кое-кому из своих знакомых, на ком именно он намерен жениться.

По тону Перегриня маркиз понял, что его друг придает большое значение своему сообщению, и, не сомневаясь, что Уоллингхем ждет от него вопроса, заговорил:

— Я почти уверен, что вы собираетесь сказать мне, кто эта несчастная...

— Княгиня Левина рассказала об этом мне, потому что не решилась лично сообщить вам: Бранскомб намерен жениться на вашей подопечной, как только она вернется в Англию.

На лице маркиза отразилось безмерное удивление.

— На моей подопечной? — воскликнул он. — Какого черта... — Он остановился. — Не мог же он говорить о Мирабел?

— Именно о ней! О Мирабел Честер!

— Но она еще школьница! Она еще ничего не видела в жизни и вернется в Англию не раньше, чем через месяц.

— Это так, — согласился Уоллингхем. — Но о ней уже говорят.

— То есть вы хотите сказать, — резко произнес маркиз, — что говорят о ее состоянии?

— Вы, как всегда, уловили самую суть!

Восклицание, которое вырвалось у Олчестера, сильно походило на ругательство.

— Только не говорите мне, что Бранскомб нуждается в деньгах!

— Княгиня Левина, по секрету конечно, сказала мне, что некоторое время тому назад он тайне от всех начал искать богатую наследницу. Очевидно, он сказал тому, кто потом передал это княгине, что, как бы он ни ненавидел вас, он не может не признать, что наследница рода Честеров для него — почти что ровня.

— Да неужели! — взорвался маркиз.

— Когда Бранскомб узнал, как богата ваша подопечная, — продолжал Перегрин, — он решил, что Мирабел — как раз то, что ему нужно.

Губы маркиза плотно сжались. Помолчав, он спросил:

— Милостивые небеса! Но почему?

— Княгиня предложила мне единственно возможное объяснение: после смерти старого графа Бранскомб обнаружил, что отец оставил ему куда меньше, чем рассчитывал сын, — Он женится на ней только через мой труп! — воскликнул Олчестер. — Как опекун Мирабел я никогда не дам разрешения на ее брак с Бранскомбом!

Некоторое время они ехали в молчании, затем Уоллингхем произнес:

— Вам придется поискать весомое обоснование подобного отказа.

Маркиз ответил не сразу, но по выражению его лица Перегрин догадался, что тот вполне отдает себе отчет в том, насколько трудно обосновать отказ такому жениху, как граф Бранскомб.

Что бы ни говорили о нем, граф обладал громким и уважаемым титулом, владел поместьями, которые были частью истории королевства, и к тому же пользовался расположением и короля, и королевы.

Но Олчестер размышлял о своих обязательствах в отношении дочери двоюродного брата.

Эдуард Честер умер два года тому назад. Это была одна из тех блестящих, но беспокойных

натур, которые видят счастье лишь в непрерывных странствиях по самым диким и экзотическим странам и готовы без всякой необходимости рисковать жизнью, ввязываясь в такие авантюры, которых люди более осторожные постарались бы избежать.

Но хотя его путешествия нередко бывали и трудны, и опасны, они принесли ему огромное богатство.

Кто-то из друзей сделал его совладельцем золотого рудника, который неожиданно оказался очень богатым, а в совсем другой части мира принадлежавшие ему бесплодные земли внезапно начали приносить доход, потому что на них открыли месторождение нефти.

Возможно, именно потому, что его никогда по-настоящему не интересовали доходы и прибыли, то, что он покупал совершенно случайно, вдруг оказывалось золотым дном.

Когда же он был убит, как предсказывали многие из его знакомых, при попытке перевалить через горный хребет, который считался непроходимым, его дочь Мирабел унаследовала огромное состояние, и опекун, которого она никогда не видела, должен был этим состоянием распорядиться от ее имени.

Мать Мирабел была наполовину итальянкой, и Эдуард Честер, прежде чем отправиться в свою последнюю экспедицию, из которой он так и не вернулся, перевез жену и дочь в Италию.

Неизвестно, получил ли Эдуард Честер письмо с известием о смерти жены. Маркиз, во всяком случае, раньше узнал о кончине миссис Честер, чем о гибели кузена, и между этими событиями прошло не более месяца. Все это случилось прошлым летом, и, пока граф думал, что ему следует предпринять, пришло письмо от тети Мирабел, у которой после смерти матери жила девушка.

Графиня писала, что девушка учится в Риме в прекрасной школе и вряд ли стоит отправлять ее в Англию до окончания траура.

Маркиз нашел этот довод вполне разумным.

— На следующий год, когда ей исполнится восемнадцать, ее можно будет представить королеве, — сказал он Уоллингхему, — и у меня много пожилых родственниц, которые только обрадуются возможности сопровождать ее во время выездов в свет.

— Вы что, тоже собираетесь сторожить дверь вместе со всеми этими вдовами? — Перегрин явно поддразнивал друга.

— Я собираюсь только отгонять охотников за приданым. Ради Бога, Перегрин, вы знаете сколько унаследовала Мирабел?

Услышав ответ, Перегрин согласился, что эта сумма столь велика, что все лондонские моты будут виться вокруг девушки словно потревоженные осы.

— Я собираюсь выдать ее замуж за первого же порядочного молодого человека, который появится в ее окружении, лишь бы снять с себя ответственность, — заметил маркиз. — Мне нравился Эдуард, как бы эксцентричен он ни был, и я не позволю, чтобы его дочь была обманута одним из этих титулованных бездельников, которые уверены, что состоятельной женщине не нужно от них ничего, кроме короны пэров.

Подобные чувства весьма похвальны, подумал Перегрин. Но никто не решится утверждать, что

граф Бранскомб — нищий и ему нечего предложить невесте, кроме титула.

Уоллингхем не сомневался, — что маркиз не хотел бы видеть ненавистного и презираемого им человека женихом дочери своего двоюродного брата, которому симпатизировал.

Но он понимал, как трудно будет Олчестеру придумать предлог для отказа, причем настолько убедительный, чтобы Бранскомб не смог вызвать его на дуэль.

Вильгельм IV строжайше запретил дуэли, но, поскольку при желании способ всегда можно найти, джентльмены время от времени разрешали свои споры, обмениваясь выстрелами из пистолетов.

Правда, в случае дуэли трудно было предсказать, кто окажется победителем, но Перегрин точно знал, что дуэль необходимо предотвратить любой ценой.

Вслух он произнес:

— Я понимаю, что вы чувствуете, Линден, но, если Бранскомб всерьез решит жениться на вашей подопечной, будет чертовски трудно помешать ему сделать это.

Маркиз помолчал, плотно сжав губы, потом ответил:

— Какая наглость с его стороны — болтать о своих намерениях в отношении женщины, даже не спросив, хотя бы из вежливости, что она думает об этом!

— Он слишком уверен в том, что девушка ему не откажет, — заметил Уоллингхем. — Граф Бранскомб первый человек в государстве после короля, к тому же его любимец! Это может показаться ей похожим на сказку, которая стала явью.

— Если только не знать, как знаем мы с вами, что под этой мишурой вовсе не скрывается сказочный принц.

Перегрин кивнул:

— Вы помните Розу?

Маркиз не ответил, но оба они подумали о молоденькой танцовщице, которую Бранскомб соблазнил, когда Олчестера не было в Лондоне, исключительно чтобы досадить ему.

Когда маркиз вернулся с севера Англии, где проводились скачки, он обнаружил, что Бранскомб перевез танцовщицу в особняк, который был намного больше, чем тот, что снимал для нее сам Олчестер. Теперь ее коляска запрягалась не парой, а четверкой лошадей, а туалеты и драгоценности поражали роскошью.

Понимая, что Бранскомб нарочно старался публично унижить его, маркиз пришел в бешенство, но он был слишком умен, чтобы выдать свои истинные чувства. В результате граф был удовлетворен куда меньше, чем ожидал.

Больше того, зная, что его слова непременно дойдут до графа, маркиз во всеуслышание заявил в клубе о том, как он безмерно благодарен Бранскомбу, избавившему его от этой девицы, которая исчерпала свой репертуар, а повторения «на бис» он не заслуживал.

Но Олчестер не мог предвидеть, что их с графом вражда будет стоять молоденькой танцовщице ее карьеры. Свое оскорбленное самолюбие граф выместил на девушке. Он не только отнял все,

что сам же подарил ей, но и добился, чтобы ее уволили из театра и не принимали никуда больше.

Оставшись буквально без куска хлеба, Роза была вынуждена обратиться за помощью к маркизу. Она долго не решалась, опасаясь, что он не простит ее измену.

Но Олчестер не только проявил щедрость, но и помог ей получить приглашение в гастролирующую труппу, которая выступала в крупнейших городах провинции и недавно появилась на лондонских подмостках.

Хотя как любовница она его уже не интересовала, Роза со слезами благодарила его. А в своих счетах с графом маркиз выиграл еще одно очко.

— Что мне теперь делать? Перегрин, вы должны помочь мне в этом деле, — озабоченно проговорил Олчестер.

— Конечно, я готов для вас на все, — отозвался Уоллингхем, — но что мы можем предпринять?

— Конечно, можно написать графине и попросить ее не отпускать Мирабел в Лондон в этом году.

— Но ведь это всего лишь отсрочка? И если Бранскомб решил непременно на ней жениться, он вполне может отправиться за ней не только в Рим, но и вообще на край света.

Маркиз задумался, и прошло не меньше получаса, прежде чем он заговорил снова:

— Не может быть, чтобы не было способа остановить Бранскомба!

— Разве что найти для него другую богатую наследницу! Но в Лондоне найдется не так уж много девушек, чье состояние может сравниться с состоянием Мирабел Честер!

— Это мне известно. Кроме того, хотя в последний раз я видел ее ребенком, я уверен, что она прелестна и у нее прекрасный характер.

— Не думаю, что Бранскомба интересует ее характер, — усмехнулся Уоллингхем.

— Но я должен предотвратить этот брак! Если бы Эдуард был жив, он бы увез ее на вершину Гималаев или в пески Гоби, но в подобных местах и мужчине пришлось бы нелегко, что уж говорить о молоденькой девушке!

— Должен же быть какой-то другой выход, — проговорил Уоллингхем. — Не может быть, чтобы в Лондоне не нашлось еще одной богатой наследницы, которая ожидает чести быть представленной королеве!

— Если подобная особа существует, мы непременно о ней услышим, — заметил маркиз, — а уж княгиня Левина наверняка в курсе дела. Никогда не поверю, что какая-нибудь свежая новость лондонского света сможет миновать чуткое ухо нашей приятельницы.

— Может быть, спросить у нее? — предложил Перегрин.

— О нет! Ради всего святого! — испуганно воскликнул маркиз. — Я поклялся, что Бранскомб не женится на моей подопечной, но вам не хуже, чем мне, известно, что нет такой силы, которая помешала бы княгине передать ему мои слова. А тогда он станет добиваться своего еще настойчивее!

— Я не думаю, что на свете вообще существует какое-нибудь препятствие, непреодолимое для графа, — сказал Уоллингхем, — особенно если ему действительно нужны деньги. Пожалуй, кроме вас, никому и в голову не придет мешать ему!

— Может, я смогу убедить Мирабел не принимать его предложение?

— Это было бы неплохо, но вы прекрасно понимаете, что большая часть ваших родственников сочтет графа подходящей партией. Среди всех известных мне холостяков нашего круга нет никого, кто выдержал бы сравнение с Бранскомбом. За исключением вас, разумеется, но вы для этого случая вряд ли подходите.

— Вы, безусловно, правы. Я вообще пока не намерен жениться, а тем более на неоперившейся школьнице!

— Итак, мы вернулись к тому, с чего начали, — резюмировал Уоллингхем. — Бранскомб в роли злодея или героя драмы — это как вам больше нравится — и юная героиня, прелестная и невинная, неопытная, ничего не знающая о жизни, в которую только-только вступает.

Перегрин произнес эту фразу с драматическим пафосом, ожидая, что маркиз рассмеется, но тот вдруг резко переспросил:

— Что, что вы сказали? Повторите!

— Что именно?

— То, что вы только что сказали. Вы подали мне неплохую идею!

— Я сказал: «Бранскомб...»

— Нет, не о нем. Что вы сказали о девушке?

— Я сказал: юная героиня, прелестная и невинная, неопытная... — медленно повторил Уоллингхем.

— Вот оно! — воскликнул маркиз. — Именно так! И Бранскомб никогда ее не видел!

— О чем вы?

— Это же очевидно! Все, что нам требуется, это найти юную, прелестную, невинную девушку, не искушенную в жизни, которую мы втайне воспитаем в «своей конюшне», чтобы подготовить ее к этим скачкам, в которых Бранскомб заранее считает себя победителем!

— Но кто сыграет эту роль? — спросил Уоллингхем.

— А в этом вся соль! — ответил маркиз. — Я скажу вам, кто сыграет эту роль.

Он помолчал немного, а затем продолжил, и в его голосе зазвучал металл:

— Бранскомб — сноб, и поэтому она должна явиться из трущоб; Бранскомб жаждет денег, и поэтому у нее не будет ни гроша; Бранскомб хочет жену аристократической крови, которой он мог бы гордиться, поэтому она будет безродной! Это преподаст ему урок, который он никогда не забудет — и я тоже!

Глава вторая

— Поздравляю! — сказал Уоллингхем, как только лошади тронулись.

Маркиз, сосредоточенно правивший упряжкой, улыбнулся, и его друг понял, что все шло, как ожидалось.

Накануне вечером, прибыв в поместье Олчестера в Хартфордшире, они просидели за полночь, размышляя, где найти девушку, которая смогла бы ввести графа в заблуждение.

Перегрин сначала настаивал на том, что она должна быть актрисой, но маркиз решительно отверг эту мысль:

— Если она попытается играть, обман очень быстро обнаружится, а именно этого мы должны избежать любой ценой. Он должен жениться на фальшивой наследнице, а уж тогда мы раскроем ему правду и заставим выглядеть полным дураком.

— Пожалуй, — неохотно согласился Уоллингхем.

— И более того, — продолжал маркиз, — я не собираюсь давать повод обвинять меня в мошенничестве.

— Что вы имеете в виду?

— А то, что девушка, которую я представлю Бранскомбу, на самом деле будет моей подопечной.

Уоллингхем изумленно посмотрел на него.

— Как вы собираетесь это устроить?

Губы маркиза скривились в презрительной усмешке.

— Если бы я жил на Востоке, я бы, безусловно, мог купить ее на невольничьем рынке, но, поскольку мы с вами в Англии, нужно получить право на устройство ее судьбы более деликатным способом.

— Надеюсь, вы не собираетесь воспользоваться услугами какой-нибудь старой ведьмы из тех, что заманивают деревенских девушек в публичные дома, а потом продают любителям юных девственниц?

— Я не собираюсь опускаться до подобной грязи, — резко возразил маркиз. — Но есть же на свете девушки, которые были бы рады получить богатого опекуна.

— Может, сироты?

— Вот и ответ на все наши вопросы! — воскликнул Олчестер. — Под моим покровительством находятся два сиротских приюта.

— Так давайте немедленно съездим туда, — предложил Уоллингхем. — И лучше, чтобы у девушки не было никаких родственников, которые могут внезапно объявиться и начать скандалить или шантажировать вас. Все должно сойти гладко.

— Сперва надо найти подходящую девушку, — напомнил маркиз, и по его улыбке Перегрин понял, что идея, которая пришла ему в голову, показалась его другу весьма недурной.

Всю дорогу до Олчестерского аббатства они не могли говорить ни о чем другом.

Родовое гнездо маркиза, построенное задолго до закрытия монастырей, было когда-то цистерцианским 5 аббатством и одним из самых прекрасных памятников архитектуры в Англии.

Позже основная часть его была превращена в удобный жилой дом, но изящные крытые аркады, большая трапезная и средневековая часовня сохранились.

Перегрину казалось, что в Олчестерском аббатстве царилла какая-то особая атмосфера. Он никогда не решился бы сказать об этом самому Олчестеру, но про себя удивлялся, что святость этого места не заставляла маркиза быть чуть мягче и снисходительнее по отношению к миру, что лежал за стенами аббатства.

Более того, Уоллингхем не сомневался, что его друг намеревался в отношении Бранскомба повести себя так, чтобы подтвердить свою репутацию человека безжалостного, а порою — жестокого.

Но в конце концов Бранскомб, безусловно, заслужил то, что его ожидало.

Это подтверждалось и тем, что произошло перед самым их отъездом из Лондона. На следующее утро после обеда в честь победителя дерби маркизу сказали, что с ним хочет поговорить его жокей.

— Оставить вас наедине с ним? — спросил Перегрин, когда они перешли из столовой в библиотеку.

Олчестер покачал головой.

— Нет, я хочу, чтобы вы слышали все, что скажет Беннет. Если это именно то, о чем я думаю, очень полезно будет иметь свидетеля.

Уоллингхем в ужасе поднял руки.

вернуться

5

Цистерцианцы — члены католического монашеского ордена, образованного во II в.

— Я отказываюсь, решительно отказываюсь вмешиваться в вашу вражду с Бранскомбом! Он не слишком приятный противник, мне против него не выстоять.

— Я же не прошу вас с ним бороться и не попрошу никогда. Я просто нуждаюсь в моральной поддержке, в которой вы никогда не отказывали мне раньше.

— Моральной — бесспорно: я всецело ваш! — улыбнулся Перегрин. — А вот физически я предпочел бы спрятаться!

Маркиз рассмеялся.

— Никогда бы не подумал, что вы трус!

— Я просто хорошо понимаю, что осторожность — лучшая часть доблести!

Они посмеялись. В это время дворецкий объявил;

— Беннет, милорд!

Жокей казался взволнованным. Уоллингхем подумал, что без ярких курток и шапочек, придающих им некий романтический ореол, жокеи выглядят людьми маленькими и незначительными.

— Доброе утро, Беннет! — приветствовал его маркиз. — Надеюсь, мой секретарь уже выдал вам обещанное вознаграждение?

— Да, милорд, и я весьма благодарен, милорд, тем более что я заслужил не больше половины того, что получил.

— Я думаю, Беннет, вы великолепно провели скачку и сделали все, что было возможно в сложившихся обстоятельствах.

— О них я и хотел поговорить с вашей светлостью.

— Я слушаю, — ответил Олчестер.

— После скачек Смит пил со своими дружками и, как говорится, хватил лишнего.

— Попросту — был пьян?

— Да. И язык у него развязался.

— Что же он говорил?

— Он был обижен, милорд: ему сказали, что он не получит своих денег, раз не сумел выиграть.

Маркиз недоверчиво усмехнулся.

— Вы, Беннет, всерьез утверждаете, что граф Бранскомб не заплатил Смигу, хотя его лошадь первой миновала призовой столб, и только потому, что это был мертвый гит?

— Он так сказал, милорд. Он жаловался, что это низкое дело было частью плана его светлости, а сам Смит должен был лишь выполнить его инструкции.

— Он сказал, какие именно?

— Милорд, он дал это понять достаточно ясно. Когда мы уходили, Смит встал у меня на дороге и сказал: «Это ты виноват, что я оплошал. В следующий раз я, как велел мне его светлость, возьму хлыст, и не поздоровится ни тебе, ни твоей проклятой лошади».

— И что вы ответили?

— Я не успел ничего ответить, милорд. С ним были два грума из конюшни графа Бранскомба. Они поняли, что он болтает лишнее спьяну, и уволокли его.

Маркиз помолчал минуту, затем сказал:

— Благодарю вас, Беннет. Ваш рассказ подтвердил мои подозрения, и я рад этому. Я собираюсь предложить вам на выбор любую из трех моих лошадей, которых я выставлю на скачки в Аскоте, и уверен, что, если все будет в порядке, вы сумеете выиграть Золотой кубок.

Беннет широко улыбнулся.

— Благодарю вас, милорд! Огромное вам спасибо! Именно об этом я и мечтал. Я всегда предпочту выступать за вашу светлость, а не за любого другого. Вы всегда честны, а большего ни один жокей и желать не может!

Беннет вышел, по-прежнему улыбаясь, а Олчестер повернулся к другу:

— Вы слышали, что он сказал. Бранскомб прямо приказал своему жокею помешать моей лошади выиграть скачку.

— Но теперь вы ничего не сможете сделать, — заметил Уоллингхем. — Даже если Беннет повторит свой рассказ перед стюардами, никто не поверит его слову против слова Бранскомба. А тот, конечно, будет все отрицать.

— В этом я не сомневаюсь, — ответил маркиз. — Поэтому я и не испытываю угрызений совести, собираясь сыграть с ним штуку, которая не будет и вполтину столь же нечестной, как та, что он пытался проделать со мной.

— В этом я совершенно согласен с вами, — сказал Перегрин, — но думаю, что это нелегко будет сделать.

В тот же день они покинули аббатство, чтобы побывать в сиротских приютах, находившихся на попечении маркиза Олчестера, надеясь найти там подходящую девушку, которую можно будет подготовить так, что она сможет обмануть Бранскомба.

Во все века владельцы крупных поместий строили на своей земле сиротские приюты и дома призрения.

Маркиз рассказал, что самый новый приют, который он намеревался посетить в первую очередь, был построен его бабушкой.

— Мой дедушка был великий распутник и оставил после себя множество внебрачных детей. Должно быть, бабушка считала, что основание сиротского приюта послужит искуплению его грехов.

— Если вы собираетесь использовать одну из ваших незаконнорожденных родственниц, то, боюсь, вам не удастся найти ничего подходящего. Они, пожалуй, будут староваты.

— Я знаю. Я просто объясняю, почему был построен этот приют. Он, по-моему, может служить образцом для учреждений подобного рода.

Похоже, это заявление было сделано маркизом не без оснований.

Приют выглядел очень мило, да, и сироты — их здесь было около двадцати — казались здоровыми и счастливыми. Сестра-хозяйка, по-матерински заботливая женщина, и обрадовалась, и несколько взволновалась при неожиданном визите маркиза. С гордостью она показывала гостям все помещения, сиявшие чистотой, а воспитанники приветствовали гостей поклонами и реверансами.

Однако и маркиз, и Уоллингхем сразу обратили внимание на то, что все они были маленькими детьми. Когда они спросили об этом, сестра-хозяйка охотно объяснила:

— Милорд, сироты покидают приют, как только им исполняется двенадцать лет. Мальчиков отдают в обучение ремеслу, а девочки поступают в прислуги.

— В двенадцать лет! — воскликнул маркиз.

— Да, милорд. Месяц назад я отправила двух старших девочек в аббатство, и они очень неплохо справляются с работой при кухне.

Олчестер переглянулся с Перегрином. Оба понимали, что этот их визит оказался напрасным.

Поблагодарив сестру-хозяйку за образцовый порядок во вверенном ей учреждении, маркиз вернулся к фаэтону.

Грум отпустил вожжи и отошел в сторону, и экипаж снова двинулся в путь.

— Идея была хорошая, — вздохнул Уоллингхем, — но откуда нам было знать, что сироты покидают приют сразу же, как только становятся пригодны для работы?

— Вы думаете, так обстоит дело во всех приютах?

— Думаю, да, — ответил Перегрин.

— Ну, наверняка это еще не известно, — заметил маркиз таким тоном, словно его возмутила сама возможность, что его план может оказаться неосуществимым. — Навестим-ка второй приют, который расположен на южной границе имения.

Путешествие заняло довольно много времени. Южная окраина принадлежавших маркизу земель была заселена не так густо, и деревни здесь были гораздо меньше.

— Не помню, бывал ли я здесь раньше, — заметил Перегрин.

— Мы охотились в этих местах, — ответил маркиз. — Но в здешних лесах меньше зверя, чем в тех, что расположены рядом с аббатством. Боюсь, в этих местах нам не пришлось пострелять.

— Линден, ваши владения слишком велики. Уверен, что вы не в силах лично проследить за всем, что происходит в вашем имении.

Олчестер рассмеялся.

— Для этого у меня есть управляющие, и я не слышал никаких нареканий.

Уоллингхем подумал, что, если бы кто-то и решился пожаловаться на управляющего, маркиз не стал бы выслушивать эти жалобы.

Большую часть времени Олчестер проводил в Лондоне, а в поместье приезжал всегда с толпой гостей, которые не давали ему скучать. Про себя Уоллингхем подумал, что трудно представить, чтобы кто-нибудь на месте маркиза мог томиться от скуки. Он был достаточно богат, чтобы иметь все, что пожелает.

В Лондоне не нашлось бы ни одной хорошенькой женщины, — которая не хотела бы оказаться на месте Изобел Сидли, особенно теперь, когда сердце маркиза вновь было свободно.

— Линден, ваша беда в том, что вы слишком хороши собой, — сказал Перегрин вслух, — слишком богаты и слишком легко добиваетесь успеха во всем, за что беретесь.

Маркиз рассмеялся.

— Чем бы я ни заслужил подобный отзыв, я не намерен это обсуждать!

— Вы становитесь еще высокомернее, чем Бранскомб! — воскликнул Уоллингхем.

— Если вы повторите это, — ответил маркиз, — я высажу вас посреди дороги и вам придется добираться домой пешком.

— Я и не сомневался, что вы разозлитесь! — усмехнулся Уоллингхем.

Маркиз собирался ответить резкостью, но тут из-за поворота показался приют.

Длинное низкое строение располагалось в стороне от дороги, на краю маленькой деревушки: несколько домов, постоянный двор, выкрашенный черной и белой краской, зеленая лужайка — вот и все.

Маркиз придержал лошадей, а когда к ним подбежал грум, привязал вожжи к передку экипажа и вышел. Перегрин последовал за ним.

Они подошли к давно не крашенной двери, и Уоллингхем взялся за грязный дверной молоток.

— Мы пробудем здесь недолго, — сказал маркиз. — Но если нам и здесь не повезет, придется придумывать другой способ найти девушку, которая нам нужна.

— Что-то не похоже, что здесь нас ждет удача, — заметил Перегрин. — По-моему, в доме вообще никого нет.

Он снова постучал молотком, и стук, как ему показалось, гулко разнесся по всему дому.

— Я уверен, что, если бы приют опустел, мне бы об этом сообщили, — проговорил маркиз в некотором замешательстве.

Но тут за дверью послышались шаги, и мгновение спустя она открылась.

На пороге стояла девушка, одетая в чистое, но совершенно изношенное платье и дырявый фартук из мешковины. Волосы, зачесанные со лба назад, были заложены за уши.

Она казалась больной и до того истощенной, что даже скулы заострились. Девушка переводила взгляд с маркиза на его друга, и на лице ее отражалось нескрываемое удивление. Затем, спохватившись, она присела в реверансе.

— Я маркиз Олчестер и хотел бы осмотреть приют. Здесь сестра-хозяйка?

— Д-да, милорд, — запинаясь, явно взволнованно выговорила худенькая девушка.

Она приоткрыла дверь чуть шире, чтобы гости могли пройти в холл.

Там не было никакой мебели. В дальнем его конце виднелась лестница, и, как заметил Уоллингхем, многие ее ступени были сломаны или отсутствовали вовсе. Девушка направилась к одной из дверей.

— В-возможно... В-вашей светлости стоит начать отсюда, — произнесла она дрожащим голосом.

В это время раздался крик, крик ребенка, которому больно. К нему присоединились крики других детей, которые эхом отражались от стен пустого холла.

— Что происходит? — спросил маркиз. — Случилось несчастье?

— Н-нет. Это... это сестра-хозяйка.

— Но что она делает? Почему дети так кричат?

Шум стоял такой, что Олчестер с трудом расслышал собственные слова.

В эту минуту девушка, которая пыталась разглядеть, что происходит наверху, вскрикнула:

— Ее надо остановить! Она же... убьет маленькую Дейзи! — и с этими словами бросилась вверх по лестнице. Помедлив с минуту, маркиз и Уоллингхем поспешили за ней.

Поднявшись на площадку, они увидели, что девушка бежит по короткому коридору к комнате, расположенной в задней части дома.

Именно оттуда доносились крики, и, войдя за девушкой в комнату, маркиз с другом увидели женщину, которая избивала детей тяжелой палкой.

Маленькую девочку лет пяти-шести она крепко держала за руку, остальные пытались укрыться от ударов за кроватями.

Крик стоял невообразимый. Одна девочка лежала на полу, и видны были окровавленные рубцы, которые оставила палка на ее спине.

— Перестаньте, миссис Мур! Остановитесь! — надрывалась девушка.

Она схватила женщину за руку, пытаясь помешать ей снова ударить ребенка.

— Убирайся! — раздраженно оттолкнула ее миссис Мур. — Эти маленькие негодяи снова разбудили меня, хотя я приказала им вести себя тихо! Я научу их выполнять мои приказы! Я изобью их до потери сознания — Нет, миссис Мур! Вы не можете так поступить! Не бейте... Дейзи. Ей... очень больно!

Женщина уже была готова обрушить проклятия на голову девушки, но тут она заметила в дверях маркиза и Уоллингхема. Раскрыв рот от удивления, она словно окаменела и даже не заметила, что девушка отобрала у нее палку.

Наконец миссис Мур обрела дар речи.

— Кто это? — спросила она.

— Его светлость... маркиз! — ответила девушка.

Бросив палку на кровать, она обнимала за плечи нервно вздрагивающего от слез ребенка, которого отпустила миссис Мур.

— Все в порядке, моя хорошая, все в порядке. Она больше не будет тебя бить.

Остальные дети примолкли и, хотя слезы еще текли по их худым личикам, разглядывали маркиза, словно он явился сюда из какого-то другого мира.

Железные кровати в спальне были поломаны и кое-как связаны веревками. Одеяла и подушки — рваные и грязные.

Миссис Мур направилась к маркизу. Неуверенная походка и покрасневшее лицо недвусмысленно говорили о том, что она пьяна.

Крупная, пышная, хорошо одетая, эта женщина производила странное впечатление рядом с детьми в лохмотьях. Ее пальцы были унизаны кольцами, а в ушах блестели серьги.

— Ваша светлость, какой сюрпризь! — проговорила она, невнятно произнося последнее слово. Затем миссис Мур попыталась сделать реверанс, но едва не упала.

— Вы сестра-хозяйка этого приюта? — резко спросил маркиз.

— Да, ваша светлость, конечно, ваша светлость, — заискивающе ответила женщина. — И если вы соблаговолите пройти в мою гостиную, я расскажу вам о тех трудностях, которые здесь имеются.

Олчестер окинул взглядом спальню и притихших оборванных ребятишек.

Девушка, которая открыла им дверь, стояла на коленях рядом с лежавшей на полу девочкой, обтирая кровь у нее со спины.

— Почему спальня в таком состоянии? — грозно спросил маркиз.

— Это все дети. Эти маленькие негодяи ведут себя, как животные, ломают все, к чему ни прикоснутся!

Миссис Мур приготовилась защищаться. Ее вытаращенные глаза и чувственные губы вызвали у маркиза отвращение. Он повернулся к ней спиной и подошел к склонившейся над ребенком девушке.

— Это правда, что дети ослушались приказа? — спросил он.

Девушка подняла голову, и удивленный маркиз увидел, как ее глаза сверкнули негодованием.

— Если даже они шумели, — ответила она, — и разбудили миссис Мур, то только потому, что хотели есть!

На минуту Олчестеру показалось, что она обвиняет его в тех страданиях, которые им пришлось вынести. Еще раз внимательно посмотрев на детей, он понял, что девушка говорила правду.

Конечно, они голодали. Это было видно по их худобе, впалым щекам, прозрачной коже, затравленному выражению глаз.

— Почему дети голодные? — гневно спросил маркиз.

Он увидел, что девушка хотела ответить, но, взглянув на начальницу, испугалась. Миссис Мур издала вопль, не менее пронзительный, чем крики детей, которых она била.

— Не слушайте ее, милорд! Не слушайте! — завизжала она. — Она лгунья! Она и подбивает

детей на все безобразия.

— Довольно! — прервал ее маркиз, и что-то в его голосе заставило миссис Мур проглотить слова, которые были готовы сорваться с ее языка.

Такая сила прозвучала в этом голосе, что начальница подавилась теми словами, которые собиралась сказать.

— Как я успел убедиться, вы не способны выполнять свои обязанности по управлению сиротским приютом, — продолжал маркиз. — Немедленно убирайтесь! Чтобы через десять минут и духу вашего здесь не было. Я не намерен выслушивать ваши оправдания и позабочусь о том, чтобы и впредь вас близко не подпускали к месту, подобному этому.

Миссис Мур сдавленно вскрикнула, но Олчестер повелительным жестом указал ей на дверь:

— Вон!

Чтобы возражать ему сейчас, потребовалось бы немалое мужество.

Маркиз повернулся к девушке:

— В доме есть какая-нибудь еда?

Девушка покачала головой.

— Миссис Мур тратила все деньги на выпивку и свои наряды.

Олчестер хотел было обо всем расспросить девушку, но передумал:

— Где можно достать продукты прямо сейчас?

— Вы хотите... послать кого-нибудь... за едой? — В голосе девушки звучало недоверие и робкая надежда.

— Мой человек посмотрит, что можно достать здесь, а когда я вернусь в поместье, я пришлю гораздо больше.

Девушка поднялась с пола с девочкой на руках, отнесла ее на кровать, уложила поудобнее и прикрыла рваным одеялом. Малышка не хотела отпускать ее. Тогда девушка сказала одной из старших воспитанниц:

— Присмотри за Дейзи, пока я объясню его светлости, где можно купить еду для нас.

При слове «еда» ребятишки словно очнулись от оцепенения.

— Я хочу есть! — крикнул один из них. — Мы хотим есть! Мы хотим есть! — завопили вслед за ним остальные.

С минуту в спальне стоял дикий гам, но маркиз прервал его:

— Послушайте меня! — заговорил он, когда дети затихли, продолжал:

— Я достану для вас еду, и вас будут всегда хорошо кормить, но сейчас вы должны подождать, пока я найду что-нибудь. Понятно?

Они, вероятно, поняли. Во всяком случае, замолчали, не сводя с Олчестера голодных глаз, которые казались огромными на исхудавших лицах. Словно измученные маленькие зверьки, они не могли разобраться в том, что происходило вокруг них.

Девушка подошла к маркизу.

— Так с чего же мне начать? — спросил он.

— В деревне есть лавка, в которой продают хлеб, а на ферме должно быть молоко.

— Объясните мне подробно, где они находятся.

— Вы собираетесь... пойти сами?

— Мне кажется, здесь больше никому это сделать!

— Да, пожалуй.

— Так объясните мне, где эти лавка и ферма. — Впрочем, подумал маркиз, не так уж трудно найти хлебную лавку в такой маленькой деревне.

— Возможно... у жены фермера есть... окорок, — нерешительно проговорила девушка. — Правда... он стоит очень дорого.

Олчестер нахмурился:

— Не важно, сколько он стоит. Я хочу, чтобы позже вы рассказали мне, кто виноват в том, что в приюте установились подобные порядки.

По выражению лица девушки маркиз понял, что виновник ей хорошо известен.

— Так кто же? — настойчиво повторил он вопрос.

— Пожалуйста... сначала накормите нас. Дети ничего не ели сегодня и почти ничего — вчера.

— Хорошо. Покажите мне, куда идти.

Олчестер стал спускаться по лестнице. Девушка и Уоллингхем последовали за ним.

— Я думаю, Перегрин, — сказал маркиз, когда они спустились в холл, — что вам лучше остаться здесь и проследить, чтобы эта мерзкая особа убралась и не причинила детям какого-либо вреда. Я постараюсь вернуться как можно скорее.

— Лучше я пойду куплю все необходимое, а вы оставайтесь здесь и выясните, почему приют пришел в столь плачевное состояние. В конце концов, он существует на ваши деньги, — ответил Уоллингхем.

Олчестер догадался, что его другу вовсе не улыбалось оказаться один на один с пьяной мегерой.

— Ну хорошо, — согласился он.

Маркиз открыл входную дверь и, когда Уоллингхем сел в фаэтон и взял в руки вожжи, сказал своему груму:

— Джейсон, помогите мистеру Уоллингхему. Купите все, что можно достать в этой деревне. Нужно накормить много голодных детей. Вы меня поняли?

— Да, милорд.

— П-пожалуйста, — раздался робкий голос сзади, — привезите молока для самых младших. Они долго голодали и, если сразу набросятся на еду, заболеют. Ферма находится рядом с «Зеленым человеком», ее трудно не заметить.

— Я найду ее, мисс, — ответил Джейсон.

— И не стесняйтесь в деньгах, Джейсон. — Олчестер достал из кармана кошелек и отдал груму.

— Думаю, милорд, вам они поверили бы и в кредит, — улыбнулся грум.

Это была несомненная дерзость, но маркиз не обратил на нее внимания.

— Поторопитесь! — сказал он настойчиво. — Дети уже считают минуты до вашего возвращения, и я — тоже.

Джейсон взял кошелек, прикоснулся рукой к шапке, вскарабкался в фаэтон, и тот тронулся с места.

Маркиз вернулся в дом.

— Мне нужно поговорить с вами, — сказал он ожидавшей его девушке. — У меня много вопросов.

Девушка, немного поколебавшись, открыла дверь в комнату, которая разительно отличалась от того, что видел маркиз в этом доме.

Это была гостиная госпожи Мур, небольшая и очень уютная, с диваном и креслами перед камином, в котором весело потрескивал огонь. Но особенно выразительно выглядел стол, на котором стояло множество бутылок и стакан, из которого совсем недавно пили.

— Она, наверное, в своей спальне, милорд, собирает вещи, — сказала девушка.

Маркиз остановился спиной к камину.

Девушка, словно лишь сейчас заметив, насколько непрезентабельно она выглядит рядом с элегантно одетым владельцем поместья, сорвала с себя передник и бросила его на кресло.

Ее платье выглядело немногим лучше: его, видно, носили столько лет, что материя выносилась почти до дыр.

Несмотря на худобу девушки, платье было ей узко в груди и слишком коротко. Девушка из него давно выросла.

— Скажите, как вас зовут? — прервал молчание маркиз.

— Кистна... милорд.

— Кистна?

— Я родилась в Индии.

— Давно ли вы в Англии?

— Три года. — Тон девушки ясно давал понять, что ей эти три года показались вечностью.

— И сколько вам лет?

— В-восемнадцать, милорд.

Маркиз только собрался спросить, как случилось, что ей, почти взрослой, позволили оставаться в приюте, но Кистна, словно угадав его мысли, поспешила объяснить:

— Когда мать и отец умерли от холеры, Миссионерское общество отправило нас с сестрой в этот приют. Сестре тогда было всего восемь лет.

— Она и сейчас здесь?

— Она... умерла год тому назад... зимой — от холода и голода. — Теперь в голосе девушки звучало неприкрытое осуждение.

— Давно миссис Мур занимает это место?

— Около двух лет. До нее здесь работала очень добрая женщина, но управляющий вашей светлости, мистер Хардборд, уволил ее якобы потому, что она состарилась.

— Она действительно очень стара?

— Не настолько... Я думаю, он просто хотел, чтобы миссис Мур заняла это место... чтобы она помогала ему делать все... что он хотел...

Олчестер заметил, что последнюю фразу девушка произнесла очень тихо, почти шепотом, испуганно оглянувшись на дверь, словно боялась, что миссис Мур войдет и опровергнет ее слова.

— Не бойтесь, — успокоил ее маркиз. — Прошлое не вернется, обещаю. Я сам прослежу, чтобы то, что происходило здесь, никогда не повторилось.

Кистна в волнении сжала руки.

— Я надеялась, что ваша светлость скажет это.

Я часто думала, что должна сообщить вам обо всем, я не верила, что вы одобряете то, что происходило в этом страшном месте.

— Расскажите мне все, — попросил Олчестер. — Но сначала присядьте, пожалуйста. У вас такой вид, будто вы вот-вот лишитесь чувств.

Кистна тихонько вздохнула:

— Благодарю, милорд.

Она села на краешек дивана, а Олчестер остался стоять. Помолчав минуту, он сказал:

— Мне трудно поверить в то, что происходило здесь, поскольку я только что посетил другой приют, которому тоже покровительствую.

— Когда я приехала сюда, здесь все было хорошо. Миссис Оуэн, прежняя начальница, добрая и честная женщина. Моя сестра очень тяжело переживала смерть матери, и миссис Оуэн вместо того, чтобы подыскать мне работу, как я просила, позволила остаться здесь, чтобы нам не разлучаться с сестрой.

— А после смерти вашей сестры?

— Миссис Мур решила, что меня можно использовать.

Они с мистером Хардбордом уволили женщину, которая приходила сюда убирать и готовить. Все ее обязанности стала выполнять я.

— Почему они так поступили?

Глаза Кистны вспыхнули. Затем, словно почувствовав, что маркиз все равно заставит ее рассказать правду, она, запинаясь, ответила:

— Они... хотели... сэкономить. Мне-то ведь ничего... не платили.

— Значит, — медленно заговорил маркиз, — они присваивали те деньги, которые должны были тратиться на содержание приюта.

— Не думаю, что миссис Мур получила много денег.

Мистер Хардборд покупал ей спиртное, наряды, дарил... и другие подарки.

— Почему?

Олчестер увидел, как девушка покраснела, и понял, что Кистна смущена тем, о чем ей приходится говорить. Он поспешил остановить ее:

— Я понял. Продолжайте!

— Я часто слышала их разговоры и думаю, что мистер Хардборд присваивал не только деньги приюта.

Увидев, как изменилось лицо маркиза, девушка быстро сказала:

— Пожалуйста... простите меня... Я не должна была говорить этого. Это... не мое дело. Мистер Хардборд — ваш... слуга.

— С этой минуты — нет, — с угрозой в голосе сказал Олчестер. — Прошу вас, Кистна, будьте со мной откровенны. Боюсь, никто больше не осмелился бы сообщить мне о том, что здесь происходит. Но я обещаю вам, это никогда не повторится.

— Благодарю вас. Это было так ужасно... словно ночной кошмар наяву... видеть, как дети... страдают. Трое умерли в прошлом году... от холода, а миссис Мур уверяла, что это была... лихорадка. — Девушка сдавленно всхлипнула. — Они почти не спали ночью, потому что хотели есть... А я... умоляла миссис Мур дать им поесть, но она... меня не слушала...

— Как вы думаете, прежняя начальница... как ее имя — миссис Оуэн? — согласится вернуться?

— Согласится, если ваша светлость попросит ее. Она живет в деревне и сначала часто заходила сюда, пока миссис Мур не велела ей держаться подальше от приюта и не запретила мне открывать ей дверь.

— Я сумею убедить ее вернуться. Думаю, что она знает, где купить одежду для детей, одеяла и все необходимое.

— Ужаснее всего... была прошлая зима, — совсем тихо сказала девушка и вдруг замолчала, словно задохнулась, Дверь открылась, и в комнату вошла миссис Мур в шляпке и в мантилье.

Она посмотрела сперва на маркиза, потом на девушку, и ее лицо исказилось злобной гримасой.

— Я вижу, что ваша светлость уже выслушали достаточно лжи обо мне, — прошипела она. — Ну что ж, я уйду, но здесь мои бутылки, и я их забираю.

С этими словами миссис Мур подошла к столу, собрала бутылки и сложила их в корзину, которую держала в руке. Когда стол опустел, миссис Мур повернулась к Кистне, которая следила за ней испуганными глазами, и сказала:

— От души надеюсь, маленькая гадина, что ты умрешь так же, как твоя сестра. Хорошо, что я избавилась от тебя и от всех остальных тоже! Довольно с меня детей и возни с ними!

С этими словами она повернулась и вышла из комнаты, громко хлопнув дверью.

Маркиз заметил, что Кистна вся дрожит.

— Забудьте о ней! Она больше не сможет причинить вам зла! Благодарение небу, что я приехал сюда, иначе Бог знает, сколько бы еще продолжалось ваше рабство.

— Если бы вы не приехали... мы бы все... умерли, — ответила девушка.

В этот момент в коридоре послышался голос миссис Мур. Ей что-то отвечал мужской голос. Кистна вскочила с дивана.

— Я думаю, милорд, вернулся ваш грум и привез еду!

Не дожидаясь ответа маркиза, она подбежала к двери и распахнула ее.

Джейсон стоял в холле, держа в руках огромную корзину с хлебом, а в открытую входную дверь на тропинке, что вела к дороге, была видна удаляющаяся фигура миссис Мур.

— Вы вернулись! — радостно воскликнула Кистна, — И вы привезли еду!

— Горы еды! — усмехнулся Джейсон. — Подождите восхищаться, вы еще не видели все то, что лежит в фаэтоне!

С Кистной грум разговаривал без церемоний, но, заметив в дверях маркиза, почтительно продолжал:

— Я купил все, милорд, что можно было достать, как вы мне велели.

— Очень хорошо, — одобрительно кивнул маркиз.

Возможно, слово «еда» каким-то образом проникло сквозь закрытые двери спальни, но скорее

всего, как догадывалась Кистна, дети тихонько прокрались на лестницу и прислушивались к тому, что происходило внизу. Теперь с громким криком они лавиной скатились вниз по лестнице.

Кистна и Джейсон не в силах были им помешать. Дети хватали хлеб, большими кусками набивали себе рот, пытаясь поскорее насытиться.

Маркиз шагнул было вперед, собираясь навести хоть какое-то подобие порядка, но Кистна, поняв его намерение, покачала головой. Она вытащила из корзины два каравая и сунула их в руки маркизу.

— Пусть они съедят, сколько смогут, — сказала она. — Подержите это, а я пойду подогрею молока для младших.

И, прежде чем маркиз опомнился, девушка выбежала из дома. Посмотрев ей вслед, маркиз, к своему изумлению, обнаружил, что Уоллингхем придерживает лошадей, следя, чтобы большая бутылка с молоком, стоявшая в экипаже, не разбилась и не опрокинулась.

Олчестер с караваями в руках подошел к фаэтону как раз в тот момент, когда Кистна пыталась вытащить бутылку из экипажа.

— Думаю, Перегрин, — сказал маркиз, от души забавляясь ситуацией, — вам следует помочь Кистне отнести молоко. Я пока подержу лошадей.

— Но вы же сказали, что сейчас моя очередь, — ответил Уоллингхем, отдавая Олчестеру вожжи и с удивлением поглядывая на хлеб у него в руках. Затем он понес бутылку с молоком в уютную кухню.

Друзья поразились, как быстро Кистна организовала старших детей, чтобы они расставили на кухонном столе тарелки и чашки и помогли ей нарезать хлеб и размочить его в молоке для самых маленьких. Таких было шесть, включая малышку, которую избил миссис Мур, и Дейзи. Обе девочки еще не оправились от побоев.

Пока маркиз и Уоллингхем резали окорок, который продала им жена фермера вместе с жареным цыпленком, младшие дети были накормлены.

К счастью, из деревни пришел один из жителей, которому доверили присматривать за лошадьми, поэтому Джейсон мог последить, чтобы старшие мальчики не отнимали еду у младших.

В конце концов все было разделено поровну, и даже самые голодные удовлетворились настолько, что уже не могли съесть ни кусочка. Маркиз отправился на поиски миссис Оуэн и торжественно доставил ее в приют.

Эта женщина была как раз из тех, кто просто создан для того, чтобы заниматься детьми. Она даже всплакнула, рассказывая, в какой ужас ее приводило состояние приюта. Миссис Оуэн рассказала, что все в деревне возмущались поведением миссис Мур, но понимали, что при ее близости к управляющему никто из них не сможет ничего изменить.

— Надо было написать мне, — сказал Олчестер.

— Я думала об этом, милорд, — ответила миссис Оуэн просто. — Но мы знали, что господин Хардборд управляет вашим имением, а вы большую часть времени живете в Лондоне. Вряд ли

вы получили бы наше письмо.

Маркиз в сердцах пообещал себе, что никогда больше не будет пренебрегать делами своего имения или передоверять их людям, которые никакого доверия не заслуживают.

Он вспомнил, как в далеком детстве няня говорила ему:

«Если хочешь, чтобы что-то было сделано как следует, сделай это сам!» Сейчас он с горечью подумал, что старушка была права.

— Все, о чем я прошу вас, миссис Оуэн, это содержать приют в порядке и следить за тем, чтобы у детей было все необходимое. Вы можете не считаться с расходами, если, по вашему мнению, они необходимы.

Маркиз чувствовал, что ни одна женщина в мире не устоит перед подобным предложением, и не ошибся.

Миссис Оуэн немедленно отправилась в приют в фэртоне Олчестера, сказав, что все необходимое заберет из дома позже. Дети, несомненно, обрадовались ей.

— Неужели с тех пор, как меня уволили, сюда не привезли ни одного нового ребенка? — удивленно спросила миссис Оуэн у Кистны.

Девушка покачала головой:

— Я думаю, что миссис Мур неоднократно предлагали принять новых воспитанников, но она всегда отвечала, что у нас нет мест, хотя это не правда: две спальни всегда пустовали.

При этом Кистна бросила быстрый взгляд на маркиза, но тот и без ее намеков понял, что мистер Хардборд брал себе деньги, которые выделялись на детей и которые никогда не поступали в приют. По той же причине он не сообщил о том, что трое сирот зимой умерли.

К тому моменту, когда они с Уоллингхемом собрались уезжать, маркиз был настолько взбешен поведением собственного управляющего, что решил уволить его сразу же, как только они приедут в аббатство.

Он пожал руку миссис Оуэн и снова пообещал, что, как только вернется в аббатство, пришлет в приют еще продуктов.

Маркиз уже собирался садиться в фэртон, когда Уолчингхем отвел его в сторонку.

— Линден, вы уверены, что ничего не забыли?

— Надеюсь, что нет.

Они с миссис Оуэн обсудили покупку одежды для детей и мебели, возвращение на прежнюю должность женщины, которая готовила и убирала в приюте, и садовника, которого мистер Хардборд тоже уволил, чтобы забирать себе его жалованье.

— Вспомните, зачем мы сюда приехали, — настаивал Уоллингхем.

Маркиз с недоумением посмотрел на друга, явно не понимая, о чем идет речь.

— Вы не думаете, что Кистна вполне подходит для той роли, которую должна сыграть?

На мгновение Олчестер остолбенел от изумления. Он оглянулся назад, где за кухонным столом сидела Кистна, пытаясь заставить Дейзи проглотить еще несколько кусочков хлеба с молоком. Девочка, сидевшая у Кистны на коленях, слишком устала, чтобы есть, и уткнулась девушке в плечо. Кистна улыбнулась и поцеловала ее волосы. Затем, держа отяжелевшую от сытости девочку на руках словно грудного ребенка, девушка вышла из кухни.

— Я уложу Дейзи в постель, — сказала Кистна. — Но если ей не станет лучше к утру... как вы думаете, можно ли... послать за доктором?

В голосе девушки слышалось легкое беспокойство, как будто то, о чем она просила, было неслыханной роскошью.

Олчестер догадывался, что миссис Мур подобных трат не допускала.

Болели дети или умирали, главное, что ее любовник мог извлечь из этого выгоду.

— Конечно, посылайте за доктором, когда сочтете нужным, — ответил маркиз.

Он увидел, что в глазах Кистны внезапно вспыхнул свет, и подумал, что только из-за ее худобы глаза девушки кажутся так глубоко посаженными.

Девушка улыбнулась маркизу и начала подниматься по лестнице. Только тут маркиз вспомнил, что Уоллингхем ждет ответа на свой вопрос.

— Вы правы, — сказал маркиз. — Она сообразительна и, если ее подкормить, сможет произвести благоприятное впечатление. Мы заберем ее завтра утром.

Глава третья

— Я не понимаю, — сказала Кистна.

Маркиз замолчал, словно пытаясь подобрать нужные слова.

— Все очень просто. Я чувствую себя ответственным за то, что вы так страдали эти последние три года, и поэтому хочу, чтобы вы стали моей подопечной.

— Вашей... подопечной?

Видя, что девушка не вполне понимает значение этого слова, Олчестер стал терпеливо объяснять:

— Это значит, что я, как ваш опекун, буду приглядывать за вами, одевать вас, а когда ваше здоровье поправится и вы почувствуете в себе достаточно сил, я введу вас в светское общество.

Кистна недоверчиво посмотрела на него, а потом спросила неуверенным, дрожащим голосом:

— В-вы действительно... намерены это сделать?

— Уверю вас, что, если я обещаю что-то, я всегда выполняю обещание.

— Я и представить себе не могла, что со мной может произойти нечто... столь удивительное. Мне так хотелось бы, чтобы папа и мама могли поблагодарить вас за это.

Мне... так трудно... найти подходящие слова.

— Но это и не требуется, — ответил маркиз.

Уоллингхем, присутствуя при этом разговоре, отметил, что маркиз несколько смущен.

Накануне вечером они обсуждали, что именно следует сказать Кистне, и пришли к выводу: она должна быть уверена в том, что действительно становится подопечной маркиза.

— Чем меньше игры и притворства, тем лучше, — сказал он. — Не следует забывать, что Бранскомб по-своему не глуп.

Уоллингхем согласился, что идея маркиза сделать Кистну своей подопечной, была удачна.

Они засиделись допоздна, обсуждая план действий, и Перегрин пытался представить себе реакцию девушки на это предложение. Сейчас он подумал, что ее благодарность весьма трогательна.

После того как они покинули приют, у них оставалось еще немало дел. Вернувшись в аббатство, маркиз немедленно послал за управляющим и приказал ему покинуть поместье, добавив:

— Вам не хуже меня известно, какое наказание полагается за кражу. Самый безобидный приговор, на который вы можете рассчитывать, это ссылка. И только потому, что я не желаю огласки, я просто отпускаю вас вместо того, чтобы передать в руки правосудия.

Тут маркизу показалось, что в глазах мистера Хардборда зажегся огонек надежды, и он добавил:

— Но вы оставите здесь все, даже личные вещи, которые, несомненно, куплены на деньги, украденные у меня.

Вы уйдете в том, в чем стоите сейчас передо мной.

— Мне тоже жить надо, милорд, — грубо ответил управляющий.

— Если вы голодны, это даст вам представление о том, что чувствовали несчастные дети, которых вы грабили, — заметил маркиз резко. — А теперь ступайте прочь! Если я когда-нибудь увижу вас, то прикажу арестовать!

Когда управляющий, бледный и порядком напуганный, покинул аббатство, маркиз послал за экономкой.

Миссис Дос служила в аббатстве вот уже двадцать лет.

По натуре она была женщиной доброй, но домом управляла железной рукой. Она вошла в кабинет маркиза в своем черном, шуршащем шелковом платье, с огромной связкой ключей на поясе и присела в почтительном реверансе.

— Добрый вечер, миссис Дос, — сказал маркиз. — Мне необходима ваша помощь.

Он был уверен, что рассказ Джейсона о событиях в приюте уже дошел до слуг в аббатстве, и, по выражению лица миссис Дос Олчестер понял, что она ждет от него дальнейших распоряжений.

— Вы, должно быть, слышали, — начал он, — о том, что происходило в сиротском приюте в Уэстбери. Это позорит мое имя и больше никогда не должно повториться.

— Этого бы никогда не случилось, милорд, если бы люди, которых я не хочу называть, были достойны вашего доверия.

— Прежняя начальница уже начала наводить порядок, — объяснил маркиз. — Но когда я был там, я узнал еще о том, что произошла прискорбная ошибка: моя подопечная, которая приехала из Индии, была отправлена не ко мне в аббатство, а в приют.

Вот уж этого миссис Дос не ожидала, маркизу явно удалось заинтересовать ее.

Он заранее решил представить Кистну только по имени. Ему казалось, что так будет проще ввести в заблуждение Бранскомба, когда придет время.

— То, что так случилось, — ужасно, милорд.

— Это действительно ужасно, и поэтому мы, миссис Дос, должны помочь ей забыть годы напрасных страданий.

— Что вы, ваша светлость, хотите, чтобы я сделала?

— Надо завтра же утром послать в Лондон экипаж за портнихой, которая сможет сшить подходящие платья для мисс Кистны.

Миссис Дос кивнула, но ничего не сказала, и маркиз продолжал:

— Есть только одна трудность, миссис Дос. Мисс Кистна в приюте носила безобразные лохмотья. Я не желаю, чтобы история ее унижения стала известна кому-либо за стенами этого дома.

— Конечно, милорд! — с ужасом и возмущением воскликнула миссис Дос.

— Нужно найти что-нибудь, в чем девушка сможет принять портниху, и в первую очередь плащ и шляпку, чтобы перевезти ее из приюта в аббатство.

— Понимаю, милорд. Думаю, это будет нетрудно. Гости вашей светлости часто оставляют в доме наряды, которые им надоели, а я храню их на всякий случай. Миссис Барнс, швея, сейчас как раз здесь и сможет перешить что-нибудь из этих вещей, как только юная леди придет в аббатство.

— Благодарю вас, миссис Дос, — сказал маркиз.

На следующее утро, когда они с Уоллингхемом садились в фаэтон, чтобы ехать в приют, маркиз заметил, как один из слуг положил на заднее сиденье небольшой сверток и шляпную картонку.

Он представлял себе, как изменится Кистна, когда попрощается с остальными детьми и покинет приют.

Но и все дети выглядели совсем не так, как накануне.

В деревне удалось собрать кое-какую одежду, и ребяташки уже не казались такими грязными оборвышами. Миссис Оуэн собиралась поехать в город, чтобы купить все необходимое.

Один мальчик с гордостью сообщил маркизу, что на завтрак у них были яйца с беконом, а другой добавил, что еще мед и горячее молоко. «Они говорят об этом так, — улыбаясь, про себя подумал Уоллингхем, — словно это манна небесная».

Когда они втроем возвращались в аббатство, Олчестер заметил, что Кистна необычайно молчалива. Вероятно, все происходившее казалось девушке сном, и она боялась заговорить и проснуться.

Когда девушка переделалась к ленчу в платье, которое приготовила для нее миссис Дос, маркиз решил, что только не правдоподобная худоба делала Кистну гротескно уродливой. При хорошем питании и спокойной беззаботной жизни она, несомненно, скоро будет выглядеть так, что вполне сможет появиться в свете.

Правда, платье не соответствовало возрасту девушки, к тому же, несмотря на все усилия швеи, манжеты были слишком широки для исхудавших рук Кистны. Косточки ее запястий, казалось, готовы были прорвать тонкую кожу, вокруг глаз лежали тени, скулы и подбородок заострились. Она напоминала крошечного, еще не оперившегося птенца. Маркиз подумал, что сейчас Бранскомб не согласился бы жениться на этой девушке, как бы богата она ни была.

Но он успокоил себя тем, что одежда способна украсить любую женщину, а хорошее питание, бесспорно, улучшит ее фигуру.

Заметив в глазах Кистны слезы благодарности, Олчестер почувствовал себя неловко. Он не заслуживал столь сильных чувств, поскольку действовал исключительно в собственных интересах. Однако маркиз успокоил свою совесть тем, что вряд ли во всей Англии нашлась бы женщина, которая не желала бы выйти замуж за графа Бранскомба и фактически стать второй дамой в обществе после королевы.

— Это очень большая... честь для меня — стать вашей... подопечной, — сказала Кистна. — Но... возможно... я разочарую вас, и вы... пожалеете, что... не предоставили меня моей собственной судьбе, оставив заниматься тем, чем я собиралась заняться, когда приехала в Англию?

— И что же вы собирались делать, когда вам было пятнадцать? — спросил маркиз.

— Я думала... что смогу поступить... в обучение к портнихе...

Маркиз припомнил, что слышал, как нелегка жизнь учеников в мастерских. Многие из них получали такую скудную плату, что им приходилось существовать впроголодь.

Вслух он сказал:

— Надеюсь, вы скоро почувствуете, что быть моей подопечной и легче, и приятнее, чем ученицей портнихи.

— Да, конечно. Просто... мне немного страшно...

Она обвела взглядом комнату, словно впервые заметив, как она просторна и роскошна, и тихо сказала:

— Папа с мамой были очень бедны, потому что они были миссионерами, и я боюсь, что буду делать много ошибок, ведь вы живете... совсем по-другому.

Маркиз уже заметил, что во время ленча Кистна внимательно следила за тем, каким ножом

пользовался он или Уоллингхем, и не бралась за столовый прибор, пока они не подавали ей пример. Он подумал, что со стороны девушки это весьма разумно. А по тому, как аккуратно Кистна ела и как правильно говорила, Олчестер заключил, что ее родители, несомненно, были благородного происхождения.

— Я полагаю, что пока вы не придете в себя и не поправитесь хоть немного, пока не будут готовы ваши новые туалеты, мы останемся здесь, в аббатстве, и никто вас не увидит.

— Не могу себе представить... более прекрасного места! — воскликнула Кистна.

— Я надеялся, что вам здесь понравится. А тем временем мы с мистером Уоллингхемом научим вас правилам этикета, которые необходимо усвоить прежде, чем я повезу вас в Лондон.

Произнося эти слова, маркиз почувствовал, что Уоллингхем смотрит на него с легким недоумением. Они еще не обсудили в деталях, как представить Бранскомбу подопечную маркиза. Перегрин считал, что будет лучше, если граф, прослышав, где находится девушка, настоит на том, чтобы его пригласили.

Сейчас Уоллингхем решил, что маркиз стремится дать понять девушке, какая большая работа ей предстоит, чтобы добиться успеха в светском обществе с его балами, приемами и прочими развлечениями.

Наблюдая за девушкой, пока она разговаривала с его другом, Перегрин заметил, что она необычайно чувствительна и ее глаза, как зеркало, отражают все, что она чувствует в данную минуту.

И еще он пытался представить, какой станет Кистна, когда она уже не будет такой истощенной.

— Я думаю, миссис Дос уже сообщила вам, что после обеда из Лондона приедет портниха. Она привезет платья для вас и снимет мерку. Может, вам стоит отдохнуть перед ее приходом?

— Да... Я так и сделаю. Но... милорд... не разрешите ли вы мне взять что-нибудь почитать в библиотеке?

— Вы любите читать? — поинтересовался маркиз.

— Это было так ужасно... Последние три года в приюте у меня совсем не было книг — только моя Библия. — Она застенчиво улыбнулась. — Это все, что у меня есть. Все вещи, которые я привезла из Индии, пришли в негодность, а кое-что я отдала детям.

Маркиз понял, что Кистна раздала замерзающим детям всю свою теплую одежду. Но ему не хотелось, чтобы она вспоминала прошлое, поэтому он сказал:

— Здесь, в аббатстве, большая библиотека. Вы можете попросить моего библиотекаря показать вам полки, где стоят последние романы, в том числе и сэра Вальтера Скотта.

— Мне очень хотелось бы прочесть их! — с восхищением сказала девушка.

Слезы снова навернулись ей на глаза.

— Это правда? Правда, что я здесь, что я... буду вашей подопечной? Буду жить в таком... замечательном... восхитительном доме?

— Это правда.

— Как я смогу отблагодарить вас за, это... разве что просить Господа... чтобы он сделал это... за меня.

— Вы уже благодарили меня, нет надобности все время говорить об этом. Это ставит меня в неловкое положение.

Я предпочел бы, Кистна, чтобы ваша благодарность выражалась в действиях, а не в словах.

— Что я могу... сделать... для этого?

— Делайте то, что я говорю вам, и постарайтесь поскорее нарастить хоть немножко мяса на свои косточки.

Кистна тихо засмеялась.

— То же самое сказала мне и миссис Дос. И она уже заставила меня выпить два огромных стакана молока!

— Вы быстро поймете: миссис Дос всегда знает, что именно следует делать, но я многое предпочитаю делать по-своему. Так что вам следует слушаться нас обоих.

— Вы же знаете, я хочу делать так, как нравится вам, — сказала Кистна просто.

Когда она вышла из комнаты, маркиз с улыбкой повернулся к Уоллингхему.

— Ну, что вы думаете о нашей протеже?

— Она, несомненно, умна, — ответил Перегрин. — Только вот не знаю, сколько же времени ей понадобится, чтобы, как вы сказали, нарастить на костях хоть немного мяса.

— Новая одежда изменит ее и придаст уверенности в себе.

— Не сомневаюсь, вы истинный знаток того, что значит одежда для женщины, — поддразнил друга Уоллингхем, — но, мне кажется, когда речь идет об этой девушке, следует принимать в расчет не только ее внешность, но и характер.

Маркиз в ужасе замахал руками.

— Ради всего святого! — воскликнул он. — Последнее, что нам нужно, это девушка с характером! Нам требуется славное послушное существо, которое сделает все, что мы ему скажем, и примет идею свадьбы с Бранскомбом как дар небес!

Уоллингхем помолчал, а затем заметил:

— Мне кажется, Кистна сильно отличается от средней девушки. Она жила с родителями в Индии и много страдала здесь, в Англии. Сомневаюсь, что из нее когда-нибудь получится толстая, благодушная корова, которая требуется для выполнения вашего плана.

— Ну что ж, — сказал маркиз, как будто защищаясь, — она умна, и когда придет пора сказать ей, что она должна сыграть роль Мирабел, она поймет, какие выгоды это сулит ей. Стать женой Бранскомба — перспектива более приятная, чем голодная жизнь в приюте.

— Я уверен, что она в состоянии исполнить свою роль просто великолепно. Только сомневаюсь, что у нее будет возможность решать, хочет ли она играть эту роль.

— Она должна возблагодарить свою счастливую звезду за то, что всю оставшуюся жизнь проживет в роскоши. Ведь как бы Бранскомб ни был взбешен, когда обман откроется, он ничего не сможет сделать.

Маркиз говорил столь резко, что Уоллингаем решил прекратить бессмысленный разговор и предложил отправиться на прогулку.

Когда они вернулись спустя несколько часов, им сообщили, что портниха уже прибыла и ждет маркиза.

Это была умная женщина с резкими чертами лица. Ее магазин модного платья на Бонд-стрит пользовался известностью и процветал.

Маркизу не раз случалось сопровождать туда своих любовниц и знакомых дам из высшего общества.

Мадам Ивонн была отнюдь не болтлива, и не было случая, чтобы она дала понять женщине, которой маркиз покупал дорогое платье, что она не единственная дама, которая пользуется его благосклонностью.

Теперь она приветствовала маркиза глубоким реверансом, ожидая его указаний.

— Мадам, я хочу, чтобы моя подопечная была одета наилучшим образом. Позаботьтесь, чтобы ее гардероб был совершенно исключительным, таким, какого не будет ни у одной дебютантки в Лондоне.

В глазах мадам Ивонн при этих словах маркиза вспыхнул алчный огонек, но голос ее звучал спокойно:

— Я, как всегда, постараюсь сделать все возможное, чтобы ваша светлость остались довольны.

— Но есть одно условие.

— Да, милорд?

— Я не желаю, чтобы кому бы то ни было в Лондоне стало известно, что моя подопечная живет здесь, в аббатстве.

На лице мадам Ивонн мелькнуло удивление, и Олчестер продолжал:

— Видите ли, мисс Кистна была нездорова, а для девушки нет ничего хуже, чем разговоры в свете о ее слабом здоровье или о том, что она перенесла какую-либо болезнь, не важно, была эта болезнь пустяковой или серьезной.

Мадам Ивонн кивнула, соглашаясь. Маркиз заговорил снова:

— Именно поэтому, мадам, я не могу позволить, чтобы слух о том, где находится моя подопечная, распространился раньше, чем она оправится настолько, что сможет с достоинством носить сшитые вами туалеты и украшать собой бальные залы.

— Конечно, милорд, я все понимаю, — ответила мадам Ивонн. — И я обещаю вам, что ни

словом не обмолвлюсь о юной леди.

— Благодарю вас. А теперь давайте убедимся, что вы привезли для мисс Кистны ваши лучшие изделия.

Немного помолчав маркиз добавил:

— Моя подопечная — наследница огромного состояния, и поэтому нет необходимости экономить на мелочах.

Произнося эти слова, маркиз не сомневался, что получит счет на астрономическую сумму. Зато, если ему удастся убедить мадам Ивонн в том, что Кистна — богатая наследница, портниха когда-нибудь в будущем не преминет намекнуть знакомым светским дамам, что подопечная маркиза баснословно богата. Это как нельзя лучше вписывалось в его планы — словно фрагмент огромной головоломки, — и маркиз поздравил себя с тем, что продумал все до мельчайших деталей.

Он решил поручить миссис Дос выбрать для Кистны наряды из уже готовых, а остальное, сшитое на заказ, будет доставлено из Лондона позже.

— Как мисс Кистне понравились новые туалеты? — спросил маркиз, когда портниха уехала.

— Я никогда еще не видела, чтобы юная леди была настолько взволнована, — ответила миссис Дос. — А сейчас, когда ее возбуждение поутихло, я уложила ее в постель. Уверена, она сразу заснула и, наверное, спит сейчас как дитя, после таких радостных переживаний!

— Я знал, что спокойно могу доверить ее вашим заботам, миссис Дос, — сказал маркиз, и почтенная экономка была весьма польщена подобным комплиментом.

Вечером того же дня Олчестер увидел Кистну, когда она спустилась к обеду. Трудно было узнать в ней оборванную сироту, которую он встретил в приюте.

Платье нежного небесно-голубого цвета с широкой юбкой и пышными рукавами скрывало необычайную худобу девушки. Только личико, несмотря на слегка подрумяненные щеки, оставалось таким же изможденным. Миссис Дос или кто-то из девушек-служанок искусно уложили прямые волосы Кистны, перевив их голубыми лентами в тон платью. Узкая бархотка того же цвета украшала ее стройную шею.

Кистна робко вошла в гостиную, когда маркиз и Уоллингхем уже сидели за столом, и оба они убедились, насколько маркиз был прав, утверждая, что одежда способна совершенно изменить женщину.

Худенькая Кистна двигалась с такой неподражаемой грацией, что напомнила Олчестеру цветок, который покачивает на тонком стебельке легкий вечерний ветерок.

Когда девушка улыбнулась ему, он заметил, что, по совету мадам Ивонн, она чуть тронула помадой губы, и они не казались теперь такими бледными и бескровными.

— Прекрасные перышки делают и птичку прекрасной! — воскликнул Уоллингхем, прежде чем маркиз успел открыть рот.

— Я так и думала, что это услышу, — смеясь, ответила девушка. — Я и сама чувствую себя в этом прекрасном платье словно павлин, распутивший хвост.

Она взглянула на маркиза и совсем тихо, будто разговаривая с ним одним, произнесла:

— Я так... благодарна вам...

— Я же говорил вам, что не люблю, когда меня благодарят.

И все-таки Олчестер не мог не признать, что ему никогда прежде не приходилось видеть выражения такой безмерной благодарности в глазах женщины.

Он вспомнил, с какой бесцеремонностью леди Изобел указала ему на бриллиантовое ожерелье, которое она хотела получить в подарок на Рождество, и как, получив ожерелье, возмущалась тем, что маркиз не приобрел браслет, который составлял комплект с этим ожерельем.

Вспомнил маркиз и драгоценности, подаренные им хорошеньким куртизанкам, которых поселил в одном из своих домов в Челси.

Они вытянули из него все, что могли, как любил говорить Уоллингхем, — словно магнит, который вытягивает деньги из карманов быстрее, чем успеваешь их туда класть, но их благодарность порой бывала непропорциональна средствам, которые тратил богатый любовник.

Восторг, сиявший в глазах Кистны, заставил маркиза на мгновение устыдиться. Но затем он сказал себе, что сейчас не время для сентиментальностей. Им еще многое предстоит сделать, прежде чем Бранскомб будет одурочен.

При одной только мысли об этом маркиз нахмурился и, к своему удивлению, тут же услышал испуганный голос Кистны:

— Вы... сердитесь? Это потому... что я сказала...или сделала что-то не так?

— Конечно, нет! — воскликнул маркиз. — И я надеюсь, что никогда не буду сердиться на вас и даже не дам вам повод бояться, что я рассержусь.

— Я бы... очень испугалась, если бы... вы на меня рассердились.

— И были бы правы, — вмешался Перегрин. — Могу вас заверить, что маркиз страшен в гневе, и, что самое ужасное, он никогда не повышает голоса.

Кистна сдавленно хихикнула.

— Я согласна... что это... намного хуже, чем когда кричат. — Она ненадолго замолчала. — Папа никогда не сердился, даже если кто-то делал что-нибудь плохое. Он только становился таким расстроенным и подавленным, что виновный сам начинал раскаиваться в своем поступке.

— А как вы ведете себя, когда сердитесь? — спросил Перегрин.

— Иногда я выхожу из себя, — призналась Кистна, — но это очень быстро проходит, и я... очень... очень сожалею и стремлюсь извиниться.

— Это правильно и весьма достойно" — заметил Уоллингхем.

— Я уверена, что в таком прекрасном месте я просто не смогу рассердиться. Только две вещи могут вызвать в человеке гнев: уродство и несправедливость.

— Главным образом, — несправедливость, — проговорил маркиз жестко.

Он снова подумал о Бранскомбе, а Уоллингхем, который считал, что не следует позволять маркизу сосредоточиваться на своей обиде, поспешил сменить тему разговора, и они направились в столовую, все трое весело смеясь.

На Кистну обед произвел фантастическое впечатление.

Ей никогда еще не приходилось обедать в такой роскошной обстановке, а блюда казались ей божественной амброзией. Восхитительным казалось ей и общество таких разных, но в равной мере элегантных и утонченных джентльменов.

Возвращаясь мыслями в прошлое, Кистна вспоминала, что ее отец, человек очень серьезный, всегда шутил и смеялся, когда их семья собиралась вместе, и все их разговоры были проникнуты теплом и любовью.

Это было совсем не похоже на беседу маркиза с его другом. Они непрерывно обменивались остротами, словно вели дуэль, но не на шпагах, а на словах, и каждое слово имело свое особое значение.

Поскольку Кистна в последние три года страдала от недостатка пищи не только телесной, но и духовной, каждая фраза маркиза или Уоллингхема казалась ей и интересной, и поучительной.

Поскольку она уже не была голодна, она могла наслаждаться тончайшими оттенками слов, хитроумно построенными фразами, сосредоточенно следя за разговором, не отвлекаясь, как это было еще несколько дней назад.

Время от времени маркиз или Уоллингхем обращались к девушке, но чаще казалось, что они беседуют так, словно ее и не было.

вернуться

6

Дебютантка — девушка, впервые выезжающая в свет.

Они говорили о спорте и о своих знакомых так, как разговаривают люди настолько близкие, что понимают друг друга с полуслова.

Уоллингхем обсуждал с маркизом его шансы выиграть Золотой кубок на скачках в Аскоте. Затем, словно внезапно вспомнив о существовании Кистны, он спросил у девушки:

— Вам нравятся лошади?

— Я их очень люблю! Но мне никогда не приходилось ездить на настоящих верховых лошадях, о которых вы говорите. В Индии были только маленькие лошадки местной породы, очень своенравные, с ними было трудно справиться.

Маркиз улыбнулся.

— Значит, вы хотели бы поехать на моих лошадях?

Кистна негромко вскрикнула.

— О, пожалуйста! Пожалуйста! Если у меня будет костюм для верховой езды, вы, может быть... позвольте мне... ездить вместе с вами и мистером Уоллингхемом.

— Я распоряжусь, чтобы вам сшили два костюма, как это обычно делается. Это все, что необходимо для езды верхом летом. А к зиме вам потребуется что-нибудь потеплее.

Не услышав обычных слов благодарности, маркиз взглянул на девушку и увидел на ее лице безмерное удивление.

— В чем дело? — спросил он.

— Я не могу понять, откуда вам так хорошо известно, что именно нужно женщине? Мадам Ивонн сказала, что у вас превосходный вкус, и я не представляю себе, как вы, неженатый человек, можете так хорошо разбираться в платьях, шляпках и даже амазонках?

В столовой ненадолго воцарилось молчание, словно маркиз не знал, как ответить на этот безыскусный вопрос.

Он видел, что Уоллингхем поражен не меньше него.

Но Кистна ждала ответа, и маркиз медленно проговорил:

— Да, я не женат, но у меня великое множество родственников.

— О, конечно! Мне это не пришло в голову! — воскликнула девушка. — Миссис Дос рассказывала мне, что ваша мать была очень, очень красива. Я думала, что это она могла рассказать вам, как много значит для женщины красивая одежда, особенно для такой, как я... у которой ее никогда не было.

Маркиз через стол бросил взгляд на Уоллингхема, без слов запрещая ему когда-либо дразнить его, вспоминая этот разговор.

Словно почувствовав их немой диалог, Кистна перевела взгляд с Уоллингхема на него и спросила:

— Я... я сказала что-то не так? Это было нетактично с моей стороны... спросить, откуда его светлости известно... что нравится женщинам?

— Нет, что вы! — постарался успокоить ее Уоллингхем. — Когда вы лучше узнаете маркиза, вы поймете, что он удивительно широко осведомлен обо всем, что касается женщин и лошадей.

— Я так хочу как можно больше узнать о лошадях! — воскликнула Кистна, и неловкий момент миновал.

После обеда маркиз и Уоллингхем играли в пикет с большим азартом и на крупные суммы.

Кистна немного понаблюдала за ними, а потом стала рассматривать украшавшие гостиную предметы искусства и картины, подолгу вглядываясь в каждую из них.

Когда игра закончилась, маркиз встал из-за стола и подошел к девушке. Она рассматривала великолепную картину Пуссена, изображавшую грациозных нимф, которые резвились на лесной поляне на фоне гор, смутно рисовавшихся в тумане.

— Вам нравится эта картина? — спросил Олчестер.

— Мне трудно... выразить словами... что я чувствую, — тихо и сосредоточенно проговорила Кистна.

Маркиз невольно заинтересовался.

— Попробуйте все-таки рассказать мне, что вы чувствуете, хоть вам и нелегко это.

Кистна помолчала, словно собираясь с мыслями.

— Когда мы жили в Индии, там в храмах было много странных статуй, которые шокировали англичан, и они жаловались моему отцу.

— И что делал ваш отец?

— Когда я спросила папу, что он намерен делать, он ответил, что попытается объяснить им, почему индусы поместили в храм эти эротические фигуры.

Девушка внимательно посмотрела на маркиза, словно проверяя, слушает ли он, и продолжала:

— Папа говорил, что каждый индийский резчик вкладывает свою творческую силу в создание своих рук, выражая этим свою веру.

Кистна замолчала и снова посмотрела на маркиза, на этот раз с мольбой:

— Не могу как следует объяснить, но, мне кажется, папа имел в виду, что каждый человек, который вкладывает душу в свое создание, подобен Богу и, по-своему, тоже является творцом.

— Я никогда не слышал подобной теории, — заметил маркиз.

— Вы спросили меня, что я чувствую, когда смотрю на эту картину, — продолжала Кистна. — Мне кажется, что Пуссен вложил в нее свою творческую силу, и это творение его души и сердца, а не только разума.

Маркиз взирал на девушку в безграничном изумлении.

Ему казалось невероятным, что эта девушка, о которой он все еще думал как о воспитаннице сиротского приюта, способна не только мыслить ясно и глубоко, но и легко выражать свои мысли, что порой самому маркизу казалось не таким уж простым.

— Все ли картины вызывают у вас то же чувство? — справившись с изумлением, спросил Олчестер.

— Я никогда прежде не видела картины, подобной этой, да и любой другой в этой комнате. Но в Индии очень много картин, и сама она так прекрасна!

— Вы говорите об Индии так, словно потеряли ее навсегда.

— Я потеряла счастье, которое знала там, — ответила Кистна. — И поскольку воспоминания о нем были единственным утешением для меня в последние три года, все прошлое до сих пор живо в моей памяти и кажется мне абсолютно реальным.

Маркиз понял, что только ее воображение и воспоминания о прошлом помогли ей спастись

от того кошмара, который окружал ее в приюте. Слова девушки заставили маркиза почувствовать себя сентиментальным, и он ответил довольно резко:

— Но теперь у вас есть прекрасное настоящее, и вы должны думать о нем и о будущем, потому что вы очень молоды. Главное — это то, что ждет нас впереди.

— Да... конечно, — согласилась Кистна. — Но только сегодня, здесь, вместе с вами, я впервые поняла, что у меня есть будущее. Раньше я думала только о том, что умру, как моя сестра, от холода и голода.

Кистна говорила спокойно, без всякого драматизма, но от этого ее слова казались особенно горькими.

Маркизу вдруг захотелось обнять ее за плечи, прижать к себе, заверить, что ей больше нечего бояться. Он так и сделал бы, будь она ребенком, но Кистна была молодой женщиной, которая, без сомнения, могла не правильно истолковать этот жест.

— Теперь у вас впереди прекрасное будущее, и я уверен, что оно принесет вам много волнующих впечатлений! — заметил маркиз.

Его тон, казалось, сразу разрушил те таинственные узы, которые на мгновение возникли между ним и девушкой, что стояла рядом.

Позже, уже лежа в постели, Кистна задумалась о маркизе и о том, как он говорил о ее будущем. Говорил, как будто точно знал, что произойдет с ней.

— Что может быть более волнующим, чем жить в этом доме и внезапно обрести такого замечательного опекуна?

И все же подсознательно она чувствовала, что все не так просто, что маркиз что-то задумал с момента их первой встречи.

Кистна вспомнила, как ее мама часто говорила отцу:

— Не правда ли, дорогой, здесь, в Индии есть что-то, что делает нас более чуткими... или, может быть, более восприимчивыми?

— Эти слова всегда были синонимами, — с улыбкой отвечал преподобный Джон Лавелл.

— Только не для меня, — заметила его жена. — Мне трудно объяснить, что именно я имею в виду, но временами я чувствую, что здесь я ближе к Миру Духа, миру, к которому принадлежим мы оба, чем к окружающему нас миру.

— Я думаю, это случается с каждым, кто приезжает в Индию, — ответил отец Кистны. — Вера людей усиливается от жары и жажды, в конце концов начинаешь ощущать, что она разлита повсюду вокруг.

— Я в этом уверена, — сказала миссис Лавелл. — Твоя вера и ты, мой дорогой, слиты в единое целое.

Они улыбались, глядя друг на друга через обеденный стол, и Кистне казалось, что она чувствует вокруг волны их любви друг к другу так же хорошо, как ее мать ощущает волны веры.

Оглядываясь назад, девушка понимала, что их дом, каким бы маленьким он ни был, всегда был наполнен любовью и счастьем, тем богатством, которое недоступно жадным.

— Мы были так счастливы, — в отчаянии всхлипывала Кистна, лежа на жесткой кровати в темноте приютской спальни. — О, мама и папа, как вы могли... умереть и оставить меня... совсем одну?

Она пыталась убедить себя, что родители всегда рядом и нужно только освободиться от оков материального мира, чтобы вновь обрести их. Но, возможно, потому, что ей было так голодно и холодно, девушке было очень трудно ощутить связь с тем, что она утратила.

А сейчас Кистна снова чувствовала, что мать и отец рядом с ней, говорят с ней, руководят ею, и их любовь к ней, так же, как и ее любовь к ним, сильна, как прежде.

— Я так счастлива! Я очень-очень счастлива! — повторяла себе Кистна.

Возможно, это ее мама привела маркиза в приют, чтобы спасти ее и детей от того ада, в котором они жили и который, если бы не приезд маркиза, мог длиться вечно.

А теперь — и завтра, и на следующий день — она будет жить в этом сказочном замке вместе с маркизом, который, словно храбрый рыцарь, уничтожил дракона в образе миссис Мур.

— Мама, он удивительный! — мысленно обращалась к ней Кистна. — Такой удивительный и такой красивый! Он был так добр ко мне и позаботился, чтобы у меня было много красивых платьев! И в то же время... в нем есть что-то... чего я... не понимаю.

Она задумалась, пытаясь словами выразить свои сомнения.

— В том, как он думает обо мне, есть что-то... не просто доброта, а что-то еще...

Она снова попыталась определить это «что-то», но слово не находилось.

Кистна знала лишь, что в глазах маркиза таится загадка, которую она не может разгадать, и то, что она испытывала в его присутствии, отличалось от ее ожиданий.

Это заставляло ее чувствовать, что даже в той стране грез, куда он ее привел, где она жила в таком фантастически прекрасном доме, который невозможно было себе и представить, где ее одели как принцессу, было что-то странно тревожное, словно какая-то фальшивая нота.

Потом она решила, что подобные мысли — совершеннейший абсурд, — Я счастлива! Я очень-очень счастлива! — повторила она вслух. — Благодарю тебя, Господи, за то, что ты послал его ко мне и сделал моим опекуном!

Глава четвертая

— Хотелось бы мне знать, не скучают ли по нас в Лондоне? — спросил Уоллингхем.

— Представляю, сколько слухов породило наше отсутствие, — сухо заметил маркиз. — Особенно в определенных кругах.

Перегрин знал, что маркиз имеет в виду леди Изобел.

Наверняка она не только сбита с толку, но и изнемогает от любопытства, желая узнать, почему

при таком разнообразии развлечений в столице маркиз предпочел удалиться в деревню."

И, словно в ответ на их разговор, в дверях появился секретарь маркиза, мистер Барнс, и сказал:

— Из Лондона для вашей светлости прибыло письмо, и посыльному ведено дожидаться ответа.

Мистер Барнс держал письмо в руке, и Олчестер издали заметил на конверте яркий герб.

— Передайте посыльному, что не смогли меня найти и не знаете, когда я вернусь, так что дальнейшее ожидание бесполезно.

Выражение лица мистера Барнса не изменилось. Он ответил:

— Хорошо, милорд. — И вышел из комнаты.

— Изобел? — спросил Уоллингхем.

Маркиз кивнул:

— Она ужасно настойчива, но я не имею ни малейшего желания снова с ней связываться. Теперь я понимаю, что это с самого начала было ошибкой с моей стороны.

— Я говорил вам об этом, — заметил Перегрин, — но сомневаюсь, что вы слышали мои слова.

Маркиз не ответил, и Уоллингхем продолжал:

— Хотя она и красива, я всегда был уверен, что сердце у нее недоброе, а я могу это сказать вовсе не обо всех наших светских красавицах.

Маркиз снова промолчал, и Перегрин не слишком этому удивился, зная, что Олчестер не любит обсуждать свои романы даже с самыми близкими друзьями.

В то же время, будучи искренне предан другу, Уоллингхем от души радовался, видя, что тот вовремя понял: такая женщина, как Изобел, может быть опасна.

Поскольку мысли обоих друзей гораздо больше занимали их новые планы, Перегрин выбросил из головы Изобел и заговорил о Кистне.

— Вы заметили, как она изменилась всего за четыре или пять дней, которые она прожила здесь?

— Она действительно немного поправилась.

— Мне кажется, что к тому времени, как ее здоровье полностью восстановится, она превратится в настоящую красавицу.

— Вы действительно так думаете? — спросил маркиз без особого интереса.

— Где ваши глаза, Линден? — почти возмущенно отозвался Перегрин. — Лично я нахожу это зрелище воистину захватывающим — наблюдать, как она меняется у меня на глазах буквально каждый день, если не каждый час. Она уже не похожа на то чучело, какое встретило нас на пороге приюта.

Он тихо засмеялся:

— Когда я вспоминаю, я не могу представить ничего более фантастического, чем наш приезд туда и Кистна, истощенная, в лохмотьях, которая открывает нам дверь.

— Я никогда не допущу, чтобы подобное повторилось в моем поместье, — ответил маркиз резко.

— А как успехи Родуэлла?

— Я им доволен. Он всю жизнь прожил в поместье и знает все и всех. Не сомневаюсь, что он будет куда лучшим управляющим, чем та свинья.

— Это разумное решение — нанять Родуэлла, — согласился Уоллингхем. — Вряд ли стоило делать управляющим чужака.

— Я согласен. И вы сами сказали, что в этом случае я поступил разумно.

— Как и во многих других, — улыбнулся Уоллингхем.

— А теперь вернемся к самому важному: когда мы извлечем Кистну на свет, словно кролика из шляпы, и начнем подталкивать Бранскомба к мысли о женитьбе?

— Она еще не готова к этому!

— Пожалуй, и мне кажется, что мы не слишком продвинулись. Но вы-то хотите сказать, что вам все наскучило и хотелось бы вернуться в Лондон?

— Я ничего подобного не говорил! — запротестовал Уоллингхем. — Мне доставляет удовольствие ваше общество, Линден. К тому же, пока я могу ездить на первоклассных лошадях и ваш винный погреб находится в моем полном распоряжении, у меня нет причин возражать против деревенской жизни.

— А как насчет Молли или как там ее зовут?

Перегрин ухмыльнулся:

— Она и всегда была мне не по карману, а пользуясь вашим гостеприимством, я экономлю не только на ее питании и квартире, но и на всех тех подарках, которые я, несомненно, должен был бы ей преподнести, хотя, видит Бог, у меня нет на это денег!

— Что ж, счастлив оказать вам услугу!

Уоллингхем рассмеялся.

— Что до меня, так я наслаждаюсь жизнью. Но мне кажется, хотя, возможно, я ошибаюсь, что и вы тоже.

Маркиз не ответил, но Перегрин не сомневался в том, что, хотя его друг и не склонен это признавать, жизнь уже не кажется ему такой скучной, как до того злосчастного дерби.

Тогда ничто не интересовало его. Связь с Изобел подходила к концу, и Олчестеру не оставалось ничего, кроме приевшихся развлечений и встреч с одними и теми же приятелями и знакомыми.

Кистна внесла в жизнь маркиза что-то новое, чего раньше он был лишен, и Уоллингхем с пронизательностью истинного друга заметил это.

Маркиз всерьез сосредоточился на том, чтобы девушка научилась всему, что требовалось debutантке.

— Мирабел сильно отличается от всех девушек ее возраста, — сказал он Уоллингхему.

— Чем же именно?

— Она всегда была богата, училась у лучших учителей и получила не только образование, но и познала все те премудрости, которые должна постигнуть юная девушка, выставляемая на ярмарку невест.

— Ярмарку невест? — переспросил Уоллингхем, удивленно приподняв бровь.

— А как еще это называть? Родители растят и холят их, как призовых лошадей, а потом привозят в Лондон, чтобы продемонстрировать холостякам вроде нас с вами и попытаться вызвать интерес к своим чадам.

Рассуждения маркиза показались Уоллингхему настолько циничными, что он посмотрел на друга с удивлением, но потом рассмеялся:

— А чего же вы хотите? Единственная цель женщины — это выйти замуж.

— А мужчины — избежать женитьбы!

— Ну, на самом деле это не совсем так. Конечно, если с моим старшим братом не случится ничего плохого, я могу до конца дней своих оставаться холостяком. Но вы-то должны продолжить род, а значит, рано или поздно произвести на свет сына, и лучше не одного.

— Чуть ли не с самого моего появления на свет мне вдалбливали в голову, что это — мой долг перед семьей, — заметил маркиз таким тоном, что Перегрину сразу стало ясно, насколько другу не улыбается подобная перспектива.

— Странно, что вы никогда не влюблялись, — заметил Уоллингхем задумчиво.

— Я всегда старался держаться подальше от проклятой ярмарки невест. Не припомню, чтобы я имел дело с девушкой в возрасте Кистны. И это весьма затрудняет нашу задачу.

— В каком смысле?

— Я не представляю себе, что она должна знать, чтобы не выглядеть невежественной на фоне других debutанток.

— Если вас интересует мое мнение, — заметил Уоллингхем, — то я считаю Кистну настолько сообразительной, что она даст сто очков вперед многим своим ровесницам.

— Она слишком худа, — ответил маркиз резко.

— Все округлости уже при ней. Мой отец всегда говорил: «Женщина должна быть округлой, а мужчина прямым».

Произнося эту фразу, он всегда смотрел на живот принца-регента.

— Бедный старина «принни»! Он так этого стыдился, — улыбнулся маркиз. — Особенно в последние годы. Выезжал только в закрытом экипаже, и, когда я навещал его в Виндзоре, там всегда портьеры были полуопущены.

— Он ел и пил слишком много всю свою жизнь. Готов поспорить, что вы, Линден, до самой могилы сохраните прекрасную фигуру.

— Надеюсь. Кстати: лошади оседланы, и я сказал Кистне, что она может поехать с нами.

— А я-то гадал, почему мы не отправились раньше!

— У Кистны урок французского. Нам очень повезло.

У мадемуазель безукоризненное произношение. Она парижанка.

— Боюсь, когда обучение Кистны завершится, девушка будет нашпигована знаниями, как рождественский гусь.

А ведь мужчины терпеть не могут умных женщин. Как бы она не распугала всех женихов на ненавистной вам ярмарке невест.

— С ее-то состоянием? — цинично бросил маркиз.

— Вы еще не говорили ей, что она должна будет сыграть роль Мирабел?

— Конечно, нет! Мы же договорились, что будем вместе следить за ее развитием, и я ни в коем случае не предприму такой важный шаг, не посоветовавшись с вами.

— Я рад, что вы так осторожны. Мне кажется, что ей не понравится эта идея — притворяться другой женщиной.

— Ее мнение меня мало волнует, — холодно произнес маркиз. — Она сделает то, что ей скажут, и лично я не предвижу никаких трудностей.

— Откуда такая уверенность?

— Кистна так благодарна мне, что выполнит любое мое распоряжение.

Перегрин собирался было возразить, но передумал.

Маркиз всегда был излишне самоуверен, особенно если это касалось женщин. Но эта женщина, несмотря на свою юность, представлялась Перегрину абсолютно непредсказуемой.

Говорить об этом маркизу не имело смысла, так что Уоллингхем счел за лучшее промолчать.

Кистна, вежливо попрощавшись с мадемуазель, словно на крыльях летела в свою спальню, чтобы переодеться в костюм для верховой езды.

Последние четверть часа сосредоточиться на том, что говорила француженка, и не взглядывать на часы каждую минуту было решительно невозможно. Стрелки приближались к одиннадцати. Наконец она будет свободна и поедет верхом вместе с маркизом и мистером Уоллингхемом.

Кистна не ожидала, что ее судьба так внезапно переменится: от нищеты и безысходности к счастью, такому бескрайнему, что оно, словно солнце, озарило все вокруг и согрело ее своим теплом.

Прошел почти месяц с того дня, когда она открыла дверь двум самым красивым и элегантным джентльменам, которых ей приходилось когда-либо видеть. Могла ли она тогда предположить, что они заберут ее из приютского ада в новый мир, где все казалось ей воплощением самой дерзкой и самой заветной мечты?

— Этого не может быть, — говорила себе Кистна, переодеваясь в амазонку, которую прислали для нее из Лондона.

— Этого не может быть! — повторяла она, сбегая вниз по мраморной лестнице с позолоченными перилами в холл, где ее уже ждали маркиз и мистер Уоллингхем, а на улице — три великолепные оседланные лошади.

Маркиз сам взялся обучать ее верховой езде и следил, чтобы она правильно держала поводья и сидела в седле как прирожденная всадница.

Кистна научилась так хорошо брать препятствия, что заслужила бурное одобрение если не самого маркиза, то по крайней мере Уоллингхема.

Девушка теперь умела узнавать, когда маркиз действительно был доволен ею, по выражению его глаз. Но Олчестер учил ее не только верховой езде.

Он учил Кистну правильно двигаться, входя в комнату, останавливаться именно там, где нужно, чтобы сделать реверанс, держать голову именно так, как требовал этикет.

Олчестер заставлял ее повторять каждый шаг снова и снова, пока его не удовлетворял результат. Так же придирчиво маркиз учил ее приветствовать гостей, желать им спокойной ночи, приглашать в столовую.

— Вы требуете от девушки слишком многого, — пару раз попытался воспротивиться Уоллингхем.

— Поведение моей подопечной должно быть безукоризненным в любой ситуации.

Заметив скептический взгляд Уоллингхема, он добавил:

— Учтите, что Бранскомб — ярый приверженец этикета. Он заметит самую ничтожную ошибку, а мы не можем позволить ему заподозрить что-нибудь, прежде чем он угодит в наш силлок.

Уоллингхем вынужден был согласиться, что доводы маркиза не лишены смысла и потому обучение Кистны должно вестись без малейшей поблажки. Но девушка и сама не меньше маркиза была озабочена тем, чтобы делать все безукоризненно. Теперь, прогуливаясь верхом по парку вокруг аббатства и по окрестным полям, Кистна ехала на норовистой, но прекрасно выезженной лошади.

Когда они перешли на шаг после долгого галопа, Кистна тихо вздохнула.

— Никогда бы не подумала, что можно ездить так быстро. Неудивительно, что вы выиграли столько скачек: ваши лошади самые быстрые из всех, которых я видела.

— Я еще надеюсь выиграть Золотой кубок в Аскоте, — ответил Олчестер.

— А я смогу это увидеть?

Маркиз оглянулся на девушку, и Кистна поняла, что это не входило в его планы.

— Пожалуйста... позвольте мне увидеть, как ваша лошадь первой минует призовой столб, — умоляла Кистна.

— По правде говоря, я не думал, что вам захочется присутствовать на скачках.

Маркиз посмотрел на Уоллингхема, и они без слов поняли друг друга: было бы весьма нежелательно, чтобы Кистна впервые появилась на столь людном сборище. Там мог оказаться кто-нибудь, кто был в Италии и встречал Мирабел.

Девушка тем временем переводила взгляд с одного своего спутника на другого, чувствуя, что они думают о чем-то, чего она не понимает.

— Я... сделала что-то не так? — спросила она.

— Нет, нет, — отозвался Олчестер. — Просто я не собирался брать вас на ипподром, и, прежде чем ответить, я должен еще раз все обдумать.

По тому, как это было сказано, Кистна поняла, что маркиз почему-то затрудняется принять решение, но чем вызваны его сомнения, осталось ей непонятно.

Но зато она гораздо лучше маркиза или Уоллингхема чувствовала, как меняется сама с каждым днем, проведенным в аббатстве. Кистна все больше становилась похожа на ту девочку, которая приехала в Англию, уверенная, что так или иначе сумеет позаботиться и о себе, и о младшей сестре.

Дома, в Индии, Кистна была счастливой и не боялась людей и не думала, что жизнь может повернуться к ней своей темной стороной. Только когда в приюте появилась миссис Мур, девушка почувствовала себя во власти злобного и безжалостного существа, от которого, казалось, не было спасения. Она не могла бросить в приюте младшую сестру и уйти, чтобы попытаться устроить собственную жизнь.

А когда маленькая Индира умерла, у Кистны уже не осталось сил, чтобы уйти из приюта. Да и вряд ли миссис Мур позволила бы ей уехать. Девушке казалось, что впереди у нее только медленная, мучительная смерть от голода, холода и нищеты. Она ведь видела, как мучаются и умирают приютские дети.

Но произошло чудо, и жизнь ее внезапно переменилась. Маркиз представлялся девушке самым архангелом Михаилом, который вынес ее из тьмы к свету. К тому свету, который остался где-то далеко позади, когда из теплой солнечной Индии она попала в мрак, холод и сырость приюта.

По ночам, дрожа от холода под ветхим, изношенным до дыр одеялом, она старалась представить себе солнце, которое освещало крышу их бунгало. Кистна словно наяву видела прекрасные цветы, которые ее мать выращивала в крошечном садике возле дома, и постепенно ее полупрозрачное изголодавшееся тело согревалось. Она как бы становилась частью того солнечного сияния, которое превращало в расплавленное золото воду той реки, чье имя она носила.

Она родилась и выросла в прекрасном мире, и уродство приюта медленно убивало ее душу. Уродливы были холодные комнаты, сломанные кровати, грязные полы.

Кистну приводила в ужас вечно пьяная миссис Мур, ее визгливый голос, который непрерывно выкрикивал ругательства, голодные дети в лохмотьях, чьи косточки, казалось, были готовы прорвать кожу. Не было вокруг ничего, кроме уродства и голода, бессильных слез и безнадежности.

Кистна помнила, как ее отец любил все прекрасное, как восхищался красотой, которую нашел в Индии. Он всегда мечтал открыть новую землю, к которой сердцем и душой стремился задолго до того, как впервые увидел ее. Это влечение заставило преподобного Джона Лавелла стать миссионером в стране, которой религиозное рвение реформации было неведомо.

Джентльмены из Ост-Индской компании не собирались управлять Индией, они намеревались лишь делать здесь деньги.

Они и делали это весьма эффективно в течение XVIII века, постепенно все прибирая к рукам, пока в 1813 году монополия компании на торговлю с Индией не была отменена и общественное мнение в Англии впервые смогло влиять на британскую колониальную администрацию.

До сих пор Ост-Индская компания запрещала христианским миссионерам приезжать в Индию, но после назначения вице-короля Индии авторитет правления Вестминстерского аббатства очень возрос и запрет был снят.

Преподобный Джон Лавелл предвидел, что это случится, а один из его родственников, служащий Ост-Индской компании, намекнул ему, что есть страна, в которой деятельность миссионера намного привлекательнее, чем нищенское существование приходского vicar в Англии.

— Сомневаюсь, что вам удастся обратить в христианство кого-нибудь из местных жителей, — сказал этот родственник. — Индусы, на свой собственный лад, весьма религиозны и вряд ли пожелают приобщиться к чужой вере. Но вы неплохо проведете там время и к тому же повидаете мир.

Джон Лавелл ухватился за возможность побывать за границей, тем более на Востоке. К тому же у него была еще одна, очень личная причина, которая заставила его быстро принять решение. В конце 1812 года он покинул Англию.

И оказался в Индии одним из первых. Когда в следующем году запрет Ост-Индской компании на въезд в страну христианских миссионеров был снят, они хлынули туда сотнями, с ужасом наблюдая безнравственность, которая царила в этой огромной и странной стране.

Дикость, ужасный обычай самосожжения вдов, убийства новорожденных и вымогательства жрецов — все это способствовало тому, что миссионеры решили, будто им предстоит крестовый поход против самого дьявола!

Но вскоре они узнали то, что уже знал Джон Лавелл: религиозные чувства индусов настолько глубоки и органичны, что христианству нечего предложить этим людям, которые убеждены, что и грех, и добродетель в этой жизни наказуются или, наоборот, вознаграждаются в жизни следующей.

Преподобный Джон не слишком старался обратить людей, горячо веривших в целый сонм божеств, в свою веру.

Человек весьма образованный, он быстро увлекся историей Индии и ее кастовой системой.

Вместо того, чтобы быть учителем, он стал учеником.

Вряд ли ему действительно удалось бы обратить кого-то в свою веру, но он был искренним, и индусы знали, что они могут доверять ему. У него появились друзья в каждой секте и касте — от неприкасаемых до брахманов, от последнего мусорщика до магараджи.

И Кистна, как только подросла, много встречалась с местными жителями и, как и ее отец, училась понимать их верования и убеждения, характерные особенности и точки зрения.

Для других англичан, которых они встречали в Калькутте и позже, путешествуя по стране, любой индус был всего лишь аборигеном. Но для Лавеллов все эти люди были одинаково интересны.

Хотя они сами не осознавали этого, Джон Лавелл с женой были своего рода пионерами, потому что представители Ост-Индской компании думали только о развитии торговли и не интересовались больше ничем.

С первых лет своей жизни в Индии Лавеллы вовсе не стремились обращать местных жителей в христианство. Им это казалось глупостью и чрезмерной амбициозностью.

Они с подобающим уважением относились к местной принцессе и к религиозным воззрениям местных жителей.

И, главное, они тонко чувствовали красоту Индии.

Кистна помнила, как ее отец любовался закатом или, глядя на пустынную равнину, что лежала на другом берегу реки, с благоговением в голосе говорил:

— Может ли что-нибудь на свете быть прекраснее. Здесь чувствуешь, что приближаешься к Богу.

Ее отец находил своего Бога и в украшенных искусной резьбой храмах, и в пении паломников, совершавших омовение в священных водах Ганга, и в полете птиц, и даже, возможно, в болтовне обезьянок на ветвях цветущих деревьев.

В Индии красота наполняла их жизнь. И здесь в аббатстве она снова нашла ту красоту, что всю жизнь воспевал ее отец.

Она подолгу стояла перед картинами, зачарованная сказочными закатами Тернера, а яркие краски Рубенса напоминали ей шелка, атлас и драгоценные камни в одеждах магараджи. Ее приводили в трепет мистическая мифология Пуссена и божественное совершенство картин итальянских мастеров с их бесчисленными изображениями Мадонны.

Подобное одухотворенное выражение Кистна видела на лицах индийских женщин, когда одетые в цветастые сари они преклоняли колена в пыли перед придорожным святилищем или разбрасывали лепестки цветов в храмах, где воздух был пропитан благовониями.

Девушка ощущала красоту не только в каждой комнате аббатства, но и в парке с его огромными, древними дубами и озером, по которому плавали лебеди, словно корабли под парусами. И над всем этим был сам хозяин поместья.

С того момента, как Кистна впервые увидела его в дверях приюта, ее не покидала мысль, что она и не представляла, как красив может быть человек, обаятелен и властен.

Он напоминал девушке губернаторов, разъезжавших по Калькутте в плавно скользивших ландо на высоких колесах в сопровождении пехотинцев и почтенного эскорта из верховых. Девушке казалось, что ничто не может превзойти это величественное зрелище.

В присутствии маркиза создавалась та же атмосфера спокойной властности. И в то же время его доброта трогала девушку до слез.

— Какой же он необыкновенный! — то и дело повторяла про себя Кистна, нежно касаясь прелестного украшенного кружевами белья, которое прислала из Лондона мадам Ивонн. Оно было такое восхитительно мягкое и шелковистое, словно это феи соткали специально для него волшебную паутинку.

— Он чудесный! Восхитительный! — Девушка смутилась, заметив, что повторяет это десятки раз в день.

Чтобы доставить маркизу удовольствие, Кистна старалась делать все, о чем он ее просил, как можно лучше.

— Боже! Как мне повезло, что моим опекуном стал такой человек! — думала девушка. — Воистину он подобен королю.

Кистне нравился и Перегрин Уоллингхем, и она отдавала себе отчет в том, что, если бы рядом не было маркиза, Уоллингхем произвел бы на нее не менее сильное впечатление.

Он поддразнивал девушку и сам смеялся вместе с ней, и Кистна находила Уоллингхема очень милым человеком с большим чувством юмора. Но маркиз... Тот в ее глазах был каким-то высшим существом.

Видя его верхом на лошади, она думала, что невозможно держаться в седле лучше него, и изо всех сил старалась быть ему достойной спутницей, чтобы маркиз мог ею гордиться.

Он требовал, чтобы она запоминала мельчайшие нюансы этикета, которые, наверное, были так важны, что Кистна, когда ей случалось ошибиться, в отчаянии думала, как позорит и маркиза, и себя.

В таких случаях она не могла заснуть ночью, терзаясь сознанием своей неуклюжести.

Хотя иногда девушка задумывалась о своем будущем, но пока настоящее поглощало ее целиком, потому что было похоже на сбывшуюся мечту. Ей не хотелось загадывать, что ее ждет. Она спешила переодеться и снова устремиться туда, где могла увидеть свое божество.

— Ваши волосы совершенно преобразились, мисс Кистна, — сказала однажды утром миссис Дос.

— Правда? — затаив дыхание спросила девушка.

— Да, конечно! — Миссис Дос расчесывала длинные волосы Кистны, любуясь густыми блестящими прядями.

— Пожалуй, они действительно стали лучше, — робко согласилась Кистна.

— Вы и сами очень изменились, мисс, — продолжала миссис Дос. — Я только вчера говорила Этель: «Мисс Кистна, когда немножко поправилась, очень похорошела. Помяни мое слово, скоро она станет настоящей красавицей».

Кистна внимательно посмотрела на свое отражение в зеркале. Если она хорошенькая, а может, даже красавица, заметит ли это маркиз?

В приюте Кистне было не до того, чтобы думать о своей внешности. Но здесь, в аббатстве, чувствуя на себе взгляд серых глаз маркиза, она расцветала, становясь все больше похожей на свою мать.

А ее мать была настоящей красавицей, и не только в глазах обожавшего ее мужа.

Еще подростком Кистна замечала, что каждый англичанин, который приходил в их дом, не сводил глаз с ее матери, и в этих взглядах было удивленное восхищение.

Они как будто говорили:

— Как можно? Здесь, в Индии, встретить такую красавицу да еще жену какого-то миссионера? И ведь она, по-видимому, довольна своей жизнью, хотя лишена великосветских развлечений и многих других радостей!

Иногда они старались продлить знакомство, и перед маленьким бунгало останавливались роскошные экипажи, принадлежавшие губернатору, в сопровождении слуг, одетых в яркие, красные с белым, ливреи.

Сначала гости вели себя слегка покровительственно и снисходительно, но вскоре обнаруживали нечто невероятное: прелестная миссис Лавелл, вежливо и внимательно выслушивала их, не проявляя ни малейшего интереса к ним самим.

Потом их ухаживания становились все настойчивее и откровеннее, как замечала Кистна.

Но если отец возвращался домой, когда у них бывали гости, ей казалось, что только слепой может не понять, почему миссис Лавелл отнюдь не настаивает, чтобы они задержались, и не приглашает бывать у них.

Услышав шаги отца на веранде, мама бросалась ему навстречу, и ее прекрасное лицо освещалось таким внутренним светом, что трудно было отвести от нее взгляд.

— Джон!

Она выдыхала имя мужа, и глаза ее сияли. Она устремлялась к нему через всю скромную, скудно обставленную комнату, а он, даже если и часа не прошло, как они расстались, обнимал жену и крепко прижимал к себе. Казалось, они встретились после долгой разлуки, и Кистна рано начала понимать, что каждая минута, когда они не виделись, казалась им вечностью, и не было в ней ничего, кроме холода и пустоты.

Это и есть любовь, думала Кистна, и она прекрасна.

Именно любви она была лишена в приюте, без которой для нее была невозможна и красота.

В доме маркиза Кистна вновь обрела красоту и, хотя в нем не было родительской любви, но хозяин и его друг были добры к ней, и в благодарность девушка раскрывалась им навстречу,

даря те чувства, которые три долгих года таила в глубине своего сердца.

— Как я выгляжу, миссис Дос? — спросила Кистна вечером.

Она надела новое платье, белое, расшитое серебряной нитью, с пышными рукавами из прозрачного газа. Та же ткань прикрывала худенькие ключицы, и серебряные нити переливались в свете свечей при каждом движении девушки.

Шею украшала бархотка, расшитая редкими серебряными блестками и белыми цветами. Те же цветы были в волосах, перевитых лентами, которые спускались на спину, скрывая худобу девушки.

— Вы очень хорошенькая, мисс Кистна! — воскликнула миссис Дос. — Никогда за всю историю этого дома в нем не было девушки, которая могла бы сравниться с вами.

— Вы действительно так думаете? — переспросила Кистна. — О миссис Дос, ведь вы не обманываете меня?

— Уверяю вас, мисс Кистна, я никогда не лгу. Я не сказала ни одного слова, которое не могла бы подтвердить на Библии!

— Надеюсь, его светлость согласится с вами, — сказала Кистна словно про себя.

Миссис Дос пристально посмотрела на нее и бодро продолжала:

— Я уверена, что его светлость будет очень доволен, и скоро он начнет приглашать в дом молодых людей вашего возраста — в этом я тоже уверена.

Так как девушка взглянула на нее вопросительно, миссис Дос продолжала:

— Думаю, что, как только вы будете чувствовать себя достаточно хорошо, его светлость найдет вам партнеров для танцев из тех молодых джентльменов, что живут поблизости, а уж в Лондоне-то их будет предостаточно.

— Но... зачем мне партнеры... если я могу танцевать... с его светлостью... и с мистером Уоллингхемом? — спросила Кистна.

Миссис Дос рассмеялась в ответ немножко ненатурально.

— Когда я говорю о юных джентльменах, я имею в виду в первую очередь лорда Барроуфилда, который живет в соседнем поместье. В этом году ему исполнится двадцать два, и такого славного молодого человека трудно найти.

Возможно, именно лорда Барроуфилда его светлость прочит вам в мужья.

Эти слова так поразили Кистну, что она повернулась и посмотрела на миссис Дос, словно сомневаясь, что правильно расслышала.

— В м-мужья?

— Конечно, мисс. Вам уже восемнадцать, а большинство юных леди стремятся устроиться еще до того, как им исполнится девятнадцать. Вы думаете, впереди еще масса времени, но оно летит так быстро!

Миссис Дос что-то переставила на туалетном столике и добавила:

— Не беспокойтесь, мисс Кистна. Я уверена, что его светлость позаботится о вашем будущем. А какой вы будете прелестной невестой! Хорошо бы ваша свадьба состоялась здесь, в аббатстве. Последний свадебный прием в этом бальном зале устраивался много лет тому назад.

Кистна не ответила. Она встала и сказала несколько невпопад:

— Мне пора... Его... светлость... ждет меня!

И не сказав больше ни слова, не глядя на миссис Дос, вышла из спальни. Экономка с беспокойством посмотрела ей вслед.

— Бедное дитя! — вздохнула она. — Этого следовало ожидать. Да и как могло быть по-другому, если его светлость так красив, что женщины липнут к нему, как мухи к горшку с медом? — Эта мысль так раздосадовала почтенную экономку, что она в сердцах швырнула инкрустированные серебром гребни на туалетный столик.

Спустившись вниз, Кистна остановилась перед дверью в гостиную.

Она чувствовала, что ей необходимо собраться с мыслями, но зачем и почему она чувствует себя так странно, она не могла объяснить даже самой себе. Она только понимала, что испугалась, но не может объяснить, чего именно.

Кистна замешкалась на пороге гостиной, и лакей, уже открывший перед ней дверь, удивленно посмотрел на нее.

Заметив этот взгляд, девушка поспешила переступить порог и сразу увидела маркиза. Он стоял в дальнем конце комнаты у камина.

В вечернем костюме он показался Кистне очень представительным и невероятно прекрасным.

И она не смогла с собой справиться. То ли потому, что страх заставлял ее сердце биться тревожнее, то ли потому, что он смотрел на нее, улыбаясь, и, казалось, олицетворял собой безопасность и то, в чем она нуждалась больше всего, — красоту... Только девушка, забыв об этикете, бросилась к маркизу.

Глава пятая

Близилось время ленча, когда они втроем возвращались с верховой прогулки в аббатство, и Кистна уже начинала чувствовать, что проголодалась, хотя мысль о конце прогулки ее не радовала. Она смеялась в ответ на какие-то слова Уоллингхема и думала о том, какое счастье — знать, что каждое утро она может кататься на прекрасных лошадях маркиза и к тому же — в его обществе. Сегодня они заехали дальше, чем обычно, и проскакали наперегонки целую милю или даже больше.

Конечно, заранее было ясно, что маркиз выиграет, но Кистна все же сумела на полголовы опередить Перегрину, и тот искренне поздравил ее.

— Кто бы мог подумать, что эта несчастная, тощая как жердь девица, — подсмеивался он, — которая никогда не ездила ни на ком, кроме осла, окажется настоящей амазонкой и сможет побить меня!

Кистна рассмеялась:

— Я в восторге от того, что сумела победить вас, но мне никогда не приходилось ездить на ослике!

— Ну, на слоне или на верблюде, — нашелся Уоллингхем, — но кто бы это ни был, с лошадьми Линдена, конечно, он сравниться не может.

— В этом я с вами согласна, — ответила Кистна. — Это самые прекрасные лошади, каких только можно вообразить, и, если бы я на самом деле была амазонкой, я бы украли одну из них и ускакала прочь.

— И куда бы вы хотели отправиться?

До сих пор Кистна отвечала не задумываясь, стремясь, как обычно, превзойти Уоллингхема в остроумии. Но, внезапно став серьезной, она бросила взгляд на маркиза и чуть слышно прошептала:

— Никуда!

Перегрин проследил за ее взглядом, как и миссис Дос, все понял и задумался о том, что он должен сделать в подобных обстоятельствах.

Кистна достаточно страдала, было бы жестоко позволить, чтобы ее сердце разбилось от любви к маркизу, как это случалось со многими любившими его женщинами Уоллингхему лучше многих было известно, что ни одной из них, какой бы хорошенькой она ни была, еще не удавалось надолго удержать внимание его друга.

Перегрин чувствовал, хотя прежде не пытался выразить это словами и объяснить даже себе, что маркиз ищет некий идеал, некую мифическую женщину, которой в реальной жизни просто не существует.

Теперь, когда они ехали рядом и Кистна старалась держаться поближе к маркизу, Уоллингхем размышлял, должен ли он предостеречь девушку. Похоже, делать это было абсолютно бесполезно.

Любовь, рассуждал Уоллингхем с не свойственной ему серьезностью, это чувство, от которого никто не может уберечься или его контролировать. Она очень молода и скоро забудет о своей влюбленности, пытался убедить себя Перегрин. Но он не мог представить себе Кистну с Бранскомбом.

Хотя он проводил с девушкой не так уж много времени, за последние десять дней Уоллингхем не раз убеждался, что она не только сообразительна, как ему показалось с самого начала их знакомства, но в ее характере есть глубина, которой Перегрин ни разу не встречал в девушках ее возраста. Это все потому, что она жила за границей, размышлял он, прекрасно понимая, что дело не только в этом. Иногда, когда они разговаривали, ему казалось, что девушка прожила на свете столько же, сколько он или маркиз, а может, и больше. Все дело в том, как она думает и как чувствует, внезапно осознал он.

Потом Кистна что-то сказала ему, и все рассмеялись.

Он ответил шуткой, и так продолжалось до тех пор, пока вдалеке не показалось аббатство.

— Что мы делаем после ленча? — спросил Уоллингхем, когда они проезжали по мосту через озеро.

— Я собираюсь предложить вам кое-что интересное, — ответил маркиз. — Небольшой сюрприз.

— Должен вам сказать, Линден, — заметил Перегрин, — вы превосходный хозяин. Вчера вечером я как раз думал, что никогда еще время, проведенное у вас, не казалось мне таким спокойным, но и интересным тоже.

— Я же не хочу, чтобы вы скучали, — ответил маркиз, смеясь.

— Ничего подобного и нет, — совершенно искренне заверил его Перегрин.

При этом он подумал, что следовало бы сказать гостеприимному хозяину, что это он, маркиз Олчестер, постоянно скучает: в Лондоне и на скачках, на последнем чемпионате по боксу и в обществе леди Изобел.

Уже подъезжая к дому, они заметили стоявшую у крыльца коляску.

Уоллингхем присмотрелся повнимательнее и, отметив изящные очертания дорогого модного экипажа, запряженного четверкой лошадей, бросил взгляд на своего друга.

По выражению лица маркиза было ясно, что тот понял, кому обязан неожиданным визитом.

Они подъехали к парадному подъезду, и грумы поспешили принять их лошадей. Олчестер спрыгнул с седла и подошел к Кистне, чтобы помочь ей.

При этом он очень тихо произнес:

— Поднимайтесь наверх и не покидайте своей комнаты, пока я не пришлю за вами.

Кистна удивленно посмотрела на него, но маркиз, ничего не объясняя, поднялся по ступенькам и вошел в дом, уверенный, что девушка выполнит его распоряжение.

Когда он отдал шляпу, перчатки и хлыст лакею, дворецкий объявил:

— Милорд, приехала леди Изобел Сидли. Она ожидает вашу светлость в Серебряной гостиной.

Не отвечая, Олчестер направился туда. На лице его появилось хмурое выражение. Сцена обещала быть неприятной, и избежать ее не представлялось возможным.

Изобел, как всегда, выглядела очень эффектно. Она поднялась с кресла и протянула руки ему навстречу.

— Линден! — воскликнула она кокетливо. — Я решила, что, если Магомет не идет к горе, гора должна прийти к Магомету.

— Я весьма удивлен, видя вас здесь, Изобел! — ответил маркиз.

Он небрежно поднес к губам ее руку, но поспешил тут же отпустить, вопреки явному намерению Изобел задержать его руку в своей.

— Как вы можете быть таким бессердечным, таким жестоким! Уехать из Лондона, не сказав мне, куда вы направляетесь и когда собираетесь вернуться!

— Я и сам точно не знал этого. Вы проделали весь этот путь, чтобы задавать мне вопросы, или вы остановились где-то неподалеку?

— Я надеюсь остановиться у вас!

Она бросила на маркиза такой взгляд из-под ресниц, от которого любому мужчине кровь бросилась бы в голову, но маркиз, похоже, остался холоден.

— Боюсь, это невозможно, — ответил он тем не терпящим возражения тоном, который был ей хорошо известен.

— Но почему?

— Потому что мы с Перегрином здесь одни и не нуждаемся в чем-либо обществе.

— Вы лжете! — Обвинение было отчасти справедливо, но маркиз остался непреклонен. — Я знаю, что лжете, — продолжала леди Изобел. — Мне сказали, что вы уехали на верховую прогулку с Перегрином Уоллингхемом и вашей воспитанницей! Я не слышала, что Мирабел Честер уже вернулась в Англию.

Хотя в планы маркиза не входило раньше времени делать присутствие Кистны в аббатстве предметом светских сплетен, он не подал виду, что недоволен.

— Мирабел еще школьница и не может начать выезжать, пока не будет представлена королеве в Букингемском дворце.

— Однако ходят слухи о ее возвращении в Англию и ее огромном состоянии.

— О чем только не говорят люди, — заметил маркиз равнодушно. — И все же я настаиваю на том, чтобы вы сегодня же вернулись в Лондон, хотя, возможно, это выглядит с моей стороны весьма негостеприимно.

— Но я хочу быть с вами, — обиженно произнесла Изобел.

— Что ж, я буду счастлив пригласить вас к ленчу, но, поскольку я только что вернулся с верховой прогулки, позвольте мне хотя бы переодеться.

Леди Изобел приблизилась к нему.

— Линден, позвольте мне остаться на ночь, — тихо, умоляюще попросила она. — Мне необходимо быть с вами, разговаривать с вами.

Призывное выражение ее темных глаз было столь откровенно, что... Но Олчестер уже направился к двери гостиной.

— Полагаю, Перегрин будет рад предложить вам бокал шампанского. А вы, несомненно, должны пересказать ему все слухи, которые накопились за время нашего отсутствия.

Он вышел из гостиной и встретил на лестнице Уолдингхема. Тот подождал, пока Олчестер поравняется с ним, и спросил:

— Что ей нужно? Или этот вопрос неуместен?

— Я сказал ей, что она может остаться на ленч, но должна сегодня же уехать, — ответил

маркиз. — К сожалению, ей уже сказали, что Мирабел здесь, и я собираюсь предупредить Кистну, что ленч ей подадут наверх. А Изобел я сказал, что моя подопечная еще так молода, что ей рано появляться в свете.

Уоллингхем удивленно приподнял бровь, но ничего не ответил, и маркиз продолжал:

— Я намереваюсь сказать Кистне, чтобы она не попадалась Изобел на глаза, а сейчас я должен переодеться. Но вам нет нужды делать то же самое, поэтому идите угостите Изобел шампанским! Если она станет спрашивать вас о Мирабел, скажите ей, что девушка так юна, что ей еще нужно как следует усвоить правила этикета, она вряд ли скоро сможет появиться в свете.

И не дожидаясь ответа Уоллингхема, маркиз поспешил наверх, шагая через две ступеньки.

В глазах Уоллингхема запрыгали чертики. Он повернулся и стал спускаться.

«Я мог бы предвидеть, — думал он, — что подобная ситуация вполне вероятна».

Его забавляло, что маркиз пытается сохранить контроль над ходом событий, не подозревая, что это уже не в его силах.

Олчестер подошел к спальне Кистны и постучал.

Девушка, не оборачиваясь, ответила. «Войдите!» Она стояла у окна, сняв только шляпку, и, вероятно, не пытаясь позвать горничную, чтобы та помогла ей переодеться.

Ее занимала мысль о том, кто такая леди Изобел, и Кистна не сомневалась, что эта леди любит маркиза, а он — ее.

— Кистна!

Когда маркиз произнес ее имя, девушка вздрогнула и обернулась.

Может, она и ждала свою служанку, но, увидев маркиза на пороге, просияла. Ее глаза засветились, словно солнце заглянуло в комнату.

С минуту маркиз, не отрываясь, смотрел на нее. Потом, словно вспомнив, зачем он пришел, сказал:

— Ко мне приехала дама, с которой, как мне кажется, вам не стоит встречаться, поэтому я распорядился, чтобы ленч для вас подали сюда. Как только она уедет, я дам вам знать и вы сможете сойти вниз.

Он повернулся, чтобы уйти, но тут Кистна спросила:

— Почему... я не должна... встречаться... с этой леди?

Вы меня... стыдитесь?

— Конечно, нет! Ничего подобного.

— Тогда почему я не должна... попадаться ей на глаза?

— Потому, что вы живете в одном доме с неженатыми мужчинами без компаньонки. Вы же

знаете, что было бы лучше, если бы при вас была пожилая или, во всяком случае, замужняя дама.

Кистна ожидала совсем другого ответа, и ее лицо вновь озарилось тем светом, который почти угас после приказания маркиза.

— Только поэтому? — переспросила девушка с таким облечением в голосе, что маркиз посмотрел на нее с любопытством.

— А чего вы ожидали?

Кистна не сомневалась, что маркиз хочет остаться с гостьей наедине. Невыразимым облегчением для нее было узнать, что все дело лишь в соблюдении условностей, принятых в светском обществе.

— Конечно, милорд, я позавтракаю здесь, если вы этого желаете, но, пожалуйста, не позволяйте вашей гостье испортить вечер. Я так жду обещанный вами сюрприз.

В этот момент она была похожа на ребенка, который ждет давно обещанного подарка. Маркиз улыбнулся и сказал:

— Обещаю, я сделаю все возможное.

Покинув ее спальню и спускаясь по лестнице, Олчестер почувствовал, что это было жестоко с его стороны; молодая девушка завтракает в одиночестве, а его ждет Изобел.

Ленч доставил им с Уоллингхемом мало удовольствия, потому что леди Изобел претендовала на абсолютное внимание маркиза, полностью игнорируя присутствие Перегринна.

Раза два она ответила ему колкостью, и Уоллингхем замолчал. Маркиз тоже не пытался поддерживать разговор, так что леди Изобел говорила преимущественно одна и, похоже, не получила от ленча ожидаемого удовольствия.

Перегрин был уверен, что маркиз специально отменил по крайней мере две перемены блюд, чтобы ленч закончился побыстрее.

— Изобел, я прикажу закладывать ваш экипаж, — сказал Олчестер, как только они поднялись из-за стола.

— Линден, я хочу поговорить с вами наедине. — Леди Изобел с вызывающим видом направилась к Серебряной гостиной. Когда дверь за ней закрылась, маркиз сказал Уоллингхему:

— Прикажите подать ее экипаж. Надеюсь, этот разговор не затянется слишком надолго.

— Сочувствую вам, — отозвался Уоллингхем.

Маркиз закрыл за собой дверь гостиной и небрежно направился к своей гостье, уверенный, что Изобел намерена устроить ему сцену.

Она, однако, попыталась сменить тактику и страстно бросилась ему на шею, как только он подошел к ней.

— О, Линден, я люблю вас! — сказала Изобел, подставляя губы для поцелуя. — Поцелуйте же

меня, и я докажу вам, как сильно мое чувство!

Маркиз взглянул на обращенное к нему прелестное лицо и понял, что оно уже не кажется ему хоть сколько-нибудь привлекательным.

Он даже не мог припомнить, что такого он находил в ней. Возможно, она просто возбудила в нем пламенное желание какой-нибудь выходкой вроде этой.

С непринужденностью, которая объяснялась его богатым опытом обращения с влюбленными в него женщинами, маркиз высвободился из объятий леди Изобел.

— Я полагаю, Изобел, — сказал он, повернувшись спиной к камину, — мы оба — люди достаточно опытные, чтобы понять, когда роман, доставивший нам обоим немалое удовольствие, подошел к концу.

— Но только не для меня! — Леди Изобел чуть повысила голос, и маркиз понял, что она сердится, видя, как он ускользает от нее.

— Я собираюсь, — невозмутимо продолжал Олчестер, — по приезду в Лондон сделать вам подарок, который будет напоминать о тех счастливых днях, которые мы провели вместе. И я надеюсь, что не будет ни взаимных обвинений, ни сожалений, и мы расстанемся друзьями.

Произнося эти слова, маркиз подумал, что это звучит самодовольно и напыщенно, но по своему прошлому опыту он знал, что ничего другого нельзя сказать женщине, которая продолжает желать его, хотя он утратил к ней всякий интерес.

Однако если другие отвергнутые им любовницы плакали, сердились или смирялись с неизбежным, леди Изобел проявила большую настойчивость.

Избалованная, абсолютно уверенная в своей неотразимости, она пришла в ярость не только от сознания, что теряет любовника, но и от оскорбления: ее поразило, что она больше не волнует его как женщина.

Взбешенная, не помня себя, леди Изобел выплеснула на маркиза всю свою злобу. Она поносила его так остервенело, что впору только базарной торговке, и это делало ее общество все более невыносимым для маркиза.

К тому времени, как она кончила свои излияния, Олчестер был твердо убежден, что она ему положительно неприятна и некого, кроме него самого, винить в том, что у него настолько дурной вкус. Ведь когда-то она казалась ему желаннее других.

Когда наконец леди Изобел исчерпала свои сетования и все обвинения уже были повторены дюжину раз, она схватила свои перчатки и ридикюль и с горечью бросила:

— Я уйду, Линден, раз вы хотите этого, но знайте: я ненавижу вас за то, что вы сделали со мной. Я отдала вам свое сердце, а вы растоптали его. Когда-нибудь с вами расплатятся той же монетой. — Глаза леди Изобел сузились, и она добавила:

— Когда-нибудь вы тоже будете страдать. Женщина ранит вас так же жестоко, как вы ранили меня. Я буду молиться, чтобы у нее достало сил сделать это!

Маркиз молча, церемонно поклонился.

С возмущенным возгласом леди Изобел поспешила покинуть гостиную. Маркиз медленно последовал за ней, думая о том, как он счастлив, что видит ее в Последний раз.

Они спустились в холл, где лакей уже ждал их, держа шелковую мантилью в цвет платья леди Изобел.

Леди позволила лакею помочь ей накинуть мантилью и бросила последний взгляд на потолок холла, флаги над камином, маркиза, стоявшего в ожидании ее отъезда.

В душе она проклинала аббатство и его владельца, но Кистне, которая разглядывала ее в щелочку между портьерами, Изобел казалась невысказанно прекрасной, и смотреть на нее было неопишимо больно. Бедная девушка никогда не думала, что женщина может быть так очаровательна и так изысканно одета.

Шляпка, украшенная страусовыми перьями, и платье с пышными рукавами и широкой юбкой придавали гостье маркиза утонченную элегантность.

«Она самая красивая женщина, которую я когда-либо видела, и они с маркизом... так подходят друг другу!» — думала Кистна.

Не в силах больше смотреть на прекрасную незнакомку, она бросилась к себе в гостиную, жалея о своем любопытстве.

Но, конечно, она была не в состоянии сопротивляться желанию увидеть женщину, из-за которой ей пришлось завтракать в одиночестве.

Теперь она понимала, почему маркиз хотел наедине, без помех поговорить с той, что принадлежала его загадочному миру, в котором Кистне не было места.

— Я всего лишь... посторонняя, — шептала себе Кистна.

Перед ней все стояло прекрасное лицо леди Изобел, снова и снова девушка вспоминала, как та посмотрела на потолок холла, а потом медленно перевела взгляд на маркиза, чей образ, как не сомневалась Кистна, был навечно запечатлен в ее сердце.

Она чувствовала, что боль пронзает ее подобно кинжалу, что ни красота аббатства, ни солнечный день, ни прекрасное платье больше не могут помочь ей. Что-то уродливое, безобразное вернулось в ее жизнь и на этот раз поселилось в самой глубине ее существа. Это уродство причиняло боль, и девушка внезапно поняла, что эту боль вызывает ревность.

— Но как можно ревновать к женщине, которую видела лишь несколько секунд? — спрашивала себя Кистна. Но она знала ответ.

Она ревновала, потому что любила маркиза, он стал средоточием всей ее жизни.

Наверное, она давно должна была догадаться об этом, но сейчас ее словно поразила молния. Это чувство было такой же частью ее жизни, как способность дышать. Невозможно было представить, как могла она не догадываться о нем.

Конечно, она любила его! С того самого момента, как увидела маркиза на пороге приюта. Любила даже тогда, когда обвиняла в том, что им пришлось вытерпеть от миссис Мур. Любила, когда он наводил порядок в приюте, и в то утро, когда он прислал за ней, чтобы увезти в аббатство.

В ночь перед этим Кистна не могла заснуть, боясь, что маркиз не выполнит свое обещание.

Его обещание ничего не значит, убеждал ее голос разума. Но сердцем она верила, потому что уже любила его. Он был святым Михаилом, который с сонмом ангелов явился, чтобы спасти ее, и Кистна была готова на коленях поклоняться своему спасителю.

Ее любовь с каждым днем, с каждой минутой, что она проводила рядом с маркизом, росла и крепла. Каждое утро, просыпаясь, она чувствовала волнение при мысли о том, что увидит его, как только оденется и спустится вниз. Она засыпала, думая о маркизе, грезилась о нем во сне и просыпалась, чтобы снова думать о нем.

— Я люблю его! Я люблю его! — в сотый раз повторяла Кистна, беспокойно мечась по своему уютному, украшенному множеством цветов будуару, прилегавшему к спальне. Когда она впервые увидела эту комнату, она пришла в восторг. Но сейчас девушке казалось, что ее заперли здесь, как в тюрьме.

Внезапно она испугалась, что, если эта прекрасная леди вернется в Лондон, маркиз может тоже уехать туда, к ней.

Но в ту минуту, когда эта мысль впилась в ее мозг, словно раскаленная игла, раздался стук в дверь.

Кистна с трудом заставила себя ответить.

— Мисс, его светлость приносит вам свои извинения, — сказал лакей, — он хочет, чтобы вы присоединились к нему в поездке.

Сердце девушки замерло, а потом забилося часто-часто, готовое выскочить из груди.

Она бросилась в спальню за шляпкой, которая так шла к ее платью, схватила шелковую шаль и перчатки, заботливо приготовленные горничной.

И вдруг уже почти у двери что-то остановило девушку и заставило взглянуть в зеркало. Но вместо собственного отражения она мысленно снова увидела прекрасное лицо, которое недавно видела в холле, и с трудом сдержала возглас отчаяния.

Как могла она быть так глупа? Как она могла хотя бы на мгновение предположить, что маркиз обратит на нее внимание, когда женщины, прекрасные как ангелы, оспаривают друг у друга право на его благосклонность?

— Это безнадежно! — с отчаянием сказала себе Кистна.

Но она была женщина и не могла не заметить, что теперь ее глаза не кажутся маленькими и глубоко запавшими, наоборот, они стали большими, просто огромными, а щеки, заметно округлившись, сделали рот меньше и изящнее.

Скулы еще казались заострившимися, но шея уже не была худой, кожа утратила желтоватый оттенок, приобрела гладкость и белизну.

Несколько секунд она рассматривала свое отражение в зеркале, но вскоре отвернулась, потому что ее занимала лишь одна мысль — снова быть рядом с маркизом!

По лестнице Кистна почти летела — ведь там, внизу, ждал ее он...

— Вы ведь понимаете, — говорил Уоллингхем маркизу в тот же вечер, когда Кистна уже легла, — что Изобел непременно расскажет всему Лондону о приезде Мирабел в Англию? Это значит, что скоро к нам заявится Бранскомб.

— Я уже думал об этом, — ответил Олчестер. — Нам остается только сидеть тихо и ждать, пока Бранскомб сделает первый шаг.

— Вы так уверены, что он его сделает?

— Я не думаю, что он мог так быстро изменить свои планы, если только ему не удалось за это время найти другую богатую наследницу.

— Не могу себе представить, чтобы он действительно нуждался в деньгах, — заметил Уоллингхем, — но если это так, то Мирабел Честер — для него прямо подарок.

При этом Перегрин заметил, как на лице его друга появилась жестокая усмешка, и догадался, что тот предвкушает то удовлетворение, которое он испытает, если их замысел успешно осуществится.

— До скачек в Аскоте чуть больше недели, — продолжал Уоллингхем. — Если Бранскомб не решится на что-то раньше, что вы намерены делать с Кистной?

— Я совершенно уверен, что он не станет ждать у моря погоды. Учитывая, что Изобел бранит меня на каждом углу, можно не сомневаться, что Бранскомб как-то прореагирует в ближайшие сутки.

— Вы слишком оптимистичны.

— Я редко ошибаюсь, когда имею дело с людьми вроде Бранскомба, и считаю, что неплохо знаю людей.

Маркиз произнес это с глубоким удовлетворением, но, встретившись взглядом с Уоллингхемом, рассмеялся, и смех его прозвучал невесело.

— К несчастью, это касается только мужчин. Признаю, что в Изобел я горько ошибся.

— Ни один человек, если только он не волшебник, не может быть уверен в том, какой окажется женщина, — постарался утешить его Уоллингхем. — Но если бы было иначе, это было бы просто скучно! Именно их непредсказуемость и заставляет нас продолжать игру от старта до финиша!

— Тут я с вами согласен, — улыбнулся маркиз. — Но все же обещаю впредь быть осторожнее!

— Сомневаюсь, — заметил Уоллингхем, — но слава Богу, что хотя бы в отношениях с женщинами вы остаетесь обычным человеком!

— Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, что во всем остальном вы так чертовски удачливы, что простым смертным вроде меня становится легче при мысли, что их божество — колосс на глиняных ногах!

— Вряд ли это удачная метафора, — заметил маркиз, — но, должен признать, она отражает действительное положение вещей. Остается только надеяться, что в следующий раз ей не удастся застать меня врасплох.

В комнате воцарилось молчание, затем Уоллингхем сказал:

— Что меня действительно беспокоит сейчас, так это то, что вы собираетесь делать с Кистной.

— С Кистной? — переспросил маркиз. — Вы прекрасно знаете, что я собираюсь делать. Выдать ее замуж за Бранскомба и посмотреть, как он на своей шкуре испытает, каково быть обманутым!

Снова повисло молчание.

— Думаю, вы понимаете, что всю свою ярость за этот обман Бранскомб выместит на ней? — спросил Перегрин.

— Я уже думал об этом и потому сделаю так, чтобы быть уверенным, что он обеспечит ее.

— Каким образом?

— Я собираюсь заставить его перевести деньги на ее имя еще до свадьбы. Это обязательное условие моего согласия на этот брак.

— А это не покажется ему странным? Ведь он считает, что Мирабел в сотни раз богаче его самого?

— Я сделаю так, что мое требование будет звучать убедительно, — жестко заявил маркиз.

И снова возникла пауза, прежде чем Уоллингхем произнес:

— Что ж, если Кистна получит собственные средства и весьма солидный титул, она, может быть, и сочтет условия приемлемыми.

— Боже милосердный, Перегрин, что она может испытывать по этому поводу, кроме восторга? Вы помните, в каких условиях мы нашли ее? И вы видели, как ей нравятся новые наряды? Ну так она будет обеспечена ими до конца своей жизни, и ей больше не придется голодать.

Уоллингхем понял, что больше ему сказать нечего. Вопрос был только в том, сочтет ли Кистна, что этого достаточно.

Он был абсолютно уверен, что девушка влюблена в маркиза, но снова постарался успокоить себя мыслью, что девушка очень молода и легко забудет свою первую любовь.

К тому же Бранскомб и представительный, и красивый мужчина.

Взглянув на маркиза, сидевшего напротив него по другую сторону камина, Перегрин подумал, действительно ли тот так бесчувственен, как кажется, и действительно ли его не трогает, что девушка влюблена в него.

Но тут же он сказал себе, что маркиза слишком занимают планы личной мести Бранскомбу, чтобы обращать внимание на что-либо еще.

Только вот самому Перегрину совсем не хотелось, чтобы Кистна была несчастна.

За последние дни он успел убедиться, насколько чувствительна была девушка ко всему, что говорил или даже думал маркиз, а еще он знал, что после всего, что Кистне пришлось вынести в приюте, ей будет очень тяжело, а может, и просто невыносимо жить в доме, пусть и самом

роскошном, где ее ненавидят и презирают.

«Что она почувствует, когда узнает, что всего лишь участвует в чужом заговоре и вся щедрость Линдена — для него средство достичь собственной цели?» — спрашивал себя Уоллингхем.

Но почему-то он не мог сказать это маркизу или даже дать тому понять, что весь прекрасно продуманный план мести Бранскомбу вдруг перестал ему нравиться.

— Нам пора спать, — заявил маркиз внезапно. — Завтра, на всякий случай, надо быть готовыми к тому, что может произойти. Я намерен первым делом предупредить слуг, чтобы они не говорили о присутствии в доме Кистны посторонним, как это случилось сегодня, когда приехала Изобел, и о том, что если кто-нибудь будет спрашивать о мисс Мирабел Честер, то имеют в виду ее.

— Когда вы собираетесь сообщить Кистне, какую роль ей предстоит сыграть?

— Я хотел поговорить с ней сегодня вечером, — ответил маркиз. — Но мне показалось, что она не в настроении. Она была какая-то притихшая, не такая счастливая, какой казалась утром.

Уоллингхем тоже заметил это, но очень удивился, что его друг обратил внимание на настроение девушки.

— Как вы думаете, что могло так сильно ее расстроить? — спросил Перегрин.

— А почему вы думаете, что она была расстроена?

— Я думаю, ее могло обидеть то, что ее отослали наверх, когда приехала Изобел.

— Я объяснил ей это тем, что у нее нет компаньонки, и, мне показалось, она сочла эту причину вполне достаточной.

— Хорошо, что Изобел ее не видела, — заметил Уоллингхем. — А не то она бы подумала, что вы завели новую любовницу, не успев избавиться от старой.

Маркиз рассмеялся:

— Весьма странная идея, но она непременно пришла бы в голову Изобел. Она никогда в жизни не поверит, что я могу заинтересоваться женщиной, если не нахожу ее желанной.

Уоллингхем с минуту помолчал, затем сказал:

— Я весьма сожалею, что мы не можем взять нашу протезу в Лондон и дать ей немного повеселиться, прежде чем она окажется связанной с Бранскомбом.

— Почему вам этого хотелось бы? — спросил маркиз.

— Потому что мне было бы интересно посмотреть, будет ли она пользоваться в свете тем успехом, какой, мне кажется, ждет ее.

Заметив, что маркиз его не понял, Уоллингхем воскликнул:

— Боже милостивый, Линден! Вы же должны понять, насколько она стала привлекательна. Глаза просто необыкновенные, а теперь, когда лицо у нее округлилось, лично я нахожу ее прямой маленький носик просто очаровательным. Ничуть не менее аристократическим, чем у

какой-нибудь барышни из рода Честеров.

Он говорил легкомысленно и тотчас заметил, как нахмурился маркиз.

— Послушайте, Перегрин, — сказал Олчестер. — Если я узнаю, что вы заигрываете с Кистной, я вас убую! Мы ввязались во все это ради единственной цели, только ради нее!

— Я всего лишь намекаю, что найдется немало людей, которые не только найдут ее весьма хорошенькой, но и захотят на ней жениться. Так что если Бранскомб не угодит в ловушку, мы вполне можем позволить ей найти человека, которого она полюбит.

Маркиз поднялся.

— Не понимаю, Перегрин, что на вас нашло, — сказал он. — До сих пор вы со всем соглашались и во всем помогали мне. Не могу понять, почему вы начали вставлять мне палки в колеса именно сейчас!

— Я и не думал делать что-нибудь подобное! — запротестовал Уоллингхем. — Я всего лишь хотел сказать, что, зная то, что мы знаем о Бранскомбе, мы не можем не понимать: девушка с таким прекрасным характером, такая чувствительная, как Кистна, слишком хороша для него. Хотелось бы мне иметь возможность выдать ее замуж за кого-нибудь, кто нам обоим нравился бы гораздо больше.

— Вспомните, — резко ответил маркиз, — что, хотя Бранскомб мошенничал на скачках, да и в других ситуациях вел себя не лучшим образом, он человек знатный и влиятельный, к тому же — фаворит короля. Вы можете представить себе женщину, которая не будет радоваться и благодарить, если ее выдадут замуж за подобного человека?

— От души надеюсь, что вы правы, — ответил Уоллингхем. — Но боюсь, что для Кистны важнее другое.

— Бесплезно продолжать обсуждать этот вопрос, — оборвал его маркиз, — и я запрещаю вам, категорически запрещаю огорчать Кистну. Вы меня поняли?

Не дожидаясь ответа Уоллингхема, маркиз вышел из библиотеки.

Уоллингхем вздохнул.

Он не ожидал от маркиза такой грубости в доверительной беседе.

Поднявшись с кресла, Перегрин потянулся.

«Может, Линден и прав, — размышлял он, — и ведет себя с этой девушкой весьма благородно».

Однако, когда маркиз не появился, чтобы, как обычно, пожелать другу спокойной ночи, Уоллингхем понял, что вулкан готов взорваться в любую минуту.

Кистна лежала в темноте у себя в спальне, но сон не шел к ней.

Обычно она бывала так счастлива, думая о маркизе и обо всем, что произошло задень, что засыпала, едва ее голова касалась подушки. Но сегодня она не могла думать ни о чем, кроме своей любви к нему и о той прекрасной леди, которую он пригласил на ленч, и с которой ей не позволили встретиться.

Она говорила себе, что глупо было хотя бы на мгновение вообразить, что счастье жизни в одном доме с маркизом может длиться вечно.

Сначала она не задумывалась о том, как странно выглядит, что он остается в деревне, довольствуясь лишь обществом ее и мистера Уоллингхема, и не возвращается в Лондон, где в это время года светская жизнь в разгаре, где его ждут друзья и сам король.

Ей было очень любопытно, и она спрашивала Перегрин о том, что они с маркизом обычно делают в Лондоне. И Уоллингхем рассказал девушке о доме маркиза, полном сокровищ, о том влиянии, которое его друг имеет в светском обществе, и о его достижениях в разных видах спорта.

Кистну, конечно, интересовали успехи Олчестера на скаковой дорожке, но, хотя Перегрин и рассказал ей, что во время розыгрыша дерби лошадь маркиза пришла к финишу голова в голову с другой лошадью, он ни словом не обмолвился, что это было связано с нечестной игрой второго жокея.

Уоллингхем был совершенно уверен, что девушка слушает его, широко открыв глаза от восторга, потому что он рассказывает о маркизе.

— А почему его светлость до сих пор... не женился? — спросила Кистна.

Уоллингхем пожал плечами:

— Хотя он ухаживал едва ли не за всеми незамужними женщинами, которые встречались на его пути, он никогда не влюблялся в них настолько, чтобы связать себя узами брака.

Помолчав, Кистна спросила:

— Он, наверное, очень... скучает?

Уоллингхем рассмеялся:

— Да, и еще как! Но на самом деле маркизу, как и мне, нравится холостяцкая жизнь. Нам доставляет удовольствие общество друг друга, и нам кажется честнее и забавнее провести с хорошенькой девушкой одну ночь, а следующую — с еще более привлекательной, чем связать себя на всю жизнь с одной, независимо от того, красива она или уродлива.

Уоллингхем, как всегда, забавлялся сам и смешил собеседника, но вдруг понял, что Кистна воспринимает его слова абсолютно серьезно.

— Думаю, я это понимаю, — сказала она. — Но если кто-то любит... действительно любит, он... захочет всегда быть с этим человеком, и сам воспротивится, если... ему предложат замену.

При этом Кистна думала о своих родителях, но Уоллингхем ответил с прежней легкостью:

— Маркизу нравится разнообразие, и кто рискнет осуждать его за это? Если в вашей конюшне полно лучших лошадей, зачем ездить только на одной?

Это прозвучало весьма фривольно, и, заметив выражение лица Кистны и вспомнив, что она дочь священника, Перегрин поспешно добавил:

— Возможно, когда-нибудь маркиз найдет ту, единственную женщину, да и я тоже. Тогда мы остепенемся и станем чрезвычайно скучными и, без сомнения, весьма важными.

— Не понимаю, почему вы должны стать именно такими.

И снова Уоллингхем не догадался, что в этот момент Кистна думала о своих родителях. О том, что вместе они получали от любого события еще больше удовольствия, потому что могли это удовольствие разделить друг с другом.

Уоллингхем решил, что сказал что-то неосторожное, и попытался сгладить это:

— Вам не стоит беспокоиться о нас с маркизом.

Подумайте о себе! Когда мы найдем вам хорошего мужа, вы, несомненно, согласитесь, что замужество — это нечто очень приятное.

— Но вы сейчас говорили, что большинство мужчин вовсе не горят желанием жениться, — заметила Кистна, — и, возможно, никто... не захочет жениться на мне.

— Уверяю вас, что они захотят. Если бы у вас были деньги, а я мог бы себе это позволить, я бы побился об заклад, что через год вы будете уважаемой замужней дамой с золотым кольцом на пальце.

Кистна рассмеялась и покачала головой.

— Кто же захочет на мне жениться? — спросила она.

И вдруг, как будто что-то вспомнив, добавила:

— Конечно, если я воспитанница... кого-то очень влиятельного... тогда, наверное... это... дает... значительное преимущество.

— Безусловно, — согласился Уоллингхем.

Чувствуя, что он вот-вот будет втянут в разговор, который никогда бы не начал первым, Перегрин очень обрадовался появлению маркиза.

Ни эту ночь, ни следующую Кистна не могла заснуть, снова и снова припоминая все подробности разговора с Уоллингхемом.

Она думала о том, что, если маркиз не собирается жениться, она, возможно, сможет остаться с ним еще долго и они будут так же счастливы, как сейчас.

И поскольку именно этого ей хотелось бы больше всего на свете, Кистна стала молиться:

— Боже, пожалуйста, позволь мне остаться с ним. Пожалуйста, убеди его оставаться в деревне, а не ехать в Лондон за этой прекрасной леди.

Она подумала о своих родителях, которые любили друг друга так, что сам воздух вокруг них, казалось, был пропитан их любовью, и поняла, что вот так же она любит маркиза.

— Я люблю его... всем сердцем, всей... душой, — шептала она в темноту.

И добавила, хотя даже думать об этом казалось грешно и невероятно:

— Пожалуйста, Господи... пусть он хоть немного полюбит меня... совсем-совсем немного... и пусть даже любовь его продлится всего неделю... месяц... год, тогда я смогу... умереть, зная,

что такое... настоящее счастье.

Глава шестая

Когда они вернулись с верховой прогулки, маркиз сказал Кистне:

— Когда вы переоденетесь, мне бы хотелось с вами поговорить. Я буду в библиотеке.

Голос его звучал несколько необычно, и девушка посмотрела на него с удивлением. Но маркиз, не дожидаясь ее ответа, повернулся и пошел в библиотеку, и Кистне ничего не оставалось, кроме как отправиться наверх.

Переодеваясь в одно из прелестнейших платьев, присланных ей мадам Ивонн, Кистна размышляла о том, что собирается ей сказать маркиз.

Девушка не могла припомнить, чтобы она что-то сделала не так, но этим утром, во время их обычной верховой прогулки, Кистна заметила некоторую отчужденность со стороны маркиза. К тому же он был молчаливее, чем обычно. Перегрин всю дорогу смешил ее, но Олчестер на этот раз не участвовал в их веселой пикировке. Кистна испугалась, что случилось что-то, возможно, плохое.

— Чем я могла его расстроить? — спрашивала она себя.

Ответа на эти вопросы ей найти так и не удалось и, когда Кистна спускалась в библиотеку, в ее глазах отчетливо читалось беспокойство. А Уоллингхем не зря говорил маркизу, какие красивые и выразительные глаза у девушки.

Кистна приоткрыла дверь и вошла в библиотеку. Маркиз сидел за огромным столом, который занимал середину комнаты. На столе стояла золотая чернильница времен Карла II, изделие одного из знаменитейших ювелиров Англии.

Кистна каждый раз восхищалась ею, но сейчас она видела только маркиза, и ее сердце, как всегда, дрогнуло при виде него и забилось чаще.

Кистна подошла к столу, но маркиз взглянул на нее лишь тогда, когда девушка остановилась прямо перед ним.

— Садитесь, Кистна. Мне нужно кое-что вам сказать.

Волнуясь, девушка присела на краешек стула и крепко стиснула руки. Ей показалось, что маркиз долго смотрел на нее, словно изучая. Потом он сказал:

— Я определил ваше будущее, которое, несомненно, покажется блестящим любой молодой девушке, но для того, чтобы это осуществилось, мне нужна ваша помощь.

Маркиз замолчал, и девушка, догадавшись, что он ждет ее ответа, спросила едва слышно:

— Ч-что вы хотите... чтобы я сделала?

— Думаю, что, как всякая молодая женщина, которой уже исполнилось восемнадцать, вы гадаете о том, за кого вы выйдете замуж. Конечно, там, где вы находились прежде, вам вряд ли удалось бы встретить человека, который мог бы стать вашим мужем.

— Я... я не хочу... выходить замуж, — быстро произнесла Кистна.

Она увидела, как нахмурился маркиз. Затем он резко проговорил:

— Это совершенно нелепое заявление для девушки, обладающей вашим умом. Конечно же, вы хотите выйти замуж, и я подобрал для вас подходящего мужа.

Кистна тихо вздохнула, побледнела и еще крепче сжала пальцы. Догадываясь, что ей нечего возразить, маркиз продолжал:

— Поскольку я являюсь вашим опекуном и к тому же чувствую себя ответственным за все, что вам довелось пережить, я выбрал вам в мужья человека, который, несомненно, обеспечит вам самое блестящее положение в английском светском обществе.

Он снова замолчал и, взглянув на Кистну, увидел, что девушка смотрит на него расширенными от ужаса глазами. Эти огромные глаза словно одни жили на ее лице. Маркизу показалось, что его слова напугали девушку, но он поспешил сказать себе, что подобное предположение абсурдно и ее глаза выражают лишь безмерное удивление.

— Человек, о котором я говорю, — продолжал маркиз, — граф Бранскомб, обладатель древнего и благородного титула, достигший выдающихся успехов на скаковой дорожке и в других видах спорта и заслуживший дружбу и доверие короля и королевы.

Маркиз снова замолчал, и на этот раз было очевидно, что он ждет ответа.

Через несколько минут Кистна, запинаясь, спросила:

— А почему вы уверены, что он... захочет на мне... жениться? Почему?

— Потому, что вы моя подопечная, — жестко произнес маркиз. — Я не желаю обсуждать возможность его брака с той моей подопечной, которую он счел для себя подходящей партией, но уверен, что другая моя подопечная будет ему превосходной женой.

— Но... может быть... я не понравлюсь ему... или он... не понравится мне, — робко возразила Кистна.

— Вам должно быть известно, — заявил маркиз высокомерно, — что в аристократических семьях Англии, так же как и на Востоке, где вы жили, браки заключаются по соглашению.

— Но в Индии, — заметила Кистна, — да и... в Англии, наверное, тоже, браки по соглашению заключаются потому, что и жених, и невеста получают... в результате финансовые преимущества.

Ее слова застали Олчестера врасплох. Он подумал, что ему следовало бы догадаться, что Кистна слишком умна, чтобы не знать о том, что браки по соглашению, как правило, заключаются к взаимной выгоде партнеров. Маркиз помедлил секунды две, прежде чем ответил:

— Граф Бранскомб считает, что, поскольку вы моя подопечная, женившись на вас, он получит бесспорную выгоду.

— Как он может желать брака с женщиной, которую он никогда не видел... и к которой он... не испытывает любви?

— Я уже сказал вам, что это брак по соглашению, — ответил маркиз с ноткой раздражения в голосе. — Граф жаждет этого брака, а вы такая прелестная молодая женщина, что, возможно, позднее любовь придет к вам, если, конечно, вам это так необходимо.

Он говорил о любви, как о чем-то совершенно неважном, но Кистна, снова вспомнив своих родителей, испуганно выговорила:

— Пожалуйста!., я не хочу... выходить замуж на таких... условиях.

Маркиз откинулся на спинку кресла.

— Это глупое и чересчур эмоциональное заявление, — сказал он. — Можете не сомневаться: брак, который я вам предлагаю, для любой девушки в Англии был бы пределом мечтаний, а большинство из них и помыслить о нем не могли бы.

Посмотрев на Кистну уже с нескрываемым раздражением, Олчестер продолжал:

— Вы не забыли, каково вам было в приюте? Ведь тогда вы были уверены, что впереди вас ждет только смерть от голода и холода. Неужели вас, хотя бы в противоположность этому, не привлекает возможность стать графиней Бранскомб?

Кистна не могла видеть гнев в глазах маркиза.

Его раздраженный голос причинял ей почти физическую боль. Она опустила голову, молча разглядывая свои руки.

— Кроме того, — продолжал Олчестер, — мне кажется, что вы должны бы быть благодарны мне за то, что я предоставил вам столь блестящую перспективу.

— Я... благодарна вам за все... что вы для меня сделали, — ответила Кистна со слезами в голосе.

— А если вы благодарны, — ответил маркиз, — то вы сделаете то, что я вам скажу, не создавая мне лишних трудностей. Я не думаю, что требую от вас слишком многого.

Возникла пауза, затем Кистна сказала:

— Я... благодарна, милорд... и я сделаю то... что вы мне скажете.

— Хорошо! А теперь слушайте внимательно.

Он наклонился вперед, положив руки на стол, как бы стараясь подчеркнуть важность того, что собирался сказать.

— Граф Бранскомб уже объявил в Лондоне, что намерен жениться на моей подопечной. Когда он придет сюда, я так и представлю ему вас. Но о вашем существовании он не имеет понятия. На самом деле он имеет в виду другую мою подопечную. Она сейчас в Италии. Ее зовут Мирабел Честер. И вы должны верить его, что вы и есть Мирабел.

Кистна подняла голову:

— Вы хотите... чтобы я его... обманула?

— Ну какое это имеет значение? — с легкостью произнес маркиз. — Одна подопечная ничем не

хуже другой.

— Но я... я не понимаю! Почему мы не должны сообщать ему... мое настоящее имя?

— Я хочу, чтобы он поверил, что вы Мирабел Честер.

Я прошу вас помочь мне, да и себе самой, выполнив все, что я потребую, — проговорил медленно маркиз.

И снова повисла тишина.

— Но почему... вы не объясните мне... зачем необходим... этот обман?

— Нет, — сказал маркиз твердо. — Это мое дело, и только мое. Но уверяю вас, Кистна, вы окажетесь на самом вершине светского общества, все молодые девушки будут вам завидовать. Чего же еще вы можете пожелать?

К удивлению маркиза, Кистна поднялась и отошла к окну.

Он вдруг заметил, что, помимо воли, любуется грациозностью ее движений, изяществом фигуры. На ней было платье из нежно-розового полупрозрачного газа, украшенное атласными лентами того же цвета.

Она как цветок, подумал Олчестер, но тут же одернул себя, напоминая, сколько проблем ему принес этот цветок.

Повернувшись к маркизу спиной, Кистна смотрела на залитый солнечным светом парк.

— Вы будете очень... сердиться, если я... откажусь делать то... что вы хотите?

Маркиз опешил, потом стукнул кулаком по столу.

— Я не только рассержусь. Я буду считать вас полоумной, хотя до сих у меня не было повода так думать.

Кистна молчала, не оборачиваясь.

— Если вы не выйдете замуж за Бранскомба, вы подумали, какая у вас альтернатива? Не можете же вы вечно оставаться здесь, без компаньонки, не имея впереди ничего, кроме необходимости искать жениха. Думаю, что найти кого-нибудь, равного Бранскомбу, будет совершенно невозможно.

— Возможно, мне стоило бы... начать... самостоятельную жизнь.

— Как? Какими талантами вы можете заработать себе на жизнь?

Девушка промолчала, и маркиз продолжал;

— Вы, может, думаете о работе в приюте, но, мне кажется, с вас довольно подобной жизни, пусть и не в таком ужасном месте, как то, где я вас встретил.

Кистна опять почувствовала себя так, словно он ударил ее, и, не в силах выносить его гнев, обернулась и сказала:

— Я... благодарна вам... за вашу доброту и за то... что вы беспокоитесь... о моем будущем. Я... постараюсь сделать то... что вы... хотите.

Ее голос пресекся на последнем слове, но девушка справилась с собой и подошла к столу, — Я не сомневался, что вы будете благоразумны. Итак, запомните, Кистна, что теперь ваше имя — Мирабел Честер. Вы дочь моего кузена Эдуарда, путешественника. Думаю, сам он называл себя исследователем. Теперь и он, и его жена умерли.

— Значит, Мирабел... сирота... как и я!

— Именно так! — ответил маркиз. — И поскольку вы одного возраста, между вами, наверное, довольно много общего.

Он заметил, что девушка сильно побледнела, словно готова была упасть в обморок.

— Подойдите ближе и сядьте поудобнее, — предложил он. — Я расскажу вам о Мирабел, чтобы вы не допустили какого-нибудь промаха.

Он поднялся, обошел стол и направился к камину. Кистна опустилась в уютное кресло напротив.

Последние два дня было очень тепло, и огонь в камине не зажигали. Вместо этого в нем устроили удивительную композицию из цветов и растений, выращенных в теплицах аббатства. Кистна вдыхала их аромат и думала о том, что запах — неотъемлемая часть красоты аббатства, как запах пыли, грязи и нищеты пропитывал воздух приюта.

Жизнь в Индии научила Кистну острее воспринимать окружающий мир. Она не сомневалась, что не только зрение и слух, но и обоняние создают тот образ какого-либо места, который остается в памяти. Для нее аббатство было пропитано ароматом цветов, пчелиного воска и дорогих сигар. А еще был неповторимый аромат свежести, который приносил ветер с вересковых пустошей.

Все это для Кистны ассоциировалось с маркизом. Сейчас, когда он сидел напротив, такой красивый и неотразимо привлекательный, девушка ощущала, как все ее тело вибрирует от любви.

— Мирабел с тех пор, как умер ее отец, живет в Риме, — рассказывал маркиз. — Сейчас она оканчивает очень хорошую школу, но я уверен, что вы знаете ничуть не меньше, чем она, а возможно, благодаря тому, что вы жили совсем в других условиях, и намного больше.

— Я... не говорю по-итальянски.

— Да, но ваш французский становится все лучше и лучше. Сомневаюсь, что граф говорит на каком-нибудь еще иностранном языке.

— Но если он... спросит меня о чем-нибудь, на что я... не смогу ответить?

— Я уверен, что вы достаточно сообразительны, чтобы не попасться, — ответил маркиз. — В подобных обстоятельствах лучше всего говорить как можно меньше.

— Когда вы хотите... чтобы мы... поженились? — спросила Кистна.

Маркиз чуть было не сказал: «Как можно скорее!» — но подумал, что это, пожалуй, может

испугать девушку.

Весьма неопределенно он ответил:

— Мы, конечно, должны обсудить все с графом, и, я полагаю, вы доверите это мне. Подумайте, как вам повезло. Если бы ваши отец и мать были живы, они тоже были бы благодарны мне за то, что я устроил ваше будущее так, как они не могли и мечтать.

Маркиз подумал, что его слова звучат несколько высокопарно, но, несомненно, успокаивающе.

И он совсем не ожидал, что в глазах Кистны внезапно мелькнет безумное, испуганное выражение, как если бы она хотела возразить или отказаться от всего, на что согласилась раньше. Затем словно нечеловеческим усилием она взяла себя в руки, выражение ее лица изменилось, на глаза навернулись слезы, и от этого они стали казаться еще больше.

Невнятно пробормотав извинение, она вскочила с кресла и выбежала из библиотеки. Маркиз изумленно смотрел ей вслед, пока ее шаги не стихли в коридоре.

— К нам гости! — воскликнул Уоллингхем, как только они выехали на подъездную аллею, которая вела к дому.

Взглянув на маркиза, он понял, что им обоим известно, кому принадлежит остановившийся перед парадным входом фаэтон.

Они подъехали поближе, и сомнений не осталось вовсе: черные с желтым колеса и обивка экипажа, черная с желтым ливрея кучера — цвета графа Бранскомба, в которых всегда выступал на скачках его жокей.

— Вы знаете, кто это? — спросила Кистна. — Вы хотите... чтобы я спряталась... пока они не уедут?

Ее голос слегка дрожал. Она вообразила, что экипаж принадлежит той прекрасной леди, которая навещала маркиза вчера утром и вернулась снова.

Они ездили на ферму, и Кистна была совершенно очарована при виде новорожденных ягнят и телят, которые еще плохо держались на своих непослушных ножках.

Девушка была счастлива, что может быть рядом с маркизом, и даже позабыла на время тревоги нынешнего утра.

На ферме все казалось ей таким восхитительным, что ее настроение передалось и маркизу, и Уоллингхему.

— Мама часто рассказывала мне, как прекрасна весна в Англии, — говорила Кистна, — и мне представлялись золотистые нарциссы поддеревьями, и распускающиеся почки... Но я совсем забыла, что весна — это еще и вот эти ягнята, и пушистые цыплята, и утята, что бродят, переваливаясь с боку на бок.

Кистна протянула маркизу цыпленка, спрашивая:

— Есть ли на свете что-либо более восхитительное?

Наблюдая за девушкой, Уоллингхем думал, о том, что то же самое можно было бы спросить и о

ней. Он поражался, что маркиз не замечает, как восхитительна Кистна, когда она держит в ладонях цыпленка, а глаза ее прямо-таки светятся от счастья.

Теперь, при взгляде на фаэтон у крыльца, она сразу сникла.

— Я хочу, — сказал маркиз с явным удовлетворением, — чтобы вы поднялись наверх и надели свое самое прелестное и самое роскошное платье. Распорядитесь, чтобы вас причесали соответствующим образом. К тому моменту, как я за вами пришлю, вы должны быть готовы встретиться с вашим будущим мужем, графом Бранскомбом.

— Он... уже здесь?

Не могло быть сомнений в, том, что голос девушки звучал испуганно.

— Это его фаэтон. Как видите, это очень дорогой экипаж. И обратите внимание, какие великолепные лошади!

В его тоне звучала сдержанная язвительность, и Кистна внимательно посмотрела на него, но промолчала. Маркиз продолжал:

— Кистна, вы обещали делать то, что я прошу! Будьте осторожны и помните, что ваше имя — Мирабел. Именно так я стану к вам обращаться.

— Я... помню об этом, — ответила Кистна тихо, — но я не понимаю... почему вы хотите выдать меня замуж за человека... который вам не нравится.

— Кто вам сказал, что он мне не нравится?

— Это видно... по вашему тону.

— У вас слишком богатое воображение, — ответил маркиз холодно и направил лошадей к площадке перед домом, на которой стоял фаэтон Бранскомба. Они вышли из экипажа, и Кистна, подчиняясь распоряжению маркиза, побежала наверх, а маркиз повернулся к Уоллингхему с торжествующей улыбкой.

— Вы были правы! — сказал он, но так тихо, чтобы не слышали слуги. — Рыбка клюнула, и нам остается только проследить, чтобы она заглотнула наживку и не сорвалась с крючка!

— Я охотно уступлю эту честь вам, — ответил Перегрин, но умоляю вас, Линден, не забывайте одну важную вещь.

— Какую?

— Вы играете людьми, а не шахматными фигурами.

Маркиз с недоумением посмотрел на него, но Уоллингхем уже отвернулся и стал подниматься по лестнице, направляясь в свою комнату.

Лакей с поклоном отворил дверь в гостиную, где уже дожидался Бранскомб. Войдя, Олчестер увидел его в дальнем конце комнаты и вновь почувствовал, насколько неприятен ему этот человек. Но когда граф обернулся, маркиз шагнул к нему навстречу с выражением радушия, изрядно приправленного удивлением:

— Добрый день, граф! Какой неожиданный визит!

— Я ехал к Веруламу в Горхембери, — ответил Бранскомб, — и, поскольку дело, которое я намерен с вами обсудить, носит весьма личный характер, я надеюсь, вы простите меня за то, что я не предупредил заранее о своем визите.

— Конечно, — ответил маркиз. — Не Хотите ли присесть? Я вижу, слуги уже принесли вам выпить.

Бранскомб держал в руке бокал с шампанским. Поставив его на столик, он остался стоять у камина, словно так ему было легче говорить.

Олчестер налил себе немного шампанского и молча ждал, понимая, что Бранскомбу нелегко начать этот разговор.

Наконец тот заговорил:

— Иногда мне кажется, Олчестер, что мне пора подумать о женитьбе. Как вам известно, их величества высказали пожелание, чтобы все, кто, как я, составляет их постоянное окружение, были бы женаты.

Бранскомб замолчал, но, поскольку маркиз ничего не ответил, заговорил снова:

— Моей будущей жене выпадет особая честь. Она получит наследуемый титул камер-фрейлины и станет не только компаньонкой ее величества королевы, но и ее подругой.

Видя, что Бранскомб не собирается садиться, маркиз сам непринужденно опустился в стоявшее у камина кресло, скрестил вытянутые ноги и откинулся назад.

Он думал, что испытывает ни с чем не сравнимое удовольствие, видя перед собой Бранскомба в непривычной для того роли просителя.

— Королева еще так молода, — продолжал граф, — ей нет еще и двадцати шести. Ей будет приятно, что рядом с ней женщина, которая еще моложе нее. Уверен, вы согласитесь со мной.

— Конечно, — пробормотал маркиз.

— Поэтому после долгих размышлений я решил, что мне нужна молоденькая жена, которая, естественно, по рождению и положению в обществе могла бы: играть ту роль, которая уготована моей супруге при дворе.

Бранскомб снова замолчал, ожидая ответа маркиза, но тот лишь кивнул в знак согласия и отпил глоток шампанского из своего бокала.

— Не так уж просто найти именно то, что вам нужно, — продолжал граф, — но я думаю, что есть молодая женщина, о которой я со всей искренностью могу сказать, что она отвечает всем моим требованиям, и эта женщина, Олчестер, — ваша подопечная, Мирабел Честер.

Маркизу удалось изобразить неподдельное изумление.

— Мирабел! — воскликнул он. — Но ведь она еще не представлена королеве.

— Я слышал, что ей уже исполнилось восемнадцать, — заметил Бранскомб, — Это действительно так, но я не собирался выдавать ее замуж сразу же по приезде в Англию!

— Не вижу причины медлить.

Маркиз поставил на столик свой бокал.

— Воистину вам, Бранскомб, удалось заставить меня враспloch. Как опекун Мирабел я вижу, какие преимущества имеет для нее союз с вами, но вижу также, что этот союз выгоден и вам.

Сказанного было вполне достаточно, чтобы в глазах Бранскомба вспыхнул огонек алчности и голос его зазвучал слишком уж ровно, чтобы показаться естественным:

— Полагаю, она унаследовала огромное состояние.

— Просто невероятное! Оно уже выражается астрономической цифрой и продолжает расти.

— Итак, я считаю, что получил ваше разрешение, — произнес Бранскомб явно, торжествующим тоном, — начать ухаживать за вашей подопечной и просить ее руки?

— Я, конечно, не могу отвергнуть подобное предложение, — произнес маркиз официальным тоном, — но есть одно условие.

— Условие?

— Поскольку тот, кто женится на Мирабел, с момента свадьбы будет распоряжаться всем ее состоянием, я хочу, чтобы моя подопечная получила от своего жениха значительную сумму, которая принадлежала бы исключительно ей и обеспечивала ей безбедное существование.

Произнося эту фразу, маркиз подумал, что он, по сути, не сказал ни слова лжи, ловко жонглируя словами «Мирабел» и «моя подопечная».

Бранскомб с недоумением воззрился на него.

— Но зачем?

— Я хочу, чтобы моя подопечная не чувствовала себя зависимой от мужа.

— Уверяю вас, что я весьма щедр.

— Всем нам известны случаи, когда богатые наследницы не могли получить ни пенса из своего состояния, потому что после свадьбы оно, по закону, становилось собственностью мужа.

— Как я уже сказал, моя щедрость известна, — похвастался Бранскомб.

— Я всего лишь охраняю интересы моей подопечной.

После небольшой паузы Бранскомб спросил:

— Какую сумму я должен записать на нее?

— Поскольку состояние Мирабел так велико, я полагаю, что моя подопечная в день свадьбы должна получить капитал, способный обеспечить ей доход в тысячу фунтов в год!

— Это невозможно! — резко произнес Бранскомб.

— Невозможно? — переспросил маркиз.

— Я не предполагал, что вы выдвинете такое странное требование, но, поскольку вы сделали

это, я вынужден поставить вас в известность, разумеется, строго конфиденциально, что мне будет очень трудно, если не совершенно невозможно, выполнить ваше требование.

— Мне это кажется невероятным, — ответил маркиз.

Бранскомб подошел к столу, где в серебряном ведерке со льдом стояла бутылка шампанского, и, не спрашивая позволения, снова наполнил свой бокал.

— Я буду с вами откровенен, Олчестер, — сказал он, сделав глоток шампанского, — и расскажу вам нечто, что известно очень немногим, но что ставит меня в весьма затруднительное положение.

Маркиз ждал продолжения, отметив про себя, что в этой ситуации есть что-то, чего он не ожидал.

— Мой дед был человеком богатым, но весьма экстравагантным, — начал Бранскомб. — К тому же у него была большая семья, всех членов которой он, по мнению моего отца, его старшего сына, содержал на широкую ногу.

Маркиз слегка улыбнулся, зная, что, традиционно, в аристократических семьях старший сын получал все, что принадлежало отцу, а младшие в семье были весьма и весьма стеснены в средствах.

— Кроме того, — продолжал Бранскомб, — мой дед очень гордился древностью нашего рода, и вы, конечно же, понимаете, что, когда князь Фридрих Мильдерштайнский сделал предложение его младшей дочери, дед был весьма польщен.

Маркиз удивленно приподнял бровь.

— Я знаком с князем Фридрихом, но понятия не имел, что его жена приходится вам теткой.

— В том-то и дело, что нет, — ответил граф с горечью, — и именно в этом причина всех моих бед.

По его тону маркиз понял, что Бранскомб не любит, когда его перебивают.

— Брачное соглашение было заключено, и, поскольку дед не сомневался, что князь рассчитывает на огромное приданое, он повел себя самым, на мой взгляд, предосудительным образом.

— Что же он сделал? — спросил маркиз, в глубине души уверенный, что знает ответ.

— Он отписал моей тетке крупную сумму, и, в силу некоторых причин, я не мог помешать этому до самого кануна ее свадьбы.

Маркиз не прерывая внимательно слушал, и Бранскомб, выдержав паузу с мастерством, которое сделало бы честь драматическому актеру, произнес:

— А затем она исчезла!

— Исчезла?

— Исчезла в ночь перед свадьбой! Но все ее вещи остались в комнате, и я решил, да и до сих пор так думаю, что это была нечестная игра. Ее, очевидно, убили!

— Но вы не смогли это доказать?

— Как мы могли это доказать, раз ее тело так и не было найдено? — резко спросил граф.

— И это значит, — медленно произнес маркиз, — что вы не можете воспользоваться теми деньгами, которые оставил ей ваш дед.

— Именно так. В конце концов суд сообщил мне, что я не могу рассчитывать на них, пока не пройдет двадцать пять лет. Я уверен, что тогда суд наконец признает ее мертвой и эти деньги вернутся ко мне.

— Сколько же вам осталось ждать?

— Еще пять лет или около того.

Губы маркиза плотно сжались, и Уоллингхем, будь он в эту минуту в гостиной, подумал бы, что лицо его друга искажено жестокой усмешкой.

— Бранскомб, я понимаю ваши затруднения, — заговорил Олчестер, — но и вы должны понять, что в свете этих печальных обстоятельств я не могу дать согласия на ваш брак с моей подопечной.

— Вы можете отказать мне? — Голос Бранскомба дрожал от возмущения.

— Боюсь, что так. Если только вы не соберете достаточно денег, чтобы дать моей подопечной необходимую независимость.

Маркиз слегка усмехнулся:

— Не так уж трудно будет достать любую сумму в ожидании такого наследства.

Бранскомб прохаживался перед камином, прихлебывая шампанское из вновь наполненного бокала.

Олчестер молча ждал. Наконец Бранскомб сказал:

— Удовлетворит ли вас, если ваша подопечная будет иметь пятьсот фунтов в год?

— Может, остановимся на семистах пятидесяти? — предложил маркиз. — После того как наши лошади выиграли дерби в мертвом гите, мы должны бы прийти к дружескому соглашению, когда ставки неизмеримо ниже!

Бранскомб на минуту задумался, затем ответил:

— Хорошо, но вы, Олчестер, вынудили меня заключить сделку менее выгодную, чем я ожидал.

— Я думал не о вас, а о моей подопечной. Полагаю, вы хотели бы ее увидеть?

— Конечно. И мне хотелось бы не откладывать свадьбу надолго. Я уверен, что это весьма обрадует королеву, и, кроме того, у меня есть свои причины не слишком медлить с этим.

Маркиз подумал, что эти причины чисто финансового свойства, но не произнес это вслух, а позвонил в колокольчик и, когда появился лакей, сказал:

— Попросите мою подопечную спуститься в гостиную.

— Хорошо, милорд.

Когда дверь за слугой закрылась, Бранскомб сказал:

— Думаю, будет лучше, если я сразу введу Мирабел в лондонское общество как мою супругу, чем если она сначала начнет выезжать, а потом будет объявлено о нашей помолвке.

Маркиз подумал, что Бранскомб нуждается в средствах куда больше, чем стремится показать, и хотя особенно медлить не входило в его собственные планы, сделал вид, что вовсе не собирается сразу идти на уступки.

— Вам не кажется, — спросил он графа, — что ваши родственники очень удивятся, если вы не познакомите их с вашей будущей женой до свадьбы? Да и мои родственники, вероятно, захотят встретиться с вами.

— Не вижу смысла в этих скучных семейных сборищах, — резко возразил Бранскомб. — Нам обоим будет намного удобней, если венчание состоится в вашей домашней часовне. А потом мы поставим светское общество перед свершившимся фактом.

— Что мне во всем этом действительно не нравится, так это свадьба, — ответил маркиз. — Поэтому меня ваш вариант устраивает. Но, с другой стороны, сперва я должен обсудить это с моей подопечной наедине.

При этом маркиз подумал, что, если Бранскомб будет спешить со свадьбой, а Кистна окажется не подготовленной к этому, она может вообще отказаться участвовать в этой затее и погубить весь замысел.

Бранскомб не успел ответить, двери отворились, и в гостиную вошла Кистна.

Выглядела она прелестно, но маркиз видел, как девушка испугана.

На ней было зеленое платье, искусно сшитое по последней моде и безумно дорогое. Ее волосы уложили в затейливую прическу, а в вырезе платья был прикреплен крошечный букетик живых подснежников. Девушка казалась истинным воплощением весны.

Кистна направилась к ним. Двигалась она легко и безупречно, остановилась именно в том месте, где следовало, и присела в реверансе. Понимая, как она испугана, маркиз взял ее за руку и почувствовал, что ее пальцы трепещут словно крылья пойманной птицы. Маркиз легким пожатием постарался немного ободрить девушку.

— Моя дорогая, я хочу представить вам графа Бранскомба, который просил моего разрешения поухаживать за вами. Я, со своей стороны, могу рекомендовать его как наиболее подходящего для вас мужа.

При этом маркиз с трудом удержался, чтобы голосом не выдать свое злорадство.

Граф учтиво поклонился. Несомненно, в прекрасно сшитом костюме, с искусно завязанным галстуком и в безукоризненно начищенных ботинках он выглядел весьма привлекательно.

— Ваш опекун, мисс Честер, — обратился Бранскомб к Кистне, — дал согласие на наш брак, и потому я имею честь просить вас стать моей женой.

Он протянул руку, и маркиз, чувствуя, что Кистна не в состоянии ответить ему или хотя бы пошевелиться, передал руку девушки, которую держал в своей руке, Бранскомбу, и тот поднес ее к губам.

— Я уверен, — сказал граф, — что нам будет очень хорошо вдвоем.

Кистна по-прежнему не могла вымолвить ни слова, и маркиз поспешил прервать неловкую паузу:

— Полагаю, мы должны выпить по бокалу шампанского. Я пью за ваше здоровье.

Он подошел к столу и, наполнив шампанским бокалы для себя и для Кистны, вернулся туда, где Кистна по-прежнему стояла неподвижно, а Бранскомб разглагольствовал, становясь с каждым словом все более самодовольным:

— Ваш опекун, несомненно, подтвердит, что его величество весьма ценит мои советы и королева интересуется моим мнением обо всем, что она делает. Это очень большая ответственность, и я от всей души надеюсь, что моя жена разделит ее со мной, так же как и обязанности, возложенные на меня в Хампшире, где Бранскомбы уже много веков играют ведущую роль в управлении графством.

Маркиз вложил бокал с шампанским в руку Кистны и поднял свой:

— Позвольте мне выпить за вас обоих! Желаю вам многих лет счастья!

— Благодарю вас, — ответил Бранскомб.

Он допил свой бокал. Кистна сделала лишь крохотный глоток.

Она была так бледна, что показалась маркизу подснежником, вроде тех, что украшали вырез ее платья. Но он испугался, что Кистна вот-вот потеряет сознание.

— Почему бы вам не пригласить сюда мистера Уоллингхема? — предложил он. — Уверен, он будет рад услышать эту прекрасную новость!

— Я... с удовольствием... сделаю это, — ответила Кистна слегка изменившимся голосом.

Она поставила свой бокал на ближайший столик и поспешила к выходу из гостиной.

— Она еще очень молода и потому застенчива, — объяснил маркиз, словно пытаясь извиниться за ее молчание.

Бранскомб улыбнулся:

— Это именно те качества, которые я хотел бы видеть в моей будущей жене.

Тон, каким это было сказано, почему-то вызвал у Олчестера желание ударить графа.

Он позвонил, чтобы принесли еще шампанского, надеясь, что Кистна не вернется в гостиную, а Бранскомб не сочтет подобную застенчивость подозрительной.

Кистна, действительно, не вернулась вместе с Уоллингхемом, который пришел выпить за здоровье Бранскомба и наговорил ему комплиментов, столь откровенно неискренних, что они заставили маркиза нахмуриться.

Бранскомб, впрочем, был настолько преисполнен сознанием значимости своей персоны, что к тому моменту, как он наконец уехал, у маркиза не осталось никаких сомнений: Бранскомб и мысли не допускал, что его предложение могут отклонить. Не сомневался он и в том, что будущая невеста и ее опекун должны прийти в восторг от перспективы столь выгодного союза.

— Черт его побери! — сказал маркиз Уоллингхему, когда они вернулись в гостиную. — Каждый раз, как я с ним встречаюсь, он мне нравится все меньше. Все, что я могу сказать, так это то, что, если король в состоянии терпеть Бранскомба, он, конечно, не согласится принять билль о реформах.

Этот вопрос был камнем преткновения между обеими палатами парламента, всей страной и королем, который всегда находил повод, чтобы не допустить никаких реформ, хотя они давно назрели.

Но Уоллингхем, казалось, не слушал друга.

— Что подумала о нем Кистна? — произнес он.

— Понятия не имею. Она не произнесла ни слова.

Маркиз считал, что застенчивость Кистны оказалась весьма кстати, но это было не похоже на нее. Не в характере Кистны была подобная неуверенность.

— Где она сейчас? — спросил Уоллингхем.

— Полагаю, наверху, — ответил маркиз. — Я отправлю за ней.

— Если она расстроена, наверное, будет лучше, если я сам разыщу ее, — предложил Перегрин.

Затем, немного поколебавшись, он сказал:

— Нет, я думаю, будет лучше, если пойдете вы. Она захочет увидеть именно вас.

Маркиз не стал спорить.

— Думаю, она у себя в гостиной, но сперва мне нужно выпить. Передать не могу, как нестерпим Бранскомб, когда он рассуждает о своем высоком положении при дворе, близости к королю и, конечно же, о важности собственной персоны.

— Что вы предприняли, чтобы обеспечить будущее Кистны? — спросил Перегрин. — Когда Бранскомб узнает правду, он обойдется с ней так же, как с Розы, выкинет за порог без единого пенни.

— Я уже думал об этом, — ответил маркиз, . — и дал свое согласие только при условии, что он положит на ее имя капитал, который обеспечит доход в семьсот пятьдесят фунтов в год.

Губы маркиза скривились в презрительной усмешке.

— Я настаивал на тысяче, но Бранскомб пожаловался, что очень стеснен в средствах. Мне пришлось уступить. Я предложил эту сумму — семьсот пятьдесят фунтов, на которых мы в итоге и сошлись.

— Откуда такая скупость? — удивился Уоллингхем. — Мне всегда казалось, что в его кармане отнюдь не пусто.

— Я тоже так думал, но оказалось, что дед Бранскомба, еще больший сноб, чем он сам, записал огромную сумму на его тетку, которая должна была выйти замуж за князя Фридриха Мильдерштайнского. Но та исчезла накануне свадьбы, и, хотя Бранскомб абсолютно уверен, что ее убили, тело так и не было найдено.

— Я припоминаю, — заметил Уоллингхем, — мой отец рассказывал мне об этом скандале. Ее исчезновение было грандиозным потрясением для всех. Ведь это была королевская свадьба, на нее собрались коронованные особы со всей Европы.

Уоллингхем расхохотался.

— Значит, исчезла не только невеста, но и деньги, которые были ей завещаны! Представляете, как должен беситься Бранскомб — не иметь возможности прибрать к рукам целое состояние!

— Теперь я понимаю, почему он до безумия стремился выиграть дерби. Не считая славы и прочих почестей, две тысячи восьмьсот фунтов — это не та сумма, которой можно пренебречь!

— Конечно! — согласился Перегрин. — И тем больше он будет стремиться выиграть Золотой кубок. Вам следует за ним приглядывать, особенно если он снова решит нанять Джейка Смита.

— Ему лучше не пытаться мошенничать в Аскоте. Если он это сделает, я добьюсь, чтобы и его жокей, и его лошадь были дисквалифицированы. Хотелось бы мне заодно дисквалифицировать и его самого!

— Я думаю, что, когда он обнаружит, что за душой у Кистны нет ни пенса, он будет наказан вполне достаточно.

— Теперь я знаю, что это ударит по нему даже сильнее, чем я ожидал, — с удовлетворением отметил маркиз.

Затем, снова вспомнив о Кистне, он сказал раздраженно:

— Чего, черт побери, она ждет? Бранскомб уехал, и я хочу с ней поговорить!

Глава седьмая

— Обед подан, милорд!

Маркиз разговаривал с Уоллингхемом, стоя у камина.

Он обернулся к дворецкому, который ждал распоряжений.

— Мисс Кистна еще не спускалась, — резко ответил он.

— Миссис Дос просила меня передать вашей светлости, что мисс Кистна не спустится к обеду.

Маркиз ничего не ответил, но, когда он, поставив на стол стакан, вместе с Уоллингхемом направился в столовую, между его бровями залегла глубокая складка.

Когда он после отъезда Бранскомба поднялся наверх, чтобы поговорить с Кистной, в ответ на его стук появилась миссис Дос. К удивлению маркиза, не приглашая его войти, она сама вышла в коридор, осторожно закрыв за собой дверь будуара.

— Я хочу видеть мисс Кистну, — резко бросил Олчестер.

— Я думаю, милорд, будет лучше, да простит мне ваша светлость подобные слова, не беспокоить ее сейчас, — ответила миссис Дос. — Она очень расстроена, и я пытаюсь убедить ее лечь отдохнуть.

Губы маркиза сжались. Он хотел сказать очень многое, но не миссис Дос.

— Тогда передайте мисс Кистне, что я хочу видеть ее за обедом, — ответил он.

Теперь, когда Кистна отказалась спуститься к обеду, маркиз чувствовал раздражение и досаду, но к ним примешивалось еще одно чувство, которому он не мог подобрать названия.

Обед, как всегда, был великолепен, но маркиз, казалось, не замечал вкуса предложенных ему изысканных блюд, и их разговор с Уоллингхемом то и дело прерывался длительными паузами. Когда обед был окончен и слуги вышли, маркиз произнес:

— Полагаю, мне удалось взять реванш даже успешнее, чем я ожидал. Раз Бранскомб сравнительно легко согласился записать на счет Кистны требуемую мной сумму, он, несомненно, весьма заинтересован в этом браке.

Перегрин промолчал.

— Похоже, вас это не радует. А мне казалось, что вы терпеть не можете Бранскомба, — заметил Олчестер, — Это действительно так, но мне не нравится то, что ненависть к нему делает с вами.

— Со мной? — удивленно переспросил маркиз.

Уоллингхем помолчал, подбирая слова.

— Моя мать всегда говорила, что ненависть, как бумеранг, возвращается к тому, кто ненавидит, и причиняет ему больше вреда, чем тому, против кого она направлена.

— Кажется, я понимаю, что вы хотите сказать мне таким странным способом, — ответил маркиз надменно. — Но не думаете же вы, что я должен был спустить Бранскомбу его непорядочную выходку во время розыгрыша дерби?

Перегрин ничего не ответил, и маркиз продолжал:

— Я уверен, что мой план мести весьма изящен и заслуженное возмездие не только унижит Бранскомба, но и больно ударит его по карману!

— Меня уже тошнит от разговоров о Бранскомбе! — с раздражением воскликнул Уоллингхем. — Эта идея мести превратила вас в чудовище. Я бы предпочел, чтобы Бранскомб, мошенничая, выиграл дюжину дерби, чем смотреть, как вы строите заговоры и плетете интриги. На мой взгляд, это унижает ваше достоинство!

Маркиз был поражен. За годы знакомства с Уоллингхемом дружба сблизила их сильнее, чем если бы они были братьями, но Перегрин никогда не говорил с ним в подобном тоне.

Маркиз был уже готов дать волю своему раздражению, но вспомнил, что слуги ждут, когда они уйдут из столовой, и могут услышать его слова. Он поднялся и позвонил в золотой колокольчик.

Дверь буфетной немедленно распахнулась.

— Вы звонили, милорд? — спросил, появляясь на пороге, дворецкий.

— Пришлите в библиотеку графин бренди, — распорядился маркиз и покинул столовую, размышляя о том, как ответить на обвинения Уоллингхема и доказать ему, что он, искажая намерения друга, в сущности, поддерживает Бранскомба.

Они перешли в библиотеку, которую Олчестер предпочитал всем другим комнатам, если хотел побыть один или в сугубо мужской компании.

Сумерки еще не наступили, но в библиотеке уже горели свечи, и в их мягком свете цветные кожаные переплеты книг на полках вдоль стен до самого потолка, покрытого изысканной росписью, выглядели особенно привлекательно.

Маркиз, впрочем, вряд ли замечал это, занятый своими мыслями. Когда дворецкий поставил на стоявший рядом с креслом столик графин резного стекла, он первым делом наполнил рюмку Уоллингхема и спросил:

— Вы, конечно, отправили обед мисс Кистны вверх, в ее комнаты?

— Конечно, милорд, я сделал это немедленно, но обед вернулся нетронутым. Мне сообщили, что юная леди не будет обедать.

С этими словами дворецкий вышел, а маркиз сказал раздраженно:

— Что за нелепость! Она не может отказываться от обеда, ведь она еще до сих пор недостаточно окрепла после трех лет жизни впроголодь!

— Очевидно, она слишком расстроена.

— Расстроена? — переспросил Олчестер, — Чем она может быть расстроена? Когда я смотрю на Бранскомба, как бы он ни был мне неприятен, мне всегда кажется, что он весьма привлекателен с женской точки зрения.

— Возможно, Кистна так не думает.

— Откуда вы это взяли? — спросил маркиз раздраженно.

— Мне кажется, что ответ на этот вопрос очевиден.

— И поэтому она дуется, прячась от нас в своих комнатах? Что с ней происходит? Боже милосердный, она получила шанс сделать самую блестящую партию, о которой любая женщина может только мечтать! Ее будущее обещает быть приятнее, чем если бы ей пришлось самой зарабатывать себе на хлеб.

— Она действительно собиралась сделать это?

— Она говорила что-то в этом роде. Естественно, я ответил ей, что единственно, в чем она имеет опыт, это работа в приюте. Но мне кажется, что с нее достаточно и того, что она там вынесла.

— Право же, Линден, вы были с ней слишком жестоки! — воскликнул Уоллингхем, и в его голосе прозвучало осуждение.

Маркиз снова посмотрел на него с изумлением:

— Я пытался дать ей понять, как ей повезло. В конце концов, она ничего не знает о Бранскомбе. Почему она не хочет выходить за него замуж?

В комнате повисло напряженное молчание. Видя, что Олчестер ждет, Перегрин был вынужден ответить:

— Как она может желать выйти замуж за Бранскомба, если она любит... другого?

Маркиз раскрыл было рот, чтобы возразить, но затем на лице его отразилось безмерное удивление. Он смотрел на Уоллингхема так, как будто видел его впервые в жизни.

Затем, не сказав ни слова, маркиз вышел из библиотеки, хлопнув дверью. Пройдя через холл, он устремился наверх по главной лестнице и, поднявшись на второй этаж, решительно направился к будуару Кистны. Но перед дверью он остановился, словно задумавшись о том, что он ей скажет, а возможно, пытаясь разобраться в собственных чувствах.

Затем он постучал. Ответом ему было молчание. Маркиз подумал, что Кистна, по настоянию миссис Дос, легла и уснула.

Он подошел к соседней двери и снова постучал. За дверью послышалось какое-то движение, потом она открылась, на пороге стояла миссис Дос.

При виде маркиза на лице ее отразилось изумление.

— Я пришел узнать, как здоровье мисс Кистны, — сказал он. — Я встревожился, узнав, что она не стала обедать.

— Милорд, я думала, что мисс Кистна с вами.

Маркиз покачал головой.

— Ничего не понимаю! — воскликнула миссис Дос. — Внизу мне сказали, что мисс Кистна отказалась от обеда, и я подумала, что ей стало хуже. Поэтому, как только я сама пообедала, я поднялась наверх, но ее комнаты были пусты.

Словно желая убедиться в этом, маркиз отстранил экономку и вошел в спальню Кистны.

Одного взгляда на ее кровать было достаточно, чтобы увидеть: постель смята, но сейчас на ней никого нет.

— Когда я вошла сюда несколько минут назад, — продолжала рассказ миссис Дос, — я решила, что мисс Кистна передумала и спустилась к вам, ваша светлость. Дверца шкафа была, как может убедиться ваша светлость, открыта, и я подумала, что молодая леди, должно быть, переоделась без помощи служанки.

— Ее не было в библиотеке, — сказал маркиз. — И я не думаю, что она сидит в одиночестве в какой-нибудь гостиной.

— Конечно, нет, милорд! — воскликнула миссис Дос. — Но я только что подумала... ведь это могла быть мисс Кистна!

— Что — это?

— Я не подумала об этом раньше, но, когда я вошла в спальню, занавеска не была задернута. Я подошла к окну, и мне показалось, что я видела кого-то в белом, кто направлялся через лужайку к озеру.

— Не представляю, что мисс Кистне придет в голову пойти к озеру, когда вот-вот стемнеет.

— Возможно, ей было необходимо подышать свежим воздухом, милорд. Она была расстроена, очень расстроена, и это очень нехорошо для нее сейчас, потому что она все еще очень слаба после всего, что ей довелось вытерпеть в том жутком месте.

— Да, конечно, — поспешил согласиться маркиз.

— Милорд, я никогда не видела ее такой несчастной, — продолжала миссис Дос. — У меня сердце разрывалось, глядя на нее. Казалось, ей сообщили что-то очень-очень плохое.

Маркиз не сомневался, что миссис Дос сгорает от любопытства, но он промолчал, и экономка сказала:

— С вашего позволения, милорд, я бы постаралась ее найти. Нехорошо ей гулять одной по темному парку, да еще в таком состоянии. Как бы не случилось несчастья.

Маркиз внимательно посмотрел на экономку и, не сказав ни слова, вышел.

Вместо того чтобы спуститься по главной лестнице в холл, где у двери дежурил лакей, он быстро прошел до конца коридора, где была другая лестница, которая вела в восточное крыло огромного дома. По этой лестнице можно было спуститься к двери, выходившей прямо в парк.

Дверь была заперта, но маркизу потребовалось всего несколько мгновений, чтобы повернуть ключ в замке и отодвинуть оба засова. Он оказался на лужайке, отлого спускавшейся к самому озеру, скрытому за деревьями и кустарником. Странно, подумал Олчестер, почему Кистне пришлось в голову отправиться именно сюда. Но тут он вспомнил один разговор, и это заставило его ускорить шаг.

Однажды, когда они с Кистой шли по мосту через озеро, девушка, любуясь игрой солнечных бликов на поверхности воды, спросила:

— Вы когда-нибудь купались в этом озере? Я уверена, что купались, хотя бы в детстве.

— Очень часто, — ответил маркиз с улыбкой, — но только с этой стороны. Та часть озера опасна.

— Почему?

— Садовники аббатства называют это «зыбучими песками». К тому же там, наверное, есть какое-то подводное течение. Несколько лет назад там нашли утопленника. Мой отец запретил мне и всем остальным приближаться к этому берегу.

— И, я уверена, вы повиновались, — смеясь, заметила Кистна.

— Конечно, — ответил маркиз. — Я был примерным ребенком.

Теперь эта легкомысленная болтовня показалась ему зловещей, хотя он и повторял себе, что смешно даже думать о подобных вещах. Тем не менее маркиз шел все быстрее. Вскоре он миновал первую живую изгородь, затем усыпанные белыми цветами вишни и миндаль. Теперь

Олчестер почти бежал.

Он пытался убедить себя, что фигура в белом, о которой говорила миссис Дос, на самом деле была кустом цветущей сирени, которая роняла в лунном свете свои лепестки, но доводы рассудка не помогали. Все больше убеждаясь в том, что его подозрения могут оправдаться, маркиз бросился бежать быстрее.

Он и забыл, как далеко протянулось озеро и как густо разрослась сирень в этой части парка за последние пять лет. Наконец, когда маркиз уже начал задыхаться, а сердце, казалось, готово было выскочить из его груди, заросли кончились и он увидел берег озера и... Кистну.

Чувствуя, как отлегло у него от сердца, когда он увидел девушку, но раздраженный своими беспочвенными страхами, он остановился в тени деревьев и смотрел на нее.

Кистна стояла на высоком берегу над тем самым омутом, в котором много лет назад утонул человек. Девушка стояла нагнувшись, и маркиз не мог понять, что она делает. Он предположил, что Кистна собирает цветы, но было странно, что она делает это ночью и в самой глухой части парка.

И тут он увидел на берегу у ее ног что-то большое и массивное. В неверном лунном свете трудно было разглядеть как следует, но маркиз догадался, что это коричневый холщовый мешок. В такие мешки служанки в аббатстве собирали белье, чтобы отдать его в стирку. Но зачем девушке понадобилось приносить мешок сюда, на берег озера?

В следующую минуту маркиз заметил, что Кистна привязывает к лодыжкам какую-то веревку. Другой конец веревки тянулся к мешку.

Девушка выпрямилась и взглянула на лежавшее внизу озеро. Маркиз с ужасом понял, что она собирается сделать.

Через мгновение он оказался рядом, но, когда он уже протянул руки, чтобы удержать ее, девушка вскрикнула.

— Нет... нет! Уходите! Оставьте меня! Вы меня... не остановите!

Девушка вырывалась у него из рук, и маркиз отчетливо понимал, что она стоит на самом краю обрыва и при малейшем неловком движении может потерять равновесие и упасть в воду.

Крепче прижав к себе, он попытался Оттащить ее От опасного места, но понял, что привязанный к ногам девушки мешок удерживает ее. Должно быть, в нем были камни.

— Как вы могли додуматься до такого?

— Я все равно не могла... ничего сделать, — ответила Кистна.

— Нет, могли! — Голос маркиза звучал почти грубо, так он испугался.

— Если бы только... вы пришли... всего на минуту позже, — прошептала Кистна, — меня бы уже... не было и никто... никогда... не смог бы меня найти.

Маркиз сжал ее сильнее.

— Как вы могли решиться на эту крайность, на это безумие?

Он продолжал сжимать ее в объятиях, а Кистна пыталась освободиться, как будто, несмотря на его присутствие, хотела довести до конца то, что задумала. Эти попытки становились постепенно все менее настойчивыми, и наконец, словно ощутив бессмысленность дальнейшего сопротивления, Кистна вдруг обмякла в его объятиях и склонила голову ему на плечо.

— Не понимаю, — сказал маркиз, — как вы могли даже подумать о чем-то столь ужасном?

— Папа сказал бы... что это грех, — произнесла Кистна так тихо, что Олчестер едва расслышал ее слова, — но мама... наверно... поняла бы.

— Что именно она поняла бы? — спросил маркиз так, словно разговаривал с маленьким ребенком.

— Что я не могу... выйти замуж... за этого человека!

Он... дурной человек... я... поняла это... когда он коснулся... моей руки.

— Дурной? — переспросил маркиз. — Почему вы так думаете?

— Я в этом... уверена. В нем есть что-то... что меня... пугает, и я все равно... не могу... выйти замуж!

— Но почему?

Маркиз видел, что Кистна готова ответить. Затем, словно вспомнив, с кем она разговаривает, она отвернулась и спрятала лицо у него на плече.

— Н-нет... я не могу... сказать вам.

Маркиз осторожно взял ее за подбородок и повернул к себе ее лицо.

— Посмотрите на меня, Кистна! Посмотрите на меня и скажите, почему вы не можете выйти замуж.

В ее глазах застыло горестное выражение, а на щеках виднелись следы слез. Она показалась маркизу столь же трогательной и жалкой, как при их первой встрече.

Но, прижимая ее к себе, ощущая прикосновение ее тела, он понимал, как она изменилась и как мало похожа на то жалкое изголодавшееся существо, которое тогда казалось ему просто уродливым.

Теперь девушка была красива, и ее красота была совсем иной, чем красота других женщин, которых он знал.

Ощущая, как она дрожит в его объятиях, маркиз понимал, что ничего подобного он не испытывал ни разу за всю свою жизнь.

Он привез Кистну из сиротского приюта, она была совсем юной, и маркиз никогда не думал, что эта девушка может быть столь же желанна, как Изобел или другие светские дамы, которыми он восхищался. Он был так занят ее обучением премудростям этикета, что почти не думал о ней как о живом человеке. В его глазах она была лишь неким оружием, с помощью которого он рассчитывал нанести удар человеку, которого ненавидел.

Теперь, когда она смотрела на него и он читал ответ на свой вопрос в глубине ее

выразительных глаз, когда он понял, что девушка дрожит не от страха, а от того, что его руки касаются ее тела, он ощутил невероятный, ни с чем не сравнимый восторг.

— Скажите мне, — очень мягко произнес маркиз, — почему вы говорите, что никогда не выйдете замуж, и почему вы не можете выйти замуж за графа?

Он знал, что глубокий тон его голоса и близость его тела волнуют девушку. И вдруг, словно его взгляд лишил Кистну воли, не в силах больше сопротивляться, она взглянула ему в глаза и прошептала, очень тихо и неуверенно, прерывающимся от волнения голосом:

— Я... я люблю вас... я ничего... не могу с этим поделать... я люблю вас... Как я могу позволить... другому... прикоснуться ко мне?

— Другого никогда не будет! — И губы маркиза прильнули к ее губам.

Он почувствовал, как она сперва застыла, пораженная, а потом ее губы раскрылись навстречу его губам. Он и не представлял себе, что губы женщины могут быть такими мягкими, свежими, невинными и в то же время волнующими.

Как только его руки обняли ее, маркиз понял, что нашел нечто, что искал всю жизнь. Оно все время ускользало от него, и он никогда не мог объяснить даже самому себе, что именно он ищет. Только чувствовал, что оно где-то рядом.

И только теперь он понял, что это любовь, настоящая любовь, ничего общего не имеющая с пламенной, но быстро гаснущей страстью, которую в нем возбуждали столь многие женщины.

А Кистна чувствовала, что Небеса внезапно раскрылись и маркиз, которого она так долго представляла святым Михаилом, несет ее к тому божественному свету, который она всегда считала неотъемлемой частью любви. Она слышала музыку и пение ангелов, ощущала аромат цветов.

Это был чистый восторг, красота, которую она всегда искала, но которая во всем своем великолепии могла явиться лишь с тем, кого она полюбит.

Кистна любила маркиза, и его губы дарили ей истинную божественную красоту.

Когда маркиз поднял голову, девушка сказала, и голос ее дрожал от восторга, который в ней вызывала близость любимого:

— Я... я люблю вас... и все, чего я хочу... прежде чем умереть... чтобы вы... меня поцеловали...

— Как вы можете думать о смерти, когда вы принадлежите мне? Теперь я знаю, что никогда не смогу ни потерять вас, ни позволить вам уйти!

На минуту показалось, что ее лицо озарилось солнцем.

— В-вы хотите сказать... что я могу остаться... с вами... и не выходить... замуж?

— Вы выйдете замуж за меня! — решительно заявил маркиз.

Ее взгляд ясно сказал ему, что эта мысль никогда не приходила девушке в голову, и он продолжал:

— Вы должны, моя дорогая, попытаться простить мне мою невероятную слепоту и глупость,

которые до последней минуты не давали мне понять, что я люблю вас, что вы единственная, кого я хотел бы назвать своей женой!

— Вы... вы действительно... так считаете?

— Я люблю вас! — ответил маркиз просто.

Он снова и снова целовал ее, и его поцелуи были долгими, медленными, но требовательными, а Кистне казалось, что ее душа ускользает от нее к нему, что она перестает быть сама собой и становится тем, кого любит...

Прошло немало времени, и на небе зажглись первые звезды, когда маркиз произнес:

— Думаю, мое сокровище, нам пора покинуть это опасное место. — Голос маркиза звучал как-то странно. — Если вы упадете в озеро сейчас, то мы скорее всего утонем вместе!

Кистна испуганно вскрикнула:

— Вы должны быть осторожны... очень осторожны!

Маркиз улыбнулся.

— Именно это я хотел сказать вам: стойте спокойно и крепко держитесь за меня, пока я не развяжу веревку.

С этими словами он наклонился, отвязал веревку, поднял тяжелый мешок с камнями и бросил его в воду.

С громким всплеском мешок скрылся под водой, и маркиз с ужасом понял, что, опоздай он на несколько секунд, Кистну уже невозможно было бы спасти.

Никто никогда не узнал бы, что с ней случилось, и даже ее тело вряд ли когда-нибудь было бы обнаружено.

Словно боясь даже думать о таком ужасе, маркиз взял Кистну на руки и понес прочь от обрыва.

— Я должен бы очень-очень сердиться на вас! — сказал он.

— П-пожалуйста, простите меня, — умоляла Кистна. — Я... слишком... люблю вас... поэтому предпочла бы... скорее умереть... чем расстаться с вами.

— Мы никогда не расстанемся! Теперь я понял, хотя давно должен был понять это, что не представляю себе жизни без вас!

— Я думала, — сказала Кистна тихо, — что если бы вы... смогли полюбить меня... хотя бы на месяц... неделю... даже на один-единственный день... Я была бы... так благодарна... что не просила бы большего.

— Но вы должны получить больше, намного больше!

Например, меня, — до конца наших дней!

Кистна тихо воскликнула.

— Именно этого я хочу: быть с вами... любить вас — это значит оказаться... на Небесах.

Маркиз опустил ее на землю под цветущим миндальным деревом.

— Если возможен рай здесь, на земле, — сказал он, — я подарю его вам. А вы должны подарить его мне.

— Так и будет... — ответила Кистна и потянулась к нему губами.

Потом они медленно пошли к дому, и дорога эта была долгой.

Каждое слово Кистны будило в маркизе желание целовать ее снова и снова, и когда они наконец вышли к аббатству, окна которого были ярко освещены, маркизу показалось, что любовь подарила девушке красоту, подобную солнцу. Она светилась от счастья, и это счастье передавалось ему.

Держась за руки, они вошли в библиотеку, где нашли уснувшего в кресле Перегрин. У него на коленях лежал недочитанный номер «Тайме».

Прежде чем они окликнули его, Уоллингхем открыл глаза, словно ощутив их присутствие в комнате.

— Где вы были? — начал он. Затем, заметив выражение их лиц, он с возгласом изумления вскочил с кресла. — Что случилось? — спросил он, зная, что вопрос излишен.

Ему ответила Кистна — Кистна, которая за этот вечер изменилась до полной неузнаваемости.

— Мы собираемся... пожениться! — сказала она, захлебываясь от счастья.

Перегрин издал вопль восторга и подбросил газету в воздух.

— Ура-а-а! — воскликнул он. — Именно на это я и надеялся! Поздравляю, Линден! Я знал, что рано или поздно вы поймете...

Маркиз, обернувшись, улыбнулся Кистне. Увидев выражение его глаз, Уоллингхем понял, что все, чего он искренне желал своему другу, сбылось.

После множества фальстартов и разочарований маркиз все-таки выиграл скачку, главным призом в которой была любовь, прежде ускользавшая от него.

Уоллингхем, заметив, как они смотрят друг на друга, понял, что на время о нем забыли и он прерывает нечто настолько прекрасное, что это почти вызывает боль, но все же сказал:

— Мы должны выпить за это! Думаю, стоит приказать принести бутылку шампанского?

— Думаю, куда важнее, чтобы Кистна поела, — заметил маркиз.

— Я слишком счастлива, чтобы чувствовать голод, — ответила она.

— Все равно. Вам необходимо что-нибудь съесть — хотя бы для того, чтобы сделать мне приятное.

— Вы же знаете, я сделаю все, чтобы... доставить вам удовольствие, — сказала Кистна тихо. Они стояли рядом и смотрели в глаза друг другу, словно говорили без слов, не в силах

поверить в обретенное счастье.

— Вы звонили, милорд? — спросил дворецкий, появляясь на пороге библиотеки.

Маркиз с усилием вернулся к реальности.

— Попросите повара приготовить легкий ужин для мисс Кистны и пришлите сюда бутылку шампанского.

— Хорошо, милорд.

Дворецкий уже собирался закрыть за собой дверь, когда рядом с ним возник один из лакеев. Дворецкий принял из его рук серебряный поднос, на котором лежал конверт, и передал его маркизу.

— Милорд, это письмо получено несколько минут назад. Насколько я могу судить, оно прибыло на почтовую станцию слишком поздно, чтобы его отправили в обычное время, но на конверте стоит пометка «Срочное», и оно пришло из-за границы, поэтому начальник почты прислал с ним своего сына.

Маркиз взял конверт с подноса.

— Поблагодарите его, — сказал он дворецкому, — и наградите мальчика.

— Я прослежу за этим, милорд.

Маркиз взглянул на конверт и сказал с улыбкой:

— Это письмо из Рима. Оно, должно быть, касается моей подопечной, Мирабел.

Он снова улыбнулся Кистне и добавил:

— Теперь, моя дорогая, вам не нужно изображать ни ее, ни еще кого-нибудь. Все, чего я хочу, — это чтобы вы были самой собой и моей женой!

— К-когда... мы сможем... пожениться?

— Я не собираюсь ждать дольше, чем это необходимо, — ответил маркиз. — И я не настаиваю на том, чтобы свадьба была слишком пышной.

Кистна вскрикнула:

— О да... пожалуйста... пусть там не будет никого... кроме нас.

— И Перегрин, — добавил маркиз. — Он будет вашим посаженным отцом и шафером!

— Благодарю, — сказал Уоллингхем сдержанно — Удивительно, что вы не требуете, чтобы я еще и играл на органе!

— Я бы потребовал, если бы думал, что вы на это способны! — поддразнил его маркиз.

— Конечно, мы хотим, чтобы вы присутствовали на нашей свадьбе, — сказала Кистна.

Затем она посмотрела на маркиза и, волнуясь, спросила:

— Это... правда? Вы действительно... вправду собираетесь... жениться на мне?

— Это правда! — заверил ее маркиз.

Затем, словно не в силах справиться с собой, он обнял Кистну за плечи и прижал к себе.

Она несмело прислонилась щекой к плечу маркиза и тут же, словно смущенная таким открытым проявлением своих чувств, сказала:

— Вскройте письмо, ведь на нем пометка «Срочное».

На самом деле она очень боялась, что в конверте окажется известие, которое помешает маркизу жениться на ней так скоро, как он намеревался.

Маркиз, похоже, тоже испытывал беспокойство по этому поводу. Во всяком случае, он подошел к столу и, взяв золотой нож для разрезания бумаги, украшенный драгоценными камнями, вскрыл конверт и вынул тонкий лист бумаги.

Пока маркиз читал письмо, Кистна не отрываясь смотрела на него, и ее глаза, по мнению Перегринна, весьма красноречиво говорили о любви. Закончив чтение, маркиз поднял глаза и улыбнулся:

— Говорят, что молния никогда не ударит дважды в одно и то же дерево. Но, похоже, одна свадьба притягивает другую!

— Что случилось? — поинтересовался Уоллингхем.

— Тетка Мирабел пишет, что моя подопечная полюбила юного князя ди Боргезе и он тоже любит ее. Поскольку он фантастически богат, не может быть никаких подозрений, что он интересуется только ее состоянием. Тетка надеется, что я дам свое согласие на их брак, и тогда свадьба состоится еще до конца лета.

Маркиз протянул руки к Кистне.

— Думаю, моя дорогая, мы можем включить Рим в наше свадебное путешествие и побывать на свадьбе моей подопечной, которая, конечно, будет совсем не такая, как наша.

— Наше свадебное путешествие! — прошептала Кистна, чувствуя, что эти слова значат больше, чем все, сказанное маркизом за вечер.

— Наш медовый месяц мы проведем за границей, — улыбнулся маркиз. — Мне бы хотелось побыть этот месяц только с вами вдвоем, а это будет трудно сделать здесь, в Англии, где каждый захочет на вас посмотреть.

Кистна снова воскликнула:

— Да, пожалуйста... пожалуйста... давайте уедем... я хочу... быть только с вами.

Ее голос звучал так трогательно, что маркиз бросил письмо на стол и обнял девушку.

— Мы поженимся послезавтра, — сказал он твердо. — Я пошлю Андерсона в Лондон, чтобы он получил специальную лицензию, и, прежде чем кто-нибудь что-нибудь узнает, мы будем уже на пути в Париж!

— Нет, на Небеса! — тихо сказала Кистна. — Наши Небеса... ваши и мои.

Комната, в которой они обедали, была небольшая, но очень милая. Кистна, впервые увидев небольшое имение маркиза на Дуврской дороге, сказала, что оно похоже на кукольный домик.

— Зачем вам этот дом, когда у вас есть аббатство? — спросила она, когда маркиз рассказал ей, где они проведут первую ночь медового месяца.

— Мне часто приходится менять лошадей на Дуврской дороге, и я предпочитаю, чтобы они стояли в моей собственной конюшне, а не на почтовой станции.

— Вы такой богатый! — дразнила его Кистна.

— Нет, просто практичный. Мне показалось, что один день в имении будет хорошим началом нашего медового месяца.

Они обвенчались в часовне аббатства, показавшейся Кистне ужасно древней.

Девушке очень понравилось, что монахи, бывшие в часовне, присоединились к молитвам, которые читал священник. Их глубокие голоса сливались с музыкой органа.

Уоллингхем привел Кистну в часовню, где их уже ждал маркиз.

— Миссис Дос сказала, что это к несчастью, если жених увидит свою невесту до свадебной церемонии, — сказала девушка, — а я хочу быть очень, очень счастливой, поэтому лучше останусь у себя в комнате до тех пор, пока не пора будет идти в часовню.

— Вы уже принесли мне счастье, — ответил маркиз. — Я никогда не чувствовал себя таким счастливым и не ждал так многого от будущего.

— Я хочу, чтобы вы всегда это чувствовали. Но, возможно... я скоро... наскучу вам. Мне говорили, что вам часто становилось скучно... со многими красивыми женщинами?

— То, что я чувствую к вам, — совсем другое, — твердо ответил маркиз, зная, что говорит правду.

Теперь, глядя на Кистну, которая сидела напротив него за небольшим столиком, украшенным белыми цветами, маркиз уже не в первый раз удивлялся, как он мог не разглядеть в ней свой идеал с момента их первой встречи.

При свете свечей, в белом платье, с живыми цветами в волосах, она была воплощением юности, красоты и счастья. Маркиз подумал, что только музыка могла бы создать ее неповторимый образ.

— Я люблю вас! — произнес он, И, как будто не было для них других слов, Кистна, словно эхо, откликнулась:

— И я люблю... вас... но я еще... преклоняюсь перед вами, потому... что вы всегда казались мне... святым Михаилом... который пришел спасти меня из мрака ада и вознести в Небеса, к свету.

— Моя дорогая! — с глубоким чувством произнес маркиз.

Затем, словно он не мог больше вынести, что их разделяет столик, маркиз протянул руки и помог Кистне подняться.

Они вышли из столовой и по скрипучим дубовым ступеням отправились наверх, в старомодную спальню, где стояла огромная кровать с четырьмя дубовыми столбиками по углам.

Комнату освещали три свечи на маленьком столике у кровати, скрытой голубым балдахином. Не было ни горничной, ни камердинера.

Когда маркиз закрыл за собой дверь, Кистна почувствовала, как волнение захлестывает ее, словно она не сомневалась, что он снова подарит ей совершенную, возвышенную, божественную красоту. Но, оказавшись в его объятиях, почувствовав, как его губы ласкают ее, она поняла, что их любовь — любовь человеческая и она прекрасна.

Он целовал ее страстно и требовательно, а потом сказал:

— Я вас обожаю! Но я постараюсь помнить о том, как вы молоды, и не испугать вас, моя драгоценная крошка!

— Я никогда не боялась вас, если только вы... на меня не сердились, — ответила Кистна. — Вы любите меня, и я знаю: все, что вы делаете, прекрасно и божественно!

— Моя любимая, моя прекрасная маленькая жена, я вас обожаю!

И маркиз целовал ее до тех пор, пока слова им стали не нужны и свет любви не поглотил их.

Позже, когда уже догорали свечи, Кистна вдруг воскликнула:

— Я забыла об одной вещи!

— О чем, мое сокровище? — Маркиз взглянул на Кистну, доверчиво прижавшуюся к его плечу, и коснулся ее волос.

— Как вы можете быть так прекрасны?

— Вы уверены, что все еще... так думаете?

Маркиз улыбнулся:

— Каждое мгновение, которое я провожу с вами, каждый раз, когда я касаюсь вас, вы кажетесь мне все более прекрасной, более восхитительной, так что мне становится страшно.

— Страшно? — переспросила Кистна.

— Что вы можете устать от меня!

Кистна тихо и счастливо рассмеялась.

— Это самый чудесный комплимент, какой только вы могли мне сделать. Когда я думаю о том, какой я была, когда вы увидели меня в приюте, и слышу слова, подобные этим, мне кажется, что вы дарите мне звезды, луну и солнце. Может ли хоть одна женщина на свете хотеть большего?

— Мне так многое хочется подарить вам, — сказал маркиз, — но я согласен, что ни один подарок не может сравниться со звездами, луной и солнцем!

Маркиз притянул ее к себе и, касаясь губами ее нежной кожи, сказал:

— Я люблю вас: ваши слова, ваши мысли, ваш тихий голос и ваши глаза! И, как однажды сказал Перегрин, ваш восхитительный маленький носик.

— Перегрин так сказал? — переспросила Кистна.

— Он говорил о вас много лестного, но, если вы позволите ему флиртовать с вами или будете к нему слишком благосклонны, я стану ревновать.

— Вам не надо... ни к кому ревновать, — страстно отозвалась Кистна. — Я люблю вас... и теперь, когда вы показали мне, какой прекрасной может быть любовь, вам следует понять, что... мне не нужен... ни один мужчина в мире... кроме вас.

Маркиз хотел ее поцеловать, но Кистна сказала:

— Я вспомнила об одном деле, которое я должна обязательно сделать в день моей свадьбы.

— Что же это?

— Я обещала маме, что, когда выйду замуж, я прочитаю ее письмо.

— Письмо? — с удивлением переспросил маркиз.

Кистна очень тихо ответила:

— Думаю, мама предчувствовала, что они с папой умрут от холеры.

Маркиз еще крепче обнял ее, и девушка продолжала:

— Сначала было всего несколько случаев заболевания, но местные власти забеспокоились, и, конечно, отец пытался сделать все, что было в его силах, чтобы помочь.

Кистна замолчала, словно вспоминая.

— Однажды мама долго сидела за столом и что-то писала. Потом она сказала мне: «Принеси свою Библию, ту, которую тебе подарил отец». Я принесла из своей спальни Библию, и мама очень осторожно отклеила изнутри кожаный переплет.

— Зачем же она это сделала?

— Она вложила туда то письмо и снова аккуратно подклеила кожу. Потом сказала мне: «Я не хочу, чтобы ты читала его и даже думала о нем до того, как выйдешь замуж. И тогда, в день свадьбы, ты вскроешь это письмо, если только я не скажу тебе раньше, что пришло время его прочитать». Больше мама не говорила об этом.

— Но эта Библия всегда была с вами.

— Я же говорила, это единственная вещь, которая у меня осталась.

— Ну что ж, — сказал маркиз. — Вскройте письмо сейчас, пока я не помешал вам сделать это.

С этими словами он поцеловал ее плечо, и Кистна отдернула балдахин, чтобы взять Библию, которая лежала на столике рядом с подсвечником. Затем она села в кровати, а маркиз откинулся на подушки, не сводя с нее глаз.

Он думал о том, что невозможно найти другую женщину, столь же очаровательную, совершенно лишенную эгоизма и очень чуткую.

Маркиз понимал, что не только ее любовь, но и интуиция, которой столь юные девушки обычно лишены, позволяет ей так легко откликаться на все его желания. А еще он с удивлением обнаружил, что в этой очень юной женщине он нашел свою половину.

Он так сильно любил ее, что думал о ее ощущениях больше, чем о своих собственных. Поэтому их слияние было не только физическим, но и духовным. Для маркиза это было не только чем-то новым, но и казалось ему совершенным во всех отношениях.

Он не сомневался, что его любовь, в которой он так долго не отдавал себе отчета, будет становиться все глубже и полнее, по крайней мере до тех пор, пока он не уверится, что сделал Кистну такой же счастливой, каким она сделала его.

Глядя на Кистну, он думал, что ни одна женщина до нее не будила в нем такого желания, и никогда прежде не ощущал он такого глубокого удовлетворения и душевного спокойствия. Он чувствовал, как в нем пробуждаются новые стремления, которые обещают необычайную полноту жизни в будущем.

Кистна тем временем достала из-под переплета Библии исписанные листки бумаги, развернула их, и маркиз увидел в ее глазах печаль. Она думала о матери.

Маркиз испугался, что Кистна словно отдаляется от него, и протянул к ней руку. Девушка почувствовала его опасения, обернулась и улыбнулась ему.

— Может быть, прочесть вам мамино письмо? — спросила она. — Мне бы хотелось разделить это с вами так же, как мы делим все остальное.

— Конечно, милая.

Кистна поднесла письмо поближе к свету и начала читать. В ее голосе, казалось, звучала музыка:

"Моя дорогая, любимая дочь!

Если со мной что-нибудь случится, я хочу, чтобы ты знала тайну, о которой я не хочу говорить сейчас, особенно в присутствии отца.

Ты знаешь, как хорошо нам было вместе, твоему отцу и мне, и что я самая счастливая женщина на свете, потому что люблю и меня любит самый замечательный человек на земле, такой замечательный, что он, наверное, был послан мне самим Богом. Но, выйдя замуж за твоего отца, Кистна, я сделала то, что большинство людей сочло бы весьма предосудительным поступком, хотя и очень смелым.

Я никогда не говорила с тобой о своей семье, потому что это было очень опасно для твоего отца.

Если бы мой отец нашел нас — а я знаю его как человека могущественного и весьма мстительного, — он бы заставил нас обоих страдать и, возможно, даже уничтожил бы твоего отца".

Словно испугавшись того, что она только что прочла, Кистна бросила быстрый взгляд на маркиза. Казалось, один его облик давал ей ощущение спокойствия и безопасности.

— Продолжайте, моя дорогая, — сказал маркиз мягко, и Кистна вновь начала читать:

"На самом деле мой отец — седьмой граф Бранскомб!

Я была его младшей дочерью и не без гордости могу сказать, что он любил меня больше, чем остальных детей. И он был очень польщен, когда князь Фридрих Мильдерштайнский попросил моей руки.

Нет необходимости говорить, что никто не спрашивал меня, хочу ли я выйти за него замуж. Мне лишь сказали, что я должна быть счастлива и преисполнена благодарности за то, что удостоюсь чести носить королевскую корону.

Я бы, наверное, тоже считала, что этот брак даст мне огромные преимущества, если бы уже не была влюблена настолько безрассудно, что для меня не существовало в мире других людей, кроме моего любимого".

Кистна тихо ахнула.

— Именно так я отношусь к вам, — сказала она маркизу.

— Я скажу, что я чувствую, моя любимая, но сначала дочитайте письмо до конца.

Кистна продолжала:

"Я встретила твоего отца, когда украшала цветами нашу церковь. Я делала это каждую субботу, и это было моей обязанностью в течение нескольких лет.

Он сказал мне, что назначен викарием этой церкви.

Мы поговорили, а потом стали встречаться каждую неделю, но мои родители, конечно, об этом не подозревали.

Ты же знаешь, как он красив и очень, очень мил. Я страстно полюбила его и знала, хотя он и не говорил об этом, что он тоже меня любит.

Когда мне сказали, что отец дал свое согласие на мой брак с князем Фридрихом, мы не могли больше молчать и признались друг другу в своих чувствах, хотя знали, что нам не на что надеяться.

Твой отец сказал, что не сможет оставаться в Европе, зная, что я вышла замуж за князя, и через одного из своих родственников, служившего в Ост-Индской компании, договорился, что отправится в Индию миссионером.

Уже было известно, что скоро власти позволят миссионерам проповедовать в Индии, и, видя горячее желание твоего отца уехать, этот родственник помог ему получить разрешение отправиться в Индию раньше, чем остальные миссионеры.

Так уж случилось, что корабль, на котором должен был плыть твой отец, уходил из Тилбери утром того самого дня, когда должна была состояться моя свадьба.

Я была вне себя от горя из-за того, что навсегда теряю Джона и должна буду против воли выйти замуж за князя Фридриха. Ни огромное приданое, ни дорогие подарки и приготовления к свадьбе не доставляли мне никакого удовольствия. В тот момент, когда я должна была попрощаться с любимым, я поняла, что не смогу без него жить и, если мы не можем быть вместе, мне лучше умереть".

Кистна посмотрела на маркиза и поняла, что они думают об одном и том же. Затем она продолжала читать исповедь матери:

"Мы встретились в церкви, которая уже была убрана белыми цветами к завтрашней свадебной церемонии. Твой отец был в дорожном костюме. Он собирался в тот же день в пять часов вечера сесть в почтовый дилижанс, который останавливался на перекрестке у нашей деревни.

Когда мы встретились, я поняла, что не могу позволить ему уехать. «Возьмите меня с собой, — умоляла я. — Пожалуйста, возьмите меня с собой! Если вы покинете меня, я умру, потому что не смогу выйти замуж ни за кого, кроме вас!»

В первое мгновение он не поверил мне. Потом он понял, что я говорю правду и мои слова идут из глубины сердца. Он обнял меня, и я поняла, что больше нам нечего бояться, что теперь будущее принадлежит нам!

Я села в дилижанс с твоим отцом в той одежде, в какой была. Я боялась вернуться домой за вещами, потому что кто-нибудь мог заметить это и помешать мне уехать. Мы поженились на следующий день, рано-рано утром, венчавший нас пожилым священник был подслеповат и не заметил, что я преувеличила свой возраст. Мы поднялись на палубу корабля, и никто не обратил внимания на двух скромных миссионеров.

Много позже мы узнали, что мое исчезновение перед самой свадьбой стало для всех ужасным потрясением и многие считали, что меня убили. Я же была счастлива, что благодаря этому ужасному предположению меня не стали искать, иначе Джона могли бы обвинить в похищении несовершеннолетней или, что еще хуже, отец мог добиться расторжения нашего брака.

Если ты читаешь это письмо, моя дорогая маленькая Кистна, значит, меня уже нет с вами, но, пожалуйста, помни о том, что я была счастливейшей женщиной в мире, потому что вышла замуж за человека, которого любила и который любил меня, который подарил мне корону любви, самое ценное, что есть на свете.

Благословляю тебя, моя дорогая, и надеюсь, что в свою первую брачную ночь ты обретешь то же счастье, что нашла я, такую же чудесную любовь, которая будет хранить и защищать тебя всю жизнь".

Голос Кистны дрогнул на последних словах письма.

Она положила его на стол, и маркиз немедленно заключил ее в свои объятия.

— Ваши родители любили друг друга так же, как мы, — сказал он, — и мы будем так же счастливы, как они.

Но даже в эту минуту он не мог не подумать о том, что его реванш оказался абсолютным: Бранскомб не мог жениться на Мирабел, деньги, записанные его дедом на младшую дочь, теперь принадлежали Кистне, Бранскомб по-прежнему был вынужден искать богатую наследницу, чтобы поправить свои дела.

Это была высшая справедливость, но теперь для маркиза было гораздо важнее, что он нашел Кистну и с ней — свою любовь.

Она изменила его, и маркиз знал, что никогда больше он не будет прежним, тем «чудовищем», как сказал Перегрин, грубым и безжалостным.

Он был безумно, невозможно счастлив и хотел, чтобы все вокруг тоже были счастливы. Все, но не Бранскомб.

Это было бы слишком!

Маркиз больше не горел желанием отомстить графу, но он не мог позволить ему портить себе жизнь в будущем, как ему удавалось делать это в прошлом.

Единственное, что сейчас имело для маркиза значение, было счастье Кистны, Он знал, что она его любит, и поэтому сделать ее счастливой было вполне в его силах.

Сейчас в ее глазах стояли слезы. Кистна была слишком потрясена прочитанным, и маркиз целовал ее, чтобы осушить эти слезы.

Он целовал жену до тех пор, пока ее печаль не исчезла без следа, и он почувствовал, что разгоравшийся в нем огонь воспламеняет и ее.

Этот огонь разгорался все сильнее, и, когда его губы касались шеи Кистны, маркиз чувствовал, как она дрожит в предвкушении тех новых ощущений, которые он ей подарил.

— Я... люблю вас, — шептала Кистна почти беззвучно, — Я хочу вас... мой Бог, как я хочу вас! — отвечал маркиз.

— Я ваша... Любите меня... любите!

Его руки снова коснулись ее тела, его губы снова завладели ее губами, сердца их бились в унисон, и Кистна думала о том, что он уносит ее к Небесам.

А маркизу казалось, что они вознеслись к звездам, что солнце окутало их своим сиянием.

На свете существовала только их любовь, и они были единым целым.